

МАКС ФРАЙ + АМФОРА = ФРАМ

фрам
представляет

триП

*Путешествие
с тремя пересадками*

триП
Путешествие
с тремя пересадками

фрам

МАКС ФРАЙ + АМФОРА = ФРАМ

«ТриП», сказать по правде, означает в данном случае «три повести», то есть название сборника — просто дань стремлению составителя называть вещи своими именами. Но, конечно, и тот *trip*, который в переводе с английского «путешествие», — не просто забавный дополнительный смысловой оттенок, а, как всякий хороший каламбур, помогает прояснить истинное положение дел. Три повести, опубликованные в сборнике, — три билета в путешествие; они подходят для этого ничуть не меньше, чем любой другой увлекательный текст. Слово «увлекательный» мне тоже очень нравится, понятно почему. Хватает за шкуру и влечет, волочит то есть, за собой, — чего ж нам еще?

Макс Фрай

издательство
амфора

Рисунки на обложке Людмила Милько

фрам

Макс Фрай

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

триП

*Путешествие
с тремя пересадками*

С А Н К Т П Е Т Е Р Б У Р Г

издательство
амфора

2007

УДК 82/89
ББК 3
Т 67

*Защиту интеллектуальной собственности и прав
издательской группы «Амфора»
осуществляет юридическая компания
«Усков и Партнеры»*

Т 67 триП: Путешествие с тремя пересадками : [повести] /
[сост. М. Фрай]. — СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2007. —
318 с. — (Серия «ФРАМ»).

ISBN 978-5-367-00514-1

«Три П» означает в данном случае «три повести», то есть название сборника — просто дань стремлению составителя называть вещи своими именами. А еще это три билета в путешествие — они подходят для этого ничуть не меньше, чем любой другой увлекательный текст: хватают за шкирку и влекут, волочат то есть, за собой, — чего ж нам еще?

**УДК 82/89
ББК 3**

© Макс Фрай, составление,
послесловие, 2007
© Зонис Ю., Матвеев И.,
Морозова О., 2007
© Оформление.
ЗАО ТИД «Амфора», 2007

ISBN 978-5-367-00514-1

Иван Матвеев

ЭКЗОРЦИСТЫ

Был светлый вечер.

На одной из кривых пражских улочек, за столиком открытого кафе кое-кто уплетал уже третью порцию клубничного мороженого. У него были черные, зачесанные назад короткие волосы и желтые глаза. А также синяя рубашка, темные вельветовые брюки и небольшой кейс, лежащий рядом, на стуле. На спинке висела вельветовая же куртка.

«Кое-кого» звали Доминик Франсиско Диас.

Фамилий у него было, мягко говоря, побольше, чем две. Но эти были настоящими.

Доев мороженое, Доминик вздохнул и подозвал официантку:

— Счет, будьте добры, — попросил он на английском.

Девушка кокетливо улыбнулась. Клиент ей нравился: он обладал какой-то классической красотой.

Расплатившись, Доминик Франсиско Диас надел куртку, подхватил кейс и неторопливо пошел по булыжной мостовой.

Как известно, все извилистые пражские улочки, мощенные булыжником, рано или поздно приводят на Староместскую площадь. Улица, по которой шел Диас, следовала традиции. На площади шумели туристы; они оккупировали почти все пространство и непрерывно щелкали фотоаппаратами. Небольшие толпы осаждали сувенирные лотки, где продавались поделки из железа, копии старинного оружия, флейты и прочие безделушки. Надо сказать, на фоне обычной пластиковой дребедени, которую в Европе выдают за сувениры, эти товары здорово выигрывали.

Невольно задержавшись возле лотков, Диас посмотрел на часы ратуши. Время близилось к семи. Из людского потока вынырнула изящная во всех отношениях фигура и подошла к Доминику:

— Привет, Дом.

— Привет. Тоже пришла пораньше? — Он повернулся, и они пошли в сторону Мустека.

Девушку, которая шла рядом с Домиником, звали Наташа Бауэр. Как и Доминик, она была одета просто и легко: светлая блузка и широкие брюки из темной ткани. Рыжие волосы она собрала в хвост. Случайный прохожий мог принять их за брата и сестру, поскольку глаза у обоих были одинаково необычного цвета: желтые. На плече у девушки висела замшевая сумочка.

— На Староместскую трудно не прийти пораньше, — пожала плечами Наташа. — Я прилетела сегодня утром. Успела обойти весь Старый город.

Она взяла его под руку.

— А ты, наверное, дегустировал местное мороженое.

— Да. Рекомендую.

— Как-нибудь потом.

— Бережешь фигуру? — равнодушно поинтересовался Доминик.

— Дешевое у тебя остроумие. Давай звони Сантьяго. Доминик вытащил из кармана куртки телефон, нажал кнопку быстрого набора.

— Мы на месте, — сообщил он. — Заходим минут через десять.

— Помнишь, что сегодня пятница? — поинтересовался голос в трубке.

— Конечно. Я засуну его verge foudroyante ему в задницу, будьте спокойны. А где Минц?

— Минц пока еще в Хельсинки. Наташа рядом?

— Да. Что-нибудь передать?

— Нет. Начинайте.

«Господи, я снова здесь и снова грешу».

Вернув телефон в карман, Доминик окинул взглядом высокий старый дом, перед которым они остановились.

— Богатый, но не высокого полета парнишка, — определил он. — Удачно. Просто прогулка. Не то, что в тот раз, с военной базой. В следующий раз потребую у Сантьяго нечто большее, чем просто адрес.

— В тебе нет любви к импровизации, — упрекнула его Наташа, надевая перчатки.

Доминик раскрыл свой кейс.

— В тебе тоже. Именно поэтому Сантьяго обратился к нам. А побольше информации никому бы не помешало.

Достав из кейса похожие перчатки, он тоже надел их и нажал на кнопку звонка. Видеофон мелодично пикинул, потом раздался вопрос на чешском. Наташа молча показала объективу камеры какое-то удостоверение. После паузы они услышали треск — открылся электромагнитный замок.

— Кто мы сегодня? — поинтересовался Доминик, открывая тяжелую дверь.

— Налоговая. Истинное зло, — без улыбки ответила Наташа.

За дверью был небольшой вестибюль, потом — что-то вроде приемной. Навстречу гостям вышел частный охранник. На поясе у него висел старый «скорпион». Еще один охранник сидел в небольшом закутке, отделенном пуленепробиваемым стеклом, и смотрел в мониторы охранной системы.

Первый охранник что-то спросил.

— Посмотри сюда, — сказал Доминик на испанском и указал пальцем в сторону мониторов.

Голова охранника начала невольно поворачиваться в ту сторону, потом до него дошло, что творится что-то неладное. В этот момент Наташа выстрелила сквозь сумочку, попав чуть повыше бронежилета первого охранника. Доминик мгновенно достал из кейса пистолет и двумя выстрелами разнес «пуленепробиваемое» стекло, уложив и второго охранника.

— Я пойду за ним, — сказал он, перешагивая через тело. Наташа, даже не кивнув, занялась охранной системой, уничтожая все записи.

Доминик заглянул в приемную, никого там не обнаружил и, полагаясь на свой опыт, осмотрел первый этаж в поисках спуска в подвал. Это оказалась белая безликая дверь, запертая изнутри на банальную защелку. Дверь была безжалостно выбита с петель. Сразу за ней полтора десятка ступенек вели вниз, в коридор, тускло освещенный старыми лампами накаливания. По стенам шли трубы, покрытые капельками сконденсировавшейся влаги. Внизу было довольно холодно.

Упирался коридор в очередную дверь, на этот раз железную. На ее ржавеющей поверхности были накарбаны какие-то знаки. Доминик несколько секунд изучал их, потом пожал плечами и прижался ухом к замочной скважине.

— ...*Venite. Venite*, — неслось оттуда. — *In subito!*..

— Твою-то мать, — сказал Доминик и расстрелял замок двери. Пнув ее, он увидел небольшую комнату, выкрашенную (и стены, и пол, и потолок) в темно-синий цвет и захламленную по углам всяким мусором — обрезками дерева, бумагой, кусками пластика и даже костями. В центре стоял человек. За его спиной были три зеркала и шкафчик с книгами. В углу лежали четыре огромные трубы, покрытые письменами.

Тип, стоявший в центре комнаты, был одет в идиотскую, с точки зрения Доминика, хламиду серого цвета. Лет ему было около сорока. В глаза сразу бросались густая, короткая бородка и крючковатый нос. В правой руке у носатого был жезл длиной в полметра, с раздвоенным концом. Жезл был частично окован железом. В другой руке тип держал толстую книгу. Под ним, на полу, лежал грубо вырезанный из большого куска кожи круг, на нем были нарисованы различные символы, а по бокам стояли канделябры и лежали какие-то венки. Перед кругом стоял сосуд, в котором тлели угли.

На осмотр Доминик потратил долю секунды. Пистолет в его руке рывкнул, и обитатель странной комнаты повалился на пол.

Не обращая внимания на тело, Диас настороженно оглядывался, водя пистолетом в воздухе. Потом вздохнул и опустил оружие. Прикрыв дверь, он наклонился над телом и взял книгу. Раскрыл, полистал.

— Гребаный гримуар, — прокомментировал он. — Где они их достают, хотел бы я знать.

Пинком отвалив тело в сторону, Доминик встал в круг, поднял жезл, поправил канделябры и улыбнулся. Ему определенным образом нравилось то, что он собирался сейчас сделать.

— *Rofocale!* — крикнул он.

Некоторое время ничего не происходило. Потом воздух перед Домиником заколебался, превращаясь в подобие пустынного марева, загустел, и на высоте человеческого роста налились сумрачным багровым светом два огонька.

— *Karcist*, — зашептал воздух в комнате. Тьма, которую разгоняли лишь свечи в канделябрах да угли в сосуде, ощутимо сгустилась.

— Не по-латыни, — предупредил Доминик. — И погромче.

— *Ты вызвал меня не по правилам*, — произнес бестелесный голос.

— Ну прости. Ответь на парочку вопросов, и тебя вообще не будут вызывать. Сюда, во всяком случае, — уточнил Доминик.

— *Ты вызвал меня не по правилам*.

Стиснув зубы, Доминик опустил жезл в угли. Комната взорвалась воплями.

— Смотри-ка, работает, — мрачно сказал Диас. От неожиданности он едва не выронил жезл и теперь слегка разозлился.

— Отвечай на вопросы, говнюк. Или я спалю этот жезл вчистую. С кем он подписал договор?

Говоря «он», Доминик кивнул в сторону тела в хламиде.

— *Я узнал тебя... Да...* — В призрачном голосе теперь звучала сложная смесь из торжества, злобы, страдания, ненависти и покорности. — *Это был Даристон.*

— Ну надо же. Ладно, а он успел что-нибудь *заказать* или просто попрошайничал?

— *Нет, не успел.*

Доминик облегченно вздохнул.

— Вот и славно. А ты так упирался. Передай этому парнишке привет, как встретишь. Всё, вали отсюда.

— *Тебя тоже ждет ад.*

— Спасибо, знаю. Сказано — вали.

— *Ты должен отпустить меня, поскольку вынудил к подчинению.*

Диас взял банку водочного спирта с камфарой, которая стояла рядом с кругом, и плеснул спирт в сосуд с углями. В полыхнувшее пламя он, улыбаясь, медленно опустил жезл. Комната снова взорвалась дикими воплями. Подождав несколько секунд, Доминик размеренно и громко, перекрывая вопли, продекламировал:

— *Ite in pace a loco vestro et pax sit inter vos redituri ad me cum vos invocavero, in nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti. Amen.*

Нечеловеческие крики тут же прервались. Ощущение чужого присутствия тоже исчезло. Доминик вышел из круга и начал, выдирая из гримуара страницы, записывать их в пламя.

— Развлекаешься?

Он обернулся. В дверном проеме стояла Наташа.

— Да. Это была пустышка. Он ничего не успел.

— Я знаю, я подслушивала. Дом, кончай издеваться над духами.

— Охранники живы? — спросил он, проигнорировав ее фразу. В огонь проследовала еще пачка вырванных страниц. Наташа присела рядом. Некоторое время она молчала.

— Это из-за ада?

Из сосуда вдруг повалил черный вонючий дым. Доминик плеснул еще спирта.

— Конечно. Они же нас узнавать начинают. Они же предвкушают, как нам устроят теплую встречу. Твари.

— Может, ты и прав. Пойдем отсюда. Я, пожалуй, созрела для хорошего ужина. И мороженого.

Доминик кивнул:

— Спасибо.

Когда они вышли, на улице уже завывали сирены приближающихся машин.

* * *

Увидев смерть, понимаешь, что все было до тебя и продолжится после. Понимаешь, что оружием ничего не изменить. Но куда бы я ни попал после смерти, я хочу взять с собой пистолет.

Доминик Ф. Диас

— Если не обращать внимания на название, очень неплохо, — признал Доминик. Он отрезал еще кусок мяса в брусничном соусе, отправил его в рот и сделал солидный глоток черного пива.

Наташа укоризненно сказала:

— Ты уже начал во всем видеть символы.

Ресторация называлась «У дьявола». Рядом со входом стояла раскрашенная фигура толстого чертика высотой в человеческий рост. Наташа и Доминик сидели около стены, неспешно заканчивая ужин, причем, судя по медной табличке, именно за этим столиком когда-то сидел Кафка. Ни Доминика, ни Наташу это не впечатлило.

— Ничего себе символ, — мрачно сказал Доминик. — Реальность, чтоб ей.

— Чего ты так дергаешься?

— Я не понимаю, почему *ты* не дергаешься. Хорошо, мне не нравятся три вещи. Первая: существуют демоны, духи и прочая нечисть. Вторая: существует ад. Третья: для нас там зарезервирован люкс.

Наташа сделала глоток из своего бокала и достала тонкую сигарету. Прикурив, она выпустила облако дыма и заметила:

— Сантьяго считает, что у нас есть шанс. Правда, он мог иметь в виду раскаяние.

— О, тут у нас всё стимулы. Я раз уже видел, что меня ожидает. Один из этих прозрачных ублюдков показал мне что-то вроде слайдов в воздухе.

— Ты не рассказывал.

— И не буду. Мы только что поели.

Еще одна струя дыма. Наташа поджала губы, потом вдруг покачала головой.

— Знаешь, любопытная мысль: мы с тобой уже не можем нормально уверовать, потому что мы просто *знаем*. Может, это и есть основная проблема.

— Мы знаем про ад и про то, что там обитает. Остальное — логика. Раньше эта самая логика никакого ада не предполагала.

Доминик в несколько глотков прикончил кружку и знаком попросил принести еще одну. Потом посмотрел на Наташу и сказал:

— И это не основная проблема. Основная проблема в том, что мы слишком много людей прикончили. «Не убий».

— Но ведь теперь...

— Теперь мы убиваем во благо? — Доминик хохотнул. — Так не бывает. То есть, что бы ни говорил Сантьяго, мы только закапываем себя глубже.

— Сколько тебе лет?

— Хм? К чему ты это? Двадцать восемь.

— А мне двадцать семь. Еще пять лет назад я была студенткой в Кёльне. Я училась на искусствоведа, можешь себе представить? — Она улыбнулась.

— Н-да. А чего бросила?

Официантка принесла еще пива. Пока она убирала тарелки и меняла пепельницу, оба молчали. Когда официантка ушла, Наташа сказала:

— А почему ты уехал из Мелильи? Послушай, у всех людей есть какой-то талант. Ну или склонность. Мы свою нашли. У нас *получается*. Как думаешь, в чем тут дело?

— Ну?

— Дом, ну зачем-то же мы родились именно с *таким* талантом?!

— Угу. Для того чтобы заниматься экзорцизмом с помощью свинца и старой доброй кинетики. А потом попасть в пекло. Знаешь что? Надо было сидеть в офисе

и с утра до вечера клепать отчеты, а по выходным заниматься, пардон, сублимацией.

— Хм.

— Ладно, — он поднял руки. — Я больше не буду ныть. Я знаю, что ты хочешь сказать.

— Я хочу сказать, что если бы ты не пристрелил того человека сегодня, завтра бы он загадал с десятков собственных поганных желаний Даристону, а тот бы их с удовольствием выполнил, поскольку ты знаешь, с кем они договариваются. И придурок все равно бы попал в ад. Он ведь уже продал душу.

— Хех.

— Что?

Доминик улыбался.

— Интересно, зачем они заключают единичные сделки, учитывая, каким оптом люди прут в ад?

— Не знаю. Безгрешных среди нас я не замечала, тут ты прав.

Оба замолчали. Богословский спор не входил в их компетенцию, но обстоятельства сделали его из отвлеченной теории очень жизненной практикой. Наташа закурила еще одну сигарету. Доминик как раз подумывал, не попросить ли и ему одну, как вдруг рядом с их столиком возник среднего роста человек в деловом костюме, бесцеремонно сел и, улыбаясь, как-то очень по-хозяйски осмотрел обоих. У него было немного вытянутое лицо, черные глаза и зализанные черные волосы. А о подбородок, казалось, можно было порезаться. От гостя веяло шиком и опасностью.

— Вы нам мешаете, — сообщила ему Наташа. — Уйдите, пожалуйста.

— Забавный у вас разговор, — заметил гость. — Я пришел поучаствовать. Не спешите прогонять меня, Наташа.

— Он знает твое имя, — сказал Доминик. У него появились неприятные предчувствия.

— Это плохо. Кто вы?

— Персонификация, — туманно ответил незнакомец. — Антропоморфная. Как обычно.

— Я знаю, что такое персонификация. — Наташа покачала головой. — Дом, либо он пудрит нам мозги, либо наша работа сама нас нашла.

— Понимаю.

Доминик нащупал в кармане пистолет:

— Если ты будешь разговаривать шарадами, я тебя пришью, оболью святой водой, прочитаю с десятков молитв и подожгу то, что останется.

— Ты же неверующий, Доминик, — улыбнулся гость, тоже перейдя на «ты». — И зачем поднимать шум в ресторане? Вам обоим недостает дипломатических навыков.

— Похоже, это демон, — констатировала Наташа. — Черт.

— И то, и другое — всего лишь ярлыки.

— Второе было ругательством. Ладно, чего тебе надо?

— Я представляю Даристона в этой проекции.

Диас поперхнулся пивом. Наташа заметно побледнела. Она не ожидала, что ее замечание настолько попадет в цель. «Даристон» все улыбался. Доминик, откашлявшись, лихорадочно вспоминал наставления Сантьяго. Все заученные инструкции по применению гримуаров, молитв, заклинаний и различных аксессуаров смешались в его мыслях в одну большую кашу. Тот, кто сидел

за их столиком, был одним из больших шишек. Персонификацией, как он сказал, кого-то с *той* стороны.

От такого у нормальных людей волосы дыбом на затылке встают. Доминик Диас был нормальным человеком.

— Ты сам просил передать мне привет, — заметил Даристон. — Когда отправлял того бедолагу обратно. Надо сказать, он очень на тебя жаловался.

— Да ну? — спросил Доминик. Он был все еще растерян. — Так пусть сам мне это скажет.

— О, конечно, он скажет, — заверил его собеседник. — Когда ты будешь в его власти. Кстати говоря, об этом я и заглянул поговорить. Кажется, вас не очень прельщает перспектива попасть в ад.

Наташа затушила сигарету. Даристон продолжил, не дожидаясь подтверждения:

— Я предлагаю выход. Сами видите, сторона, на которую вы работаете, никаких поблажек не дает. Вас используют, а в итоге выбросят — к нам. Мне лично неприятно наблюдать такую растрату хорошего потенциала. У вас хороший потенциал, знаете? — Он обаятельно улыбнулся. — Предлагаю сменить работодателя.

— И что взамен? — поинтересовалась Наташа.

— Неплохие условия здесь. Неплохие условия там. Все честно. Кадровый голод есть везде.

— Это при таком-то выборе? — засомневался Доминик.

— Именно, — сухо сказал Даристон. — Я не тороплю вас с ответом. Как надумаете, можете меня вызывать. Да, и можно обойтись без дешевой атрибутики вроде гримуров и жезлов. Это для простачков. До встречи.

Он встал, намереваясь уйти. Доминик спросил вдогонку:

— А кстати, почему раньше были сера и копыта, а теперь — официальные костюмы и манеры?

— Ну, Доминик, — усмехнулся Даристон, обернувшись, — мы ведь тоже читаем книги.

Взмахнув рукой, он энергичным шагом вышел наружу. Наташа сиплым голосом сказала:

— Спорим, что на улице мы его не обнаружим? Дом, я чуть не описалась.

— Дай сигарету.

Про себя Доминик решил, что в следующий раз будет больше доверять своей интуиции. Ему же сразу не понравилось название этого заведения. О таких мелочах, как, например, не описался ли он сам, «талантливый убийца» Доминик Диас даже не думал.

* * *

Когда я изучала «Божественную комедию» в университете, мне и в голову не приходило, что когда-нибудь я буду воспринимать эту книгу как путеводитель.

Наташа Бауэр

Утром Доминика разбудил пронзительный писк телефона. Нашупав трубку, он подтащил ее к уху:

— Да?

— Это Минц. Вы, ребята, можете встретить меня в аэропорту, если успеете туда к часу.

С трудом раскрыв глаза, Диас посмотрел на часы. Когда расплывчатые цифры обрели резкость, он возмутился:

— Сукин ты сын, и для этого ты звонишь в восемь утра?!

— Я всю ночь пахал в Хельсинки. А ты спишь. Несправедливо, а? Рейс пятьсот семнадцать, ровно в час. Гудки.

Доминик со стоном упал на подушку. Он отчаянно не выспался и несколько перебрал с пивом. И он, и Наташа после встречи с Даристоном почувствовали необходимость выпить. Но в другом ресторане. Они предусмотрительно надрались в баре напротив отеля. Остаток ночи Доминику снилось такое попури из повседневных реалий и бреда, что сюрреалисты бы завопили от восторга.

Сделав над собой усилие, Диас встал с кровати и поплелся в ванную. Там он встал под душ, поиграл с температурой воды, после чего проглотил порцию слабого стимулятора, аспирин, оделся и спустился на седьмой этаж, где располагался ресторан. К счастью, тот уже был открыт. Или еще. Доминик заказал кофе, апельсиновый сок (два стакана, после некоторых размышлений) и три круассана.

За этим незамысловатым завтраком его застала Наташа.

— Бледность тебе к лицу, — вяло сказал Доминик, разделяваясь со вторым стаканом сока. — Что пробудило тебя ото сна, леди Дракула?

— Жажда, разумеется, — ответила она, залпом выпивая полчашики Доминикова кофе. — И желание ухватить за горло подонка по имени Минц.

— У нашей болезни одно имя, — кивнул Доминик, отбирая у нее чашку. — Между прочим, не могла бы ты говорить потише? Я не припомню, чтобы я так ухитрился напиться. Пивом. Ах, Чехия...

Он допил оставшийся кофе, и они заказали уже полноценный завтрак. Стимуляторы действовали.

— Он не сказал, какого ему тут надо? Мне казалось, в Праге уже чисто. На время, конечно, но все-таки.

Наташа пожала плечами:

— Можно спросить у Сантьяго.

Обдумав эту идею, Доминик медленно покачал головой:

— Пожалуй, я пока не хочу этого знать. Не сейчас. Не после еды.

— Угу. Я пойду номер ему закажу, а ты договорись насчет такси.

— Si, señorita. Кошмары не мучили?

— Издеваешься? Я, по-моему, и не спала, так меня мучило. А что? Приснилось что-то?

— Апокалипсис, — ответил Доминик. — Под музыку «Rammstein». Я был одним из четырех всадников. Мы ехали на розовых пушистых кроликах-«энерджайзер» и сеяли разрушение.

— Мама дорогая, — вздохнула Наташа. — Позвони Линдемманну. За такой сюжет для клипа он тебя расцелует.

* * *

На электронном табло напротив цифр «517» зажглось язвительное «Delayed». Высокотехнологичный муравейник, именуемый «аэропорт», тут же гулко прокомментировал это сообщение на трех языках.

— Он это специально, — убежденным тоном сказал Днас, оглядываясь в поисках места, где можно переждать минут сорок.

— Вполне вероятно, — рассеянно кивнула Наташа, пристально вглядываясь в толпу. — Дом, он здесь.

— Кто?

— Даристон.

Доминик застыл, не поддаваясь порыву посмотреть в ту же сторону.

— Он нас заметил?

— Дурацкий вопрос. Он за нами следит.

— Я поговорю с ним, — сказал Доминик, поворачиваясь.

Демон стоял около стеклянных дверей сервис-центра. Встретившись взглядом с Домиником, он приветственно поднял руку.

— Не самая лучшая мысль, но как знаешь.

— А ты звони Сантьяго.

— Еще вчера надо было. Ладно. Дом?

— Да?

— Осторожнее, хорошо? Я к тебе привыкла.

— Звучит как признание в любви.

— В общем, да.

Доминик не нашел, что ответить. По ее лицу невозможно было понять, шутит она или нет. Казалось, Наташу интересовал исключительно Даристон. И только с профессиональной точки зрения. Взглядом она явно рисовала на демоне мишень.

Он мысленно пожал плечами и направился к Даристону. Тот по-змеиному улыбался, открыто изучая Доминика.

— Как спалось, Доминик?

— Да почти не спалось. Что угодно демону от скромного экзорциста? — непринужденно спросил Диас.

Это был блеф. От Даристона волнами расходились эманации страха, ударяя по чувствам окружающих. Люди невольно обходили их стороной. Доминик решил, что демон прекрасно может контролировать этот эффект, и нарочно давит ему на психику.

— Экзорцизм подразумевает изгнание нечисти. Ты же изгоняешь только людей. Пойдем прогуляемся до кафе. Если не ошибаюсь, это наверху.

Они встали на эскалатор.

— Ты подумал над моим предложением?

— Конечно.

— И каков ответ?

— А никакого. Я недостаточно хорошо знаю, что за ним стоит. Мне что, дадут именнные вилы и собственную плантацию котлов?

Даристон хохотнул:

— Понимаю, понимаю. Сантьяго не потрудился рассказать тебе подробнее, или он и сам не знает. Я пытался послать тебе сон, но ты перепил накануне, и твое сознание превратило его в сюрреалистический комикс. Впрочем, розовые кролики — это было потрясающе.

— Ты — что?! Послал мне сон? А откуда ты...

— Нет, я не читаю мысли, — откликнулся демон.

Доминик был совершенно уверен в обратном.

— Просто многое предсказуемо. Скажем, твоя подруга сейчас звонит священнику и описывает ему ситуацию.

Кафе, и без того немногочисленное, окончательно опустело через минуту после того, как туда вошел демон. Даристон жестом предложил Доминику садиться. Пока они делали заказ (Доминик взял кофе, Даристон — молочный коктейль), официант переминался с ноги на но-

гу, ожидая возможности удрать. Напитки принесли моментально, после чего у персонала немедленно обнаружались срочные дела в других местах.

— Так вот, — продолжил демон, — я знаю про тебя многое. Включая историю о том, как один священник-радикал собрал троих, скажем так, квалифицированных специалистов и наглядно показал им, что потусторонние силы реальны. Знаю, как убедил в том, что у вас есть шанс. Он ведь даже не говорил этого прямо, верно? Убейте кардиста и спасете невинные жизни.

— А что, не так? — с вызовом поинтересовался Доминик.

— Насчет шанса — все не так. Видишь ли, ад — довольно иррациональное место. Это не параллельный мир, не другое измерение, это чуждое вам место, находящееся «где-то там». Это вне физики, логики, науки и здравого смысла вообще.

— Это я слышал. Но как тогда появилась связь между нами и... этим?

— Фактом является то, что душа существует. Это факт для вас и факт для нас. Во всех вас есть нечто иррациональное — то, что позволяет вам верить, например. Это иррациональное и есть связующий фактор. Тот, кого ты видишь перед собой, — не истинный Даристон. Ты никогда бы не понял, что это, кто это, как такое вообще может быть. Здесь бы не понял. Как я уже говорил, я всего лишь антропоморфная персонификация, и это правда лишь здесь, в этом мире. В аду подобного понятия не существует. Там вообще ничего подобного нет.

— Я кое-что видел.

— Твое сознание загнало непостижимое в рамки привычных образов. На самом деле это и будет для тебя

правдой. Твой островок реальности в нигде. Ад реален, хотя эта реальность лежит за рамками всех ваших представлений. Это тебе рассказал еще Сантьяго. А он сказал, для чего нам души?

— Есть несколько версий, — уклончиво ответил Доминик.

— В самом примитивном смысле это — источник энергии. В более метафорическом и близком к истине выражении адское пламя и есть души людей. Не вы первые, не вы последние, но мы потребляем ваш мир довольно давно, и, Доминик, слушай внимательно: практически все души попадают в ад.

— Это невозможно, — холодно сказал Диас. — Очевидно, что есть сила, противоположная вам. Иначе почему эффективны молитвы, ритуалы?

Демон молчал. Его глаза холодно блестели, пока он не мигая смотрел на Доминика. Пауза уже здорово затянулась, когда он наконец тихо сказал:

— Насколько нам известно, Бога нет.

* * *

Если что-то можно подстрелить,
оно меня не беспокоит.

Минц

Поговорив по телефону, выкурив несколько сигарет и наглядевшись на часы, Наташа решила, что пора вмешаться. Прошло полчаса, а Доминик не возвращался. Скоро должен был прилететь самолет Минца, да и сам по

себе разговор с демоном — событие неординарное и, надо думать, чрезвычайно опасное.

Она остро сожалела, что ей неизвестно, чем можно убить демона. Убить — это было самое эффективное из известных ей решений проблем. Талисманы и ключи, которые они носили с собой всегда и везде, позволяли надеяться лишь на некоторую защиту. Пистолет внушал почему-то бо́льшую уверенность, чем талисманы.

Наташа поднялась по эскалатору, прошла к дверям кафе, осторожно заглянула внутрь.

Ни души. Ни персонала, ни посетителей. На фоне суеты аэропорта это было более чем странно.

Доминик сидел за столиком, уронив голову на руки, и, казалось, спал. Даристона поблизости не было. Осмотревшись, она быстро подошла к Доминику, потрясла его за плечо. Тот застонал.

— Дом! очнись! Что он с тобой сделал?!

Она подумала о том, чтобы плеснуть ему в лицо воды, но Диас уже очнулся:

— Ублюдок. Господи, это было...

— Что?

— Пойдем отсюда. Ох. Помогите мне встать.

Он с трудом поднялся на ноги.

— Что произошло?

— Мы разговаривали. Потом он исчез, а мир превратился в кошмар. Трупное мясо вместо стен, а вокруг пламя и все самое мерзостное, что можно себе представить. Все загнанные в подсознание фобии. Пауки, белевые огромные твари... Полупрозрачные, а внутри... Тьфу. Короче, если он хотел меня напугать — получилось. Все то дерьмо не ограничилось просто присутствием — оно

начало действовать. Хорошо, что это был всего лишь кошмар.

— Зачем он это сделал?

Доминик поднял брови:

— Легкая угроза. У нас был увлекательный диалог. Оказывается, ад населен атеистами.

— С ума сойти.

— А души — метафизические батарейки.

— Жаль, что информация исходит от демона. Он мог и наврать.

— А он и наврал. Но не везде. Кое-что укладывается в рамки нашей теории. — Доминик оглянулся. — Я бы чего-нибудь выпил.

— Погоди, сейчас Минца встретим... Что еще?

— Вкратце, мне сделали предложение, от которого нельзя отказаться. Как и тебе, помнишь? Да, и еще. Я выяснил, зачем им нужны контракты с живыми. Они имеют тогда возможность разряжать душу в эту реальность, воплощая свои интересы в жизнь. Ну и заказчиков-людей — частично. Чем сильнее «заряд», тем лучше.

— Сантьяго так и подозревал.

— В общем, он убеждал, после чего показал кнут. Нас в любой момент могли прихлопнуть, все предосторожности с гримуарами, ключами и заклинаниями не сработали. Они всё знают. Кошмар — это было предостережение.

Он замолчал, вспоминая пережитый ужас. Произшедшее застало его врасплох, но что-то внутри него не сдалось, не подчинилось страху окончательно. Доминик чувствовал все большую уверенность, что еще раз его на такую удочку не поймать. Он сможет действовать.

Хорошо бы еще знать как.

Теперь, когда карты открыты, ясно, что демон оставил их в живых с какой-то целью. Если, конечно, он не лгал. Если не лгал, получается, они нужны для чего-то более существенного, чем десятки сорванных ими контрактов.

Мимо них пробежала группа ребятишек — начальные классы школы. Видимо, с экскурсией приехали. Через прозрачные стены было видно, как заходит на посадку самолет.

Доминик узнал от Даристона еще кое-что, о чем он не рассказал Наташе. Ему хотелось как следует поразмыслить, для чего демон сообщил ему об этом и в чем именно заключалась правда.

На словах Даристон попросту сказал ему, что Минц проданся.

* * *

Со стороны таможенного контроля шел полноватый мужчина лет тридцати на вид. Волосы у него были соломенного цвета, с ними хорошо сочетались выцветшие голубые глаза и эдакое — «привет из прерий» — выражение лица. Мужчина нес два больших чемодана. Судя по тому, как долго его держали на контроле, чемоданы были забиты далеко не одеждой.

Минц подошел к ним и поставил чемоданы на пол.

— Привет, привет. — Он чмокнул Наташу в щеку и пожал руку Диасу. — Как тут у вас?

— Я не выпалась, — угрожающе сказала Наташа. — А вообще мы в полном дерьме.

— Ты всегда так говоришь, — уличил ее Минц. — Или на этот раз все иначе?

— Нас обхаживает демон, — сказал Доминик.

— О-о, — протянул Минц.

Новость не слишком потрясла его, и это подлило масла в огонь подозрений Доминика. Если Даристон купил Минца, следует сначала выяснить, что тот намеревается делать.

— Вы уже сообщили Сантьяго?

— Только что, — ответила Наташа. — Пока Доминик ворковал с Даристоном, я звонила кардиналу. Он приказал держаться от демона подальше. Теоретически, наша защита...

— Не работает, — закончил Доминик. — Минц, что тебя сюда принесло?

— Тут предстоит нечто крупное, — быстро вставила Наташа. — Сантьяго уверен.

— Ага, — подтвердил Минц. — У меня тут в чемодане много игрушек. Если бы не удостоверение... Меня бы еще в Хельсинки допрашивать начали.

— Хочешь сказать, нам все это понадобится? — с сомнением спросил Доминик. — Раньше как-то обходились.

— Когда тебя засекли на той военной базе, ты об этом, кажется, жалел.

— Здесь же нет военных баз.

— Зато здесь есть общество полоумных, которые вызвали Бехауда и заполучили в свои руки несколько черных ракшасов.

— Бехауд? Это не слуга Астарота? — вставила Наташа.

— А хрен его знает, не помню. Встретишь — спроси, — предложил Минц, нагибаясь за своим чемоданом.

Доминика куда больше волновали черные ракшасы. Они-то были вполне материальны. Ракшасами они,

строго говоря, не были, это название придумал Минц, когда наткнулся на одного ракшаса в Риге. Это была совершенно чудовищная тварь, тупая до невозможности, но полностью подчиняющаяся воле хозяина. Ракшасы были смертельно опасны, невероятно быстры и практически не имели слабых мест. Минц после такой встречи стал счастливым обладателем жутких шрамов на бедре и боку, и спасло его только то, что ракшас попытался сначала проглотить ствол дробовика.

— Сколько у нас времени? — осведомился Диас. — И сколько там ракшасов?

— Следующий сеанс связи у них в одиннадцать. На счет ракшасов понятия не имею.

— Тогда — в отель? — подытожила Наташа.

* * *

— Их всего трое, — начал Минц, повернув ноутбук. — Все местные. Детали нам не понадобятся, эти люди собираются в совершенно определенном доме в определенное время, отслеживать не надо.

Он потянулся за жестянкой пива, отвел в сторону прядь соломенных волос и отхлебнул солидный глоток.

— Интересный адрес, — заметил Доминик, откидываясь в кресле. — Я мимо проходил, это за Карловым мостом, довольно высоко, там еще розовые кусты за оградой. Я думал, это дома для туристов.

— Вот уж чего не знаю, того не знаю.

— А что мы сделаем с ракшасами?

— Убьем, конечно, — коротко сказал Минц и потянулся за одним из чемоданов.

Судя по тому, как он его поднимал, содержимое было увесистым. Минц набрал код, поднял крышку и показал содержимое Доминику и Наташе.

— «АА-12 CQB», новинка.

Доминик скептически разглядывал дробовик. Лучшим представителем этого рода оружия Доминик считал бы «Rampog Jackhammer» или «USAS», к которому можно было прицепить барабан на двадцать патронов и который мог стрелять очередями. Понятно, что такую бандуру по центру Праги не пронесешь без излишнего внимания со стороны властей, и «АА-12» в этом смысле был оптимальней, но восторгов Минца Доминик пока не разделял. Ракшасы требовали более серьезного подхода.

— Интересная пушка, — хмыкнул он. — В чем модификация?

— Автоматический огонь, обойма на восемь патронов, можно барабан. «Constant Recoil» — при стрельбе очередями с отдачей проблем не будет. Почти, — сказал Минц, нимало не смущенный. — Но вся соль в патронах.

Наташа взяла один из дробовиков, повертела его в руках, взвесила, примеряясь, и аккуратно положила его на стол.

— Во всяком случае, штука легкая. Что с боеприпасами-то?

— «Flamethrower», «Terminator-X19» и «FRAG-12 HE-AP», — продекламировал Минц, водружая на стол второй чемодан.

— Огнеметы? Дерьмо, — скривился Доминик. — Надежность маленькая. Во Вьетнаме их использовали только чокнутые.

Когда второй чемодан был открыт, внутри оказались коробки с патронами и обоймы. Минц извлек одну из коробок, с красной маркировкой:

— Старые были ненадежны. Эти доработаны. Четыре тысячи градусов по Фаренгейту, стометровая стена огня. Достаточно, чтобы прожечь дырку в фонарном столбе. «Терминаторы» — обедненный уран. Тяжелые, остановят слона на бегу... И, наконец, самая потрясающая штука...

Достав очередную коробку, он осторожно снял крышку. Внутри, в обрамлении черного поролона, лежали трехдюймовые блестящие цилиндры. Миниатюрные снаряды с пружинными стабилизаторами и конусовидными боеголовками.

— Ого, — сказала Наташа, осторожно беря один заряд в руки. — Это то, о чем я думаю?

— Не знаю, о чем ты думаешь, но это «FRAG-12», бронебойные заряды, экспериментальная разработка. Помоему, их позаимствовали у англичан. В каком-то смысле превращают обычный дробовик в гранатомет. Учитывая их бронебойные качества, даже круче. Хватит, чтобы разнести каждую из этих тварей на куски. А вот еще на дне несколько «клейморов». Мило?

— Впечатляет, — признал Доминик. — Но я сомневаюсь, что удастся снять ракшасов без инцидентов. Мы даже не знаем, сколько их там.

— Поставим внешнее наблюдение до вечера. Может, что-нибудь удастся узнать... Ну а что вы хотели? Все как всегда: времени в обрез, и приходится импровизировать.

— А это что такое? — спросила Наташа, доставая из чемодана еще одну коробку. — Эй, да это же фильм.

— Одна забавная киношка, — пожал плечами Минц. —
Прям про нас.

— «Константин», — сообщила Наташа.

Доминик ухмыльнулся:

— Мы смотрели. Хеппи-энд. Главным героям всегда везет.

— Ладно, давайте работать, что ли, — прервала его Наташа, откладывая коробку в сторону. — Нам надо успеть до одиннадцати, значит, осталось меньше восьми часов.

* * *

«Хуже крысы», — думал Доминик, шагая по мощеной улочке Нового города. Это было любимое присловье их инструктора. Бывший британский спецназовец, он презирал убийц и не скрывал этого.

«Убийца — это, как правило, серенький человечешко, сдвинутый, который наслаждается иллюзией власти над жизнями других. Либо это просто тупой механизм, без воображения. И те и другие не живут долго».

Говоря так, он безжалостно гонял и Доминика, и Наташу, прививая им нечто большее, чем талант нажимать на курок в нужное время и в нужном месте.

Минц прошел схожий курс обучения еще во времена своей молодости, о которой Доминику было известно лишь то, что она была бурной. По обрывкам данных можно было понять, что когда-то Минц был подрывником в некоем доморощенном спецподразделении, натворил там дел, а потом решил попробовать грабить банки.

Сантьяго вышел на него раньше полиции.

И теперь, выходит, после полутора лет совместной работы он их сдал. Продался демону. Или нет?

Доминик замедлил шаги возле ограды нужного ему дома. Посмотрел на часы, потом прикурил. Дом находился в глубине небольшого розового сада, от ворот к дверям вела тропинка, усыпанная гравием. Окна были завешены темными шторами.

Доминик выудил из кармана миниатюрную камеру и аккуратно прикрепил к внутренней стороне решетки.

Все вроде было чисто. Он прошел дальше.

Непонятым оставалось только, зачем Даристон сообщил это. Если это правда — нет смысла. А если есть, то это что-то очень, очень значимое, ради чего стоило бы сдать своего агента во враждебной структуре. Если неправда, то это довольно наивная попытка вызвать паранойю. Маловероятно.

Или же демон прекрасно представляет, что именно так они и подумают.

Доминик выругался. Эта цепочка предположений «он думает, что они думают, что он думает» могла продолжаться бесконечно. Похоже, демон их каким-то образом уже нагрел.

Ожила гарнитура в его ухе:

— Ловлю картинку. Толку ноль, но камеру установил ты замечательно.

— Минц?

— Да?

— Что они тебе предложили?

Это было импульсивным ходом, но Доминик своим инстинктам доверял. После паузы голос Минца на другом конце сказал:

— Думаю, то же, что и тебе. Дом, в Хельсинки мне говорили, что ты продался.

— Мне сказали про тебя то же самое.

— Дух?

— Демон.

— У тебя более солидные источники, — иронично заметил Минц. — Ты поверил?

— Пока что не знаю, — признался Доминик. — Не пойму, зачем ему было это говорить.

— Все, что делает демон, выгодно ему одному. Мы оба это знаем.

— И он знает, что мы это знаем.

— Недоверие — хорошая цель для демона.

— Вся проблема в том, — сказал Доминик, — что он слишком хорошо осведомлен. В связи с чем возникает вопрос. Почему мы еще живы?

— Меня устраивает сам факт, — усмехнулся голос в наушнике. — Наташа готовит защиту, будет через час у тебя. Что ты думаешь насчет прямого захода?

— Не пойдет, боюсь. — Доминик невольно покачал головой и свернул за угол. — Если мы уберем их сейчас, ракшасы станут свободны. Начнется полная неразбериха, к тому же мы привлечем внимание. Похоже, ракшасы становятся приоритетом. Где они их держат, в доме, что ли?

— Там есть гараж. Попробуй обойди с другой стороны.

— Сейчас. Почему Ватикан не приобретет себе спутник? Что-нибудь вроде «КН-11» нас бы здорово выручило... Так, здесь не пройти. Попробую найти вход на крышу соседнего дома.

Доминик зашел в подъезд, поднялся на последний этаж. На чердак вел небольшой люк, закрытый на замок. Взвесив возможные варианты, Диас решил пойти пря-

мым путем. Достав из-под куртки «беретту», он навинтил на нее глушитель, зафиксировал замок и прострелил его. Звук получился опасно звонким. Он подождал, не отреагирует ли кто.

— Что там у тебя? — поинтересовался наушник.

— Замок убрал.

— Ясно.

Выждав еще минуту, Доминик аккуратно откинул люк и поднялся наверх. С чердака он вылез через окошко на крышу и прошел, стараясь не греметь, к противоположному краю. Там он присел за антенной.

— Я наверху. Включи линк второй камеры.

Он закрепил еще одну миниатюрную камеру. Каждая стоила больших денег и использовалась уже не по первому разу. Посмотрел вниз.

— Створки. Внутренняя сторона двора. Заметил?

— Вижу. — Доминик извлек из кармана куртки цифровой монокуляр и посмотрел на упомянутые двери в подвал. Сделал несколько фотографий.

— Земля разрыхлена у входа. Я спускаюсь.

Он вернулся на чердак, потом спустился, замаскировал сломанный замок и вышел наружу. Вряд ли эти карцисты были такими уж идиотами. Зачем им ракшасы? Их можно натравить на жертву: убийцы из них идеальные. Этакая черная чешуйчатая молния. Ракшас может выломать дверь стального сейфа, а скорость у него такая, что ночные прохожие даже испугаться не успеют. Охранники тоже идеальные. Если бы эти трое карцистов замыслили убить кого-то, им было бы достаточно одной твари. Скорее всего, ракшасы нужны им для охраны. От кого? Зачем?

Ответ был только один. Они были нужны демону. Зачем-то нужны. Их использовали, и сведения Даристона

были очередным ходом в его замысле. Во всяком случае, если у Зла есть хоть какие-то способности к планированию, это так.

И Доминик не собирался делиться этими мыслями ни с кем. Он предпочитал доверять только одному человеку.

— Минц, я хочу, чтобы Наташа сразу заняла позицию на крыше. Пусть возьмет винтовку с ПНВ и разрывные.

— Согласен.

* * *

«Господи, это не молитва. Я не раз обращался к тебе перед заданием, ты меня, наверное, помнишь. На этот раз я звоню, чтобы сказать, что приму любую помощь, хоть и планирую справиться сам».

Доминик окинул взглядом вечернюю улицу. Они перегородили ее полицейскими лентами, и некоторое время их никто не должен был беспокоить. Потом придется уносить ноги.

— Наташа?

— На позиции, — сказал женский голос в микрофоне. — Все чисто. Вы как на ладони.

— Начинаем, — сказал Минц. — Времени мало.

Наташа должна была контролировать двери подвала. Ракшасов еще не выпустили. Жалкую охранную камеру обмануть не составило ни малейшего труда. Доминик перелез через забор, спрыгнул на мягкую землю за кустом. Прокравшись по периметру к задней части дома, он встретился с Минцем. Стараясь не шуметь, они извлек-

ли из сумок четыре противопехотные мины «Клеймор» и заложили рядом с подвалом.

— Движение за шторами, — сообщила Наташа.

— Я иду в дом, — шепотом сказал Минц.

Доминик отступил за деревья у внутренней стороны ограды, присел и замер, держа под прицелом дробовика подвал. Минц тенью скользнул к дверям.

Доминик почувствовал, как по всему телу вдруг прошла теплая волна. Началось действие принятых полча-са назад метамфетаминов. Цена такой стимуляции нервной системы была высока, и прибегали к этому средству только в самых опасных случаях. Это был далеко не «ледок» с черного рынка, не дерьмо для подростков-клубберов, а специально разработанный в военных лабораториях стимулятор. Что нисколько не умаляло последствия его применения — со всем прелестями абстинентного синдрома и четырехдневной депрессией.

Но сейчас Доминик чувствовал небывалый прилив сил и по мягкости движений и скорости реакции мог обставить даже пантеру. Его зрачки расширились, ночь стала на порядок светлее. Слух тоже обострился. Он услышал, как Минц подкрался к дверям, и тут начался хаос.

— Дом!

От входа послышался грохот. Минц вышиб замок выстрелом. Дальше был практически непрерывный шум: сначала створки подвала брызнули в стороны щепками, и в сторону отсветов уличных фонарей рванулись черные тени. Со стороны крыши сверкнула вспышка: Наташин «DSR-1» отозвался раньше мин. Следующими в этой ночной симфонии вступили «клеяморы». Диас успел зажмуриться, чтобы не потерять зрение. Ударная волна была направленной. Не в его сторону, и то хлеб.

Четыре взрыва слились в один. Огонь и осколки ударили в стену дома, распластав по ней двух тварей. Доминик рефлекторно открыл огонь, боком передвигаясь в сторону. Из ствола «АА-12» вырвался разъяренный огонь, расчерчивая ночь яркими линиями. Струи пылающего металла полосовали ракшасов, бликуя на их чешуе красными отсветами. Распластанные выстрелами твари выглядели порождением ночного кошмара шизофреника. В общем и целом ракшасы напоминали гепардов, угловатых, покрытых черной склизкой броней и шипами. Их движения наводили на мысли о хвосте скорпиона, броске гадюки и прочих прелестях.

Из дома раздалась еще выстрелы.

Потом стена обвалилась внутрь.

— Ну и шустрые же ребята, — проворчала Наташа. — Я едва успеваю... А!

— Дом, один ушел наружу, людей я убрал!

Доминик перезарядил дробовик обоймой с «FRAG-12».

Тут он осознал, что расстрелял огнеметные патроны в двух тварей. Прошло не более восьми секунд. Где третья?!

— Веду третьего, уходи к Минцу, — отстраненно сообщил микрофон.

— Куда бы это, интересно? — пробормотал Доминик себе под нос. Происходящее ему решительно не нравилось.

Заговорил «DSR-1». Доминик лихорадочно выстрелил в сторону пойманных взрывом ракшасов и тут же почуял неладное. Одновременно со взрывом зарядов «FRAG» он бросился в сторону, чудом уйдя с пути черных шипов, которыми была усеяна пасть ракшаса. Тот врезался в ограду — решетка с жутким скрежетом прогнулась, посыпалась каменная крошка основания.

Уже перекатившись на спину, Доминик послал в сторону ракшаса две гранаты из дробовика, но опоздал — ракшас под немыслимым углом рванулся в сторону, черной полосой перенесся куда-то в сторону заднего двора. У Доминика возникло жуткое ощущение, что ракшасы движутся со сверхзвуковой скоростью.

В доме раздались разрывы. Те стекла, что чудом уцелели при первых взрывах, брызнули наружу. Часть осколков осыпала Доминика, продрав рукав. Он спешно поменял обойму. Обеденный уран.

— Он сюда лезет!!! — Крик Наташи был слышен и без наушника. С крыши трехэтажного дома, где была ее позиция, загремел уже не «DSR», а дробовик. Доминик вскинул оружие и каким-то чудом поймал цель на упреждение. Рядом, расчерчивая небо огненным салютом, стрелял Минц, уже выбравшийся из дома.

Видимо, кто-то из них попал — ракшаса немного снесло в сторону, он врезался в стену дома, но тут же отпрыгнул, словно отрикошетив, в сторону Доминика и Минца. Они метнулись в стороны. В микрофоне слышалась изощренная ругань Наташи.

Диаз выполнил импровизированный рондад с дробовиком, оказавшись около места первой атаки. Метамфетамин, казалось, могли позволить ему и взлететь, как птичке, при желании.

Он тут же выстрелил в черное месиво прямо перед собой, но совершенно напрасно: это был ракшас, которому досталось больше всех в самом начале, и он уже представлял собой лишь грудку... чего-то. Сколько ракшасов осталось?

— Спасибо, парни, — произнес Наташин голос в наушнике. — Этот гибрид танка и удава чуть не обвалил дом.

— Минц, ты ублюдок чертов, — тихо сказал Доминик, оглядываясь. — Без артиллерии мы тут не справимся.

Не задерживаясь на месте, он начал отход, пытаясь найти цель.

Ему очень хотелось, чтобы под руками было нечто поскорострельней дробовиков, но ударной силы автоматического оружия было бы недостаточно.

— Мы уже... справляемся... — Минц за углом быстро опустошал обойму — «вел» ракшаса. Это один. Есть ли еще второй? Третий? Надо было срочно помогать, в одиночку расстрелять ракшаса слишком сложно.

Доминик учуял опасность, но на этот раз слишком поздно: тварь свалилась сверху, словно огромный клубок черных кинжалов, и отшвырнула его в сторону. Руку и левый бок Диаса пронзила острая боль.

Ракшас рванулся к нему докончить начатое.

— Минц! — одновременно с криком Доминик пытался отползти и поднять оружие. Ракшас был уже порядком потрепан и не так быстр, как в самом начале, но Диас все равно не успевал. На него неслось полтонны верной смерти.

Он не успел даже уловить эту свою мысль, как не успел и удивиться тому, что все-таки смог выстрелить из дробовика. «DSR-1» на крыше послал разрывной заряд за мгновение до прыжка ракшаса, и того снесло в сторону.

Из-за угла рванулось пламя — взорвалось что-то более значительное, чем заряд «FRAG-12».

— Опять! — С крыши раздалась очередь. — Ну помогите же!!!

Доминик судорожно расстрелял всю обойму в «своего» ракшаса, который врезался в дерево и лежал в мет-

ре от него. С отвратительным чавканьем пули буравили чешую, иногда высекая искры. Точку поставил заряд «FRAG». Одновременно что-то взорвалось на крыше.

Доминик со вздохом перекатился на спину. Осталась всего одна обойма. На крыше никакого движения не наблюдалась, зато с другой стороны дома грохотало так, что земля тряслась.

Он захотел связаться с Наташей, но с отвращением понял, что потерял наушник. После чего его накрыла боль.

* * *

Есть верующие из страха.
Есть верующие из-за надежды на вознаграждение.
Есть третьи — они верят просто так, но в них не верят первые и вторые.
Я нашел четвертых, которые даже не подозревают, что верят.

Кардинал Жозе Сантьяго

Единицы продают свои души дьяволу;
гораздо большее количество людей пытается впарить их Богу.

*Вывод Наташи Бауэр
из разговора с Сантьяго*

- Смотрите-ка, похоже, он в себя пришел.
- Укол подействовал. Вы меня слышите?

Доминик открыл глаза. Некоторое время ему потребовалось, чтобы сфокусировать зрение. Результат был не очень впечатляющим: белый потолок, капельница

и два типа в белых халатах на периферии. Тупая, ноющая боль пронизывала левое плечо, бок и бедро. Он с трудом повернул голову, что сразу же отозвалось приступом боли.

— Вы можете говорить? — спросил один из типов. Он устало-профессионально разглядывал Доминика и явно был врачом. Рядом стоял рыжий, коротко стриженный мужчина с темно-кариими глазами. Под халатом у него был серый пиджачный костюм.

— Только в присутствии адвоката, — с трудом произнес Доминик. В горле у него была натуральная засуха.

— Похоже, амнезией он не страдает, — заметил рыжеволосый. — Я бы тоже послушал, как его адвокат объяснит нахождение клиента посреди развалин, в окружении нескольких трупов и с какой-то зенитной установкой в руках.

— Меня это не касается, — заявил второй. — Меня касается только здоровье пациента.

— Дайте воды.

Рыжий с сожалением посмотрел на доктора.

— Жаль, я не успел сообщить ему, что все сказанное может и будет использовано против него.

Врач молча дал Доминику попить, после чего вышел наружу, предупредив:

— Ему пока нельзя много разговаривать.

— Н-да... — Рыжий оглянулся, провожая взглядом врача. Как только дверь в палату закрылась, он сказал:

— Меня зовут Александр Колфилд.

Доминик лишь поднял брови.

— Я из Интерпола, друг мой. Судя по тому, что я слышал от разных людей в разных странах, ты тоже работа-

ешь в Интерполе. Еще ты у нас дипломат, гринписовец, состоишь в рядах ФБР, МИ-5, ЦРУ и местной налоговой полиции. Везде под разными именами. Складывается ощущение, что это такие, знаешь, клубы. Записался, платишь взносы и пользуешься привилегиями.

— В Интерполе все такие остроумные?

В ответ Колфилд рассмеялся:

— Нет, я просто рад встрече. Мы давно знакомы. В некотором смысле.

— В одностороннем порядке, — заметил Доминик. Колфилд ему нравился, чего нельзя было сказать о его роде занятий.

— К сожалению, до сегодняшнего дня — в одностороннем. Доминик... — Тут рыжий наклонился к нему поближе и заговорщицки спросил: — Скажи, ради бога, что ты забыл на военной базе в Огайо? До того тебя в Штаты не заманить было.

— Извини, я тебя разочарую. Меня зовут Антонио Гарсия, и в Штатах я не был. Кроме того, я вообще не понимаю, о чем ты тут говоришь.

Нимало не смущенный Колфилд откинулся на спинку стула:

— Я веду твое дело уже шесть лет. Я знаю, как звали твоих школьных приятелей в Мелилье, знаком с несколькими твоими бывшими пассиями, разговаривал с твоими клиентами. Я даже знаю о твоей любви к мороженому. Сам на него подсел, представь.

Доминик улыбнулся.

— И вдруг мне начинают прозрачно намекать, что твое дело можно с чистой совестью сдать в утиль. Не то до тебя в Германии добрались, не то еще где. Давление

идет откуда-то сверху, но при этом возникают конфликты интересов. Я отметил период затишья с позапрошлого года. Потом начал собирать данные. Неизвестно откуда в самых разных городах Европы появлялся парень, похожий на тебя, выступающий под самыми разными вывесками. Исчезали люди. Как правило, следов не оставалось никаких, но в ряде случаев я находил объединяющие улики. Когда я установил сходство, я проверил остальных, и мои подозрения подтвердились. Все убитые баловались оккультизмом, ритуальной магией или состояли в сектах. Следовательно, заказчик один. Тут ты меня поставил в тупик. Поскольку твоих личных связей и ресурсов не хватит на такое прикрытие, следовательно, вывод простой: кто-то, обладающий большим весом, устраняет оккультистов. Если продолжить эту цепочку рассуждений, то результаты пугают. Поэтому я не стал их оглашать. Я просто постарался поймать тебя с поличным. И тут — такой подарок.

— Интере-есно... — протянул Доминик. — Скажи-ка, если бы все, что ты тут наговорил, имело отношение ко мне, то каков был бы мой текущий статус? И где я вообще нахожусь?

— Медцентр Национального центрального бюро. Улица Строяничка, если я правильно произношу. Статус у тебя загадочный. Я тебя фактически отобрал у полиции. Официальных причин у меня много: во многих странах о тебе частенько вспоминают. Но с бумажной, так сказать, точки зрения, это вызвало кучу проблем.

— Не вешай мне лапшу на уши. Сотрудники Интерпола не исполняют полицейских функций. Интерпол работает с информацией. Зачем командировать челове-

ка из НЦБ одной страны в другую? У вас замечательная система красных и зеленых циркуляров. Местные бы справились сами. Какая бумажная возня? Готовишь меня для экстрадиции?

— Ты не все знаешь. Времена меняются. Борьба с терроризмом привела к большим полномочиям большинства полицейских структур. Новые отделы появились. Новые должности. Некоторые дела ведут одни и те же люди.

— Я тебе что, террорист?!

— Можешь иметь отношение. Ну а если ты окажешься тем самым человеком, который в международном розыске по другой линии...

— Иными словами, я тебя так заинтересовал, что ты меня прикрыл? Отличные методы, Колфилд, — поддел его Доминик. — Отпечатки снял?

— А то я не вижу, что они изменены... Ты хоть соображаешь, *какой* шум поднялся? Местные власти на ушах стоят. Все требуют объяснений. Пресса осаждает полицию и вот-вот доберется сюда. Что кое-кого нашли на месте происшествия, уже известно. Свидетелей почти нет, все произошло слишком быстро, но... Почему-то у меня странное предчувствие, что все утрясется само собой. Потому я и рискнул. Еще кое-что. Раньше ты был самым обычным хорошим киллером. Недели подготовки, все распланировано, все подстраховано, потом — бац! И все шито-крыто. Теперь ты спешишь. Импровизируешь. Не прячешься практически. Спорим, тебя узнает один местный охранник? Кстати, а кто та девушка?

— Сам выясняй. Тебе за это платят.

— Пожалуй, я лучше вкатаю тебе порцию скополамина, — прищурился интерполовец. — Дело недолгое.

Доминик с трудом рассмеялся — от малейшего движения болела вся левая сторона тела.

— Валяй, хочу посмотреть на твою физиономию после.

— Гм? — Вот теперь, похоже, Колфилд удивился. У него даже глаза несколько округлились. — Это что-то новенькое.

— Как насчет поделиться сначала информацией? Что вы нашли у того дома?

— Кроме тебя и твоей пушки? Ну, в доме трупы, на улице... черт-те что, какие-то обуглившиеся кучи дерьма. Там еще разбираются, что это за органика и имела ли она привычку ходить и болтать. Десятки стреляных гильз на крыше соседнего дома, разнокалиберных. Стреляли из винтовки и такого же «АА-12», как и твоей. Крыша разворочена взрывом, часть гильз оплавилась. Там тоже какие-то органические останки. Часть кровли превратилась в ком железа, в который вплавлена немецкая «DSR-1». Стоит кучу бабок.

— Знаю, — печально ответил Доминик. — Сколько трупов во дворе и в доме?

— Пока неизвестно. Там, видишь ли, некоторые проблемы с подсчетами. Напоминает последствия военных действий. В связи с чем у меня вопрос. Вот придет к тебе дочка... как его... Гавела Новака. И спросит: «Дядя, это ты убил моего папу?» Что ты ответишь, а?

— Шел бы ты за скополамином, — ответил Доминик. — Моралист.

— Убийца.

— Меня отпустят раньше, чем ты получишь ответ из штаб-квартиры. И тебе предстоит с удивлением узнать, что зовут меня все-таки Антонио Гарсия.

— Отпустят, как же... Ты с кровати сперва встань... Может, ты заодно объяснишь мне, какие комментарии последуют по поводу руин в центре Праги? Болотные газы, да?

— Не звучит, — с сомнением сказал Доминик. — Пожалуй, это будет антитеррористическая операция.

— Гринписа? — едко спросил Колфилд. — Набирайся сил. Они тебе понадобятся. Я намерен выжать из тебя всю правду.

— Она тебе не понравится, — предупредил Доминик. — Ты давно был в церкви, Александр Колфилд?

— Да. — Рыжий явно был озадачен. — Ты это к чему? Шутить изволишь?

— Беспокоюсь о твоей бессмертной душе, — тоскливо ответил Доминик. — Как вернешься, захвати с собой телефон. На звонок-то я право имею.

Колфилд, не ответив, посмотрел на него долгим взглядом, не то спрашивая себя, вменяем ли Доминик, не то прикидывая, что на этот раз имеет в виду его «давний знакомый». Потом, так и не произнеся ни слова, он встал, небрежно махнул рукой и вышел за дверь. Тут же появился врач, сделал Доминику очередной укол, и тот безмятежно уплыл в теплые просторы сна.

Ненадолго.

* * *

Сама геометрия пространства была чуждой. Неземной. Почти кошунственной. Доминик плыл сквозь это «нигде-никогда-не-может-быть» и чувствовал зловоение, исходящее от не-материи.

Вокруг была бездна визжащего хаоса.

Темные цвета раскаленными иглами пронзали его сознание, пока оно лихорадочно пыталось собрать окружающую не-действительность во что-нибудь приемлемое. Основной составляющей этой реальности была чья-то боль, и ее почти можно было нащупать, если бы она не жглась так сильно.

Доминик хотел закричать, но не знал как.

Внезапно боль, окружавшая его, отхлынула. Что-то оттеснило ее за пределы невероятной здесь сферы — sanctum здравого смысла и евклидова пространства. Потом появились стены, холодный и влажный каменный пол, на который Доминик с облегчением и упал. Запах сырости, исходящий от камня, показался ему прекрасным.

— Добро пожаловать, — произнес знакомый неприятный голос.

Кое-как сев, Доминик обнаружил Даристона в издевательски-белоснежном костюме. Демон стоял, прислонившись спиной к стене и засунув руки в карманы.

— Я наблюдал за вашей работой ночью, — сказал он. — Вы себя переоценили.

— Очень мило с твоей стороны сообщить об этом, — огрызнулся Доминик. — Где я?

— Ты ведь уже догадался.

— Допустим.

— Ты и сотой доли не ощутил, — заверил его Даристон. — Неприятно, а?

— Не курорт, — согласился Диас.

В воздухе вдруг запахло сладковатой гарью.

— Вы устроили натуральную бойню. Восхитительную, с моей точки зрения. И безрезультатную.

— Да ну? За Бехаудом должок, между прочим.

Даристон скрипуче рассмеялся.

— Он знает. Мы всё знаем, Доминик. Имя мне — легион, помнишь?

— Как не помнить. Не ответишь на один вопрос?

— Какой?

— Тебя можно убить?

Даристон тонко улыбнулся. Покачал головой. Доминик пожал плечами:

— Все равно стоило спросить.

— Чувство юмора — это неплохо, когда ты можешь себе это позволить. Но чаще им прикрывают свою беспомощность. Тут с тобой кое-кто хочет поговорить.

Сладковатый запах усилился. Демон повел рукой, преувеличенно-вежливо привлекая внимание Доминика к темноте, из которой появилась чья-то фигура.

Когда ему стало ясно, кто это, Диас стиснул зубы так крепко, что его скулы побелели.

— Доминик...

— Этого не может быть, — ломким голосом сказал он.

— Пожалуйста.

— Это не ты.

— Доминик... Да что такое! Может, воды плеснуть? Нереальность растаяла.

Доминика за здоровое плечо осторожно тряс человек с аккуратной окладистой седой бородкой и такими же серебряными волосами. Несмотря на явно преклонный возраст, он был поджар, сухощав и держался очень прямо.

— О, ну наконец, — сказал он, когда Доминик открыл глаза. — Как ты?

— Паршиво, — сообщил тот. — Лучше станет, как только вы отпустите мое плечо.

— Извини, — сказал кардинал Сантьяго. — Ты что-то бормотал и отказывался просыпаться.

— Мне станет совсем хорошо, когда я узнаю, как убивают демонов, — мрачно сказал Доминик. — Этот говнюк шлет мне галлюцинации с моей матерью.

— Извините, — сказал немного бледный Александр Колфилд, отлипая от двери. — Мне кто-нибудь что-нибудь объяснит?

* * *

В нашем понимании планирование — это создание упорядоченной во времени последовательности действий.

Уязвимость очевидна: связи. Сбой на одном этапе может означать сбой всего плана. Как можно предусмотреть все альтернативы? Создания с той стороны не планируют ничего. Они видят последствия дальше, чем мы, и для достижения своих целей они ориентируют в их сторону тактические реакции. Это привело бы к предсказуемости, но все их цели неизвестны, кроме одной: сохранять эту неизвестность. Да и в этом мы не можем быть уверены.

Кардинал Жозе Сантьяго

— Да, где-то в сороковых... — Сантьяго помолчал. — Я не знаю, почему именно так, может, из-за войны. Мы так и не нашли внятного объяснения. Но именно в это время они снова начали приходить. У меня есть подо-

зрения, что свою роль в этом сыграло увлечение Гитлера оккультизмом.

— А до этого? — спросил Александр. Он явно не принял еще решение — верить в то, что ему рассказывают, или нет.

— Где-то до четырнадцатого столетия, — сказал Сантьяго. — Оккультисты более поздних веков были, в сущности, безобидными людьми. В том, что касается сверхъестественного. Все, кроме доктора Ди.

— Кого-кого? Вы говорите с человеком двадцать первого века. Я пользуюсь карманным компьютером, знаю, что такое световой год, и работаю в Интерполе. Кто такой доктор Ди?

— Придворный врач, алхимик и оккультист второй половины шестнадцатого века, — сообщил Доминик. — Агент ноль-ноль-семь.

— Та-ак, — неприятным голосом сказал Колфилд. Кардинал улыбнулся:

— Это не шутка. Ноль-ноль-семь — это шифр, придуманный Ди. Он был первым британским секретным агентом. Тогда шла война с Испанией, и он посылал донесения королеве. Два нуля означали «только для ваших глаз». А семерка — тайный каббалистический знак.

— От этой истории пахнет Дэном Брауном, — хмыкнул Колфилд. — Что там еще что символизирует?

— Да нет, это относительно известный факт. Во всяком случае, известный Флемингу, — утешил его Доминик. — Гораздо интереснее зеркало Ди. Это такая овальная черная хреновина с ручкой. Вроде магического кристалла. То есть это он и есть. Как Ди его сделал, никто понятия не имеет. Через это зеркало можно было общаться с духами.

— Ди его не создавал, — возразил Сантьяго. — Зеркало привезли из Мексики. До Ди зеркалом пользовались ацтеки. Потом зеркало оказалось в коллекции Горация Уолпола из Строберри-хилл, а потом его купили... и оно пропало. В Британском музее лежит замечательная подделка...

— Как это типично.

— ...и теперь им пользуюсь я, — закончил кардинал.

Интеполовец хмыкнул:

— Чуть позже я попрошу доказательства. Продолжайте, пожалуйста.

— Все довольно просто поставлено, — сказал Доминик. — У нас есть информатор — зеркало. У нас есть координатор — кардинал. И группа исполнителей.

— Но с чего вы взяли, что имеете право убивать этих людей? — спросил Александр.

Наступила тишина.

Потом Сантьяго тихо сказал:

— Человек, который заключил сделку с дьяволом, потерян. Все его желания обращаются во зло. Он лишь развязывает руки демонам. И все же убийство — непростибельный грех. Но знать, что происходит, и сидеть сложа руки нельзя. Заклейменные уже при всем желании не могут закрыть путь тому, что они впускают в этот мир, да и не хотят, как правило. Законы земные тут неприменимы. Мы искали другой путь, поверьте — это решение пришло далеко не сразу.

— К тому же, — встрял Доминик, — убиваю их я и такие, как я. Нам все равно в пекло.

— Вероятно, мне тоже, — сказал кардинал. — Но так поступить — это был мой выбор.

— Определенная логика в этом есть, — признал Колфилд. — Если сделка необратима и если все, что они просят у демонов, обращается во вред окружающим. А если что-то хорошее попросить?

Доминик поднял бровь. Колфилд фыркнул:

— Ладно, я читал и сказки тоже. То есть ты теперь вызубрил кучу заклинаний и ритуалов и отстреливаешь оккультистов?

— Вроде того. Но не только их. Если б ты видел тех тварей, с которыми мы вчера повздорили, заикаться бы начал.

— Похоже на концепцию «меньшего зла», — задумчиво проговорил Александр. — Я от таких вещей предпочитаю держаться подальше. Так. Теперь, где мои доказательства?

— Вы принесли те улики, что я просил? — спросил кардинал.

Утвердительно кивнув, интерполовец показал на картонный ящик. Внутри лежала книга в кожаном переплете — «Гептамерон», несколько мятых бумаг, чаша, *verge foudroyante* — «громовой жезл», несколько флаконов, один из которых был разбит, и его содержимое в пластиковом мешочке, заботливо собранное экспертами.

— Обычный набор игрушек, — резюмировал Доминик, оглядев содержимое ящика. Потом он, побряхтывая, сел на кровати. Сантьяго посмотрел на него:

— Ты как себя чувствуешь?

— Врач говорил, что он будет немного дурной от обезболивающего, — сказал Колфилд. — А вообще он легко отделался. Рваная рана на плече, массовые ушибы и синяки. И последствия приема наркотиков.

— Этот хлам неплохо бы сжечь, — сказал Доминик, игнорируя комментарии по поводу своего состояния. — Что мы ему покажем, кардинал? Мне допросить духа, которого они вызывали?

— Было бы неплохо.

Доминик еще раз оглядел содержимое коробки. Потом, вздохнув, достал оттуда мелок:

— Отойдите-ка в сторону. Похоже, на шкуру козла эти ребята не расщедрились.

— Пентаграмму чертить будешь? — спросил Колфилд скептически.

— Каббалистический круг, — ответил Доминик, размашисто водя мелом по полу. — Только не делай такое лицо, не я это придумал. Радуйся лучше, что никогда не встречался с иероглифической монадой Ди. Вот где полночи провозиться можно...

— А где твой карманный круг? — поинтересовался Сантьяго.

— Сгорел. Или ракшас его сожрал вместе с куском бронежилета. Не знаю.

— Весело живете, — прокомментировал Колфилд.

Начертив положенные символы, Доминик расставил пару подсвечников из коробки, положил благовония в небольшой горшочек, плеснул туда жидкости из флакона и жестом предложил кардиналу и интерполовцу войти в круг.

Затем, прочистив горло, он начал:

— Venite... venite... Кстати, а кого, собственно, я venite?

— Доминик! — укоризненно одернул его кардинал. — Не шути с этим. Бери «Гептамерон».

— Ладно.

Он достал сигарету, закурил, насмешливо глядя на Александра Колфилда, потом чиркнул зажигалкой, поджигая угли в горшочке, спрятал зажигалку в карман, небрежно открыл гримуар и произнес, выпустив облако дыма:

— *Rofocale!*

Лампы на потолке затрещали, мигая, потом погасли на секунду и загорелись уже совсем тусклым светом. Воздух стал ощутимо густым, стекаясь к плотному эпицентру прямо перед кругом. Стало трудно дышать. Потом это место стало темнеть, собирая тьму из всех уголков палаты, и наконец дух устался на них красными тлеющими точками.

— Ой-ё, — охнул Колфилд. — Кто это?!

— Вопрос по существу, — заметил Доминик. — Ну-ка, представься нам, исчадие ада.

Со стороны темной фигуры послышалось еле заметное шипение. Потом прошелестело слово:

— *Quia...*

— Стоп! Не надо латыни. Я сегодня тогу и венки оставил дома. Имя?

— *Меня называют Лаун.*

— Имя карциста?

— *Гавел Новак.*

— Условия сделки?

Дух не отвечал. Темнота в комнате стала напряженной.

— Третья степень? — с нервным смешком предложил Колфилд.

Доминик кивнул.

— Сейчас я подожгу жезл.

Дух молчал.

Доминик наклонился, чтобы опустить жезл в угли, как вдруг на месте духа возникла ослепительная беззвучная вспышка, словно кто-то поджег килограмм магния.

Все трое рефлекторно зажмурились, но даже сквозь веки вспышка временно ослепила. Стараясь разглядеть что-то сквозь плавающие перед глазами темные пятна, Доминик выругался.

— А это что было? — спросил Колфилд. Он остался относительно спокоен, поскольку не знал, что вспышка не является частью программы. — Можно было и предупредить.

— Доминик Диас и кардинал Сантьяго, — произнес чей-то голос с того места, где только что был дух. — Какая неожиданность. Мучаете моего подчиненного?

Голос был приятным по тональности, но обладал какой-то составляющей, сродни инфразвуковой, которая буквально давила на нервы.

Все на мгновение замерли.

Доминик, который к тому времени уже успел в какой-то степени проморгаться, увидел расплывчатый силуэт. Силуэт никак не желал собираться в четкую фигуру. Сначала Диас списал это на последствия вспышки, но все остальные детали интерьера понемногу приобрели ясность — кроме светящегося силуэта.

В воздухе потрескивало, появилась озоновая свежесть.

— Ты что за хрен? — неласково поинтересовался Доминик.

— Меня называют Бехаудом, — кратко ответил гость.

Кардинал прерывисто вздохнул.

— У нас проблема? — спросил интерполовец, доставая компактный бельгийский «Five-Seven» из-под пиджака.

— Это демон, — отстраненно сообщил Доминик, рассматривая Бехауда. — Уже второй за эту неделю.

— Вы больше не будете вызывать духов, — сказал демон.

Кардинал сдержанно спросил:

— Нам следует понимать это как угрозу?

— Вам свойственно придавать всем утверждениям эмоциональный оттенок. Это не угроза. Это констатация факта. Мы уходим.

— Почему я должен в это верить?

— Если ты понимаешь суть происходящего, все вещи остаются такими же, какие они есть. Если нет — они остаются все теми же.

— Тогда твои слова не имеют смысла.

Услышав это, Доминик понял, что кардинал уловил слабое место демона. Тому вообще не следовало появляться, если это вся информация, которую он хотел передать. Теперь ему придется выложить что-то еще, и вне зависимости от того, правда это будет или ложь, Сантьяго получит новые данные. С другой стороны, это могла быть и провокация.

— Логика, — сказал Бехауд все тем же ласковым тоном, — может ослеплять так же, как и вера. Это ваше единственное оружие, и оно делает вас вполне предсказуемыми.

— Все это время нашим оружием была вера, — напряженно заметил Сантьяго.

— В этом мире ничто не может существовать, не имея своей противоположности.

— Замечательный обмен репликами, — сказал кардинал, — но ты ушел от ответа. История показывает, что вы действительно можете куда-то пропасть, как это было четыреста лет назад. Итак?

«Итак, на кой черт ты нам все это говоришь?» — мысленно закончил фразу Доминик. Понятно, что демон в чем-то их обманывает. Но «обертка» его слов наверняка правдива. Он знает, что мы знаем, что он знает, подумал Доминик, следовательно, что-то там еще запрятано. С этими демонами никогда не поймешь. Загадка в загадке. Вот пусть Сантьяго и разбирается.

— Очень хорошо, — сказал Бехауд. — Я говорю на языке противоположностей.

— Когда я говорю о бытии... — задумчиво начал кардинал.

— То я говорю о небытии, — закончил демон. — Разумеется, это ваше знание нужно нам, а не вам. Как и до того.

Оба выглядели до отвращения понимающими, о чем речь.

Колфилд аж скривился.

— Ты утверждаешь, что мы являемся частью ваших планов, — задумчиво подытожил кардинал. — Тогда почему вы уходите?

— Мы завершили очередной этап. Теперь вы находитесь в ловушке вашего пути, и нам остается выжидать, пока не настанет время нового воздействия. Это знание лишь усилит вашу зависимость от этого пути.

Едва закончив свой ответ, демон тут же исчез. Без звука, без малейшего движения воздуха.

Просто в комнате остались только трое людей.

Колфилд прочистил горло.

— И что все это значило? — осведомился он.

— Я тоже ни черта не понял, — согласился Доминик. — Вы обменялись десятком значительных фраз, а потом последовали непонятные выводы.

— Это дзен, — сказал Сантьяго с таким видом, словно объяснил все сразу.

— У нас его в обязательную программу подготовки не включали, — едко заметил Колфилд. — И синтоизм тоже. И конфуцианство. И...

— Я уже понял, — прервал его кардинал. — Дело в том, что демон для разговора выбрал дзен. Он цитировал их сентенции и коаны. Контекст очень сильно влияет на смысл, как вы понимаете.

— Пока да, — сказал Доминик. — Это всё были фразы с подтекстом.

— Да. Понятно было, что они могли повесить трубку без всякого «до свидания». Чего ради ему наносить нам визит?

Доминик фыркнул.

— «О тупые смертные, я пришел сказать, что небо — голубое. Назвав меня придурком, вы совершите предсказуемое действие, чего я и добиваюсь».

Сантьяго улыбнулся.

— Не совсем так, но близко. Во-первых, он сообщил нам, что все это время мы шли у них на поводу. Во-вторых, суть его сообщения была не в констатации факта, а в том, чтобы мы действовали, исходя из этой констатации. После чего он дал нам ключ к этому объяснению и напоследок еще и посмеялся над нами, загнав нас в эту рекурсивную ловушку.

— Объяснение Доминика мне понравилось больше, — заметил интерполовец. — И какой из всего этого вывод?

— Думаю, это отвлекающий маневр. Несмотря на то, — кардинал вздохнул, — что все слова Бехауда, скорее всего, правда. Но эту правду он изложил для того, чтобы отвести наше внимание от очень важного момента.

— Что мог рассказать дух?

— Да.

Они помолчали.

Потом Колфилд спросил:

— А что там из дзена такое было?

— Ну, например, Бехауд намекнул мне про двойное влияние, — пояснил Сантьяго. — Когда ты пытаешься быть и самим собой, и своими представлениями о себе. Когда действуешь на себя с точки зрения о себе самом, и возникает иллюзия...

— Ох, — печально изогнул брови Колфилд, — и зачем я спросил?..

* * *

— Трость бы не помешала, — проворчал Доминик, вылезая из машины. Александр подхватил его под руку, помогая встать, захлопнул дверь. Таксист тут же уехал — искать туристов.

— Ты хоть знаешь, что вы там разнесли?

— Ну, дом, — сказал Доминик.

— Частный пансион. Очень хороший, между прочим. Удар по туризму. Представляешь, как все на тебя злы?

— История моей жизни, — отмахнулся Доминик. — У тебя пожрать есть? Кормят в медцентре отвратно.

— Цыпленок гриль в холодильнике. Пиво. Банка маслин, кажется. Ну и по мелочи. Мороженое в морозилке, вишневое.

— Нормально.

— Пришли.

Доминик задрал голову, читая надпись на доме:

— Novi Lesic, семь дробь один. Новый Лесик? Что это значит?

— Что было, то и взял, — пробурчал Колфилд, открывая дверь. — Проходи.

— Да я что, я просто спросил, — сказал Доминик. Ему было несколько неловко, но Сантьяго настаивал на том, что из медцентра лучше уехать, и чем быстрее, тем лучше. Отели были не очень-то безопасны, их легко было проверить. Лучшего места, чем снятая сотрудником Интерпола квартира, было просто не придумать. Тот факт, что Колфилд мог не согласиться, как-то даже и не всплыл. Похоже, он и сам не заметил, как его переманили на другую сторону.

Не противоположную.

Другую.

Словно в такт мыслям Доминика, Александр сказал себе под нос:

— Что это я делаю, интересно знать?

— Э?

Они поднялись на третий этаж.

— Видишь ли, — сказал интерполовец, звеня ключами, — ты вроде как преступник. Я вроде как полицейский. Я тебя поймал. Пока все логично...

— А...

Доминик энергично покивал и прошел вслед за «вроде как полицейским» в прихожую. Квартира была

небольшая, уютная, немного безлика, как свойственно всем квартирам-пансионам. Войдя в кухню, он достал из холодильника пиво и сел за стол у окна.

— ...я понимаю, если бы на твоём месте была очаровательная девушка, — не унимался Колфилд. — Преступница, которая пыталась бы очаровать меня, чтобы избежать правосудия. Нет! Мне достался африканский...

— Пиво будешь?

— ...испанец, которого укусила какая-то адская тварь! Конечно буду.

Закончив свою тираду, Колфилд глотнул из бутылки и засунул цыпленка в микроволновку. Доминик рассеянно посмотрел в окно. На улицу опускались мягкие пражские сумерки. Прохожих почти не было. Он сам не заметил, как уплыл куда-то в мыслях, а потом повернулся, чтобы сказать что-то Наташе...

...Но вместо нее перед ним сидел человек, который шесть лет подряд пытался его поймать и доставить в суд.

— Ну, — сказал Колфилд, наморщив лоб.

— Ну? — повторил Доминик.

— Давай подведем итоги. Твои напарники мертвы. Доминик поморщился.

— Предположительно. Тела-то не найдены.

— Скорее всего мертвы. Иначе бы они уже попытались связаться с тобой или Сантьяго. Что-то серьезное затевается, и ключ ко всему — личности убитых кар... Как их там?

— Карцистов.

— Да. Кроме того, насколько я понял, зеркало Ди как источник информации безнадежно скомпрометировано.

— Нет, — возразил Доминик, — зеркало в порядке. Они его не контролируют, иначе мы бы не стали частью

их планов. Сечешь? Это ж вынужденный ход. Они адаптировались и заодно извлекли выгоду.

— Слова, слова. Все равно ему доверять нельзя.

— Зеркало показывает тех, кто связался с духами. И это все, что от него требуется. Уж поверь мне, эту функцию оно выполняет прекрасно. Мы частенько приходили в самый разгар ритуала. Экзорцизм для меня — обыденная вещь.

Колфилд скривил губы, но возражать не стал, видимо, вспомнив недавний диалог с духом, а потом и с демоном.

— Ладно. Давай-ка еще раз посмотрим досье этих ребят.

С этими словами он ушел в другую комнату.

Запищала микроволновка. Доминик достал цыпленка, положил его на стол и, обжигаясь, занялся цыплячьей ногой. Только сейчас он почувствовал, насколько был голоден. Интерполовские бульоны? Ха! Он сделал обильный глоток пива и буквально почувствовал прилив энергии.

На кухне появился Колфилд с ноутбуком.

— Руками клавиатуру не трогай, — сказал он, мгновенно оценив ситуацию. Доминик только пожал плечами. Он предпочел уделить больше внимания цыпленку.

— Новак, Кшиштоф и Франк. Всем за тридцать... Новак и Франк — школьные друзья... Кшиштоф с Новаком вместе учились в университете. Гм... Профессии у всех троих вообще не очень стыкуются. Один в пивоваренной компании, другой в аудиторской работает... работал. А третий — библиотекарь.

— Наверное, он гримуар-то и нашел, — заметил Доминик с набитым ртом. — Сделай пометку — проверить библиотеку.

— Чего-то не хватает, — задумчиво протянул Колфилд, просматривая файлы еще раз. — Чего-то точно не хватает.

— Три оккультиста, — флегматично сказал Доминик. — Встречались в пансионате, вызывали духов. Доигрались. Типичная картина.

Александр покачал головой и взял еще пару бутылок из холодильника.

— На первый взгляд. Но меня смущает то, что у этого Новака семья.

— Э?

— Ну ты же не полный ублюдок, Диас. Ты ни разу не вламывался в квартиру с детьми и женщинами.

— Спасибо, — едко сказал Доминик. Слова Колфилда его уязвили. — Но некоторые были женаты. Некоторые — замужем.

— Да я не об этом. Тут все указывает на счастливый брак. Недавно его повысили. Дочка вон...

— Черт, — сказал Доминик.

— Что?

— Чувствую себя полным ублюдком. Доволен?

— Весьма. Вопрос: на кой ляд такому человеку связываться с потусторонними силами?

— Когда его повысили?

— Полгода назад.

Доминик хмыкнул. Действительно, что-то не сходилось. Судя по данным зеркала, что-то получаться у карцистов начало неделю назад.

— А остальные?

— Тоже ничего особенного. Один холост, другой разведен, жил в гражданском браке с некоей Иоландой П.

Кстати, этот пансионат они снимали примерно раз в месяц. Иоланду допросили — говорит, они со студенческих времен пристрастились к ролевым играм.

— Чего-чего?

— Ну эти, которые с кубиками.

— Какая-то совсем нелепая отговорка, — с сомнением покачал головой Доминик.

— В свое время очень популярное развлечение было, — сказал Колфилд. — Но ты прав, звучит как-то нелепо... Жена Новака говорит то же самое. В смысле, что они там играли.

— А может, — кивнул Доминик. — Может, и хорошее прикрытие. Там ведь фэнтези всякое? Меньше ьпросов про оккультные принадлежности, которые попадают на глаза жене.

— Она мужа ни в чем таком не замечала. Эта Иоланда — тоже.

— А третий?

— А что третий... Соседи жалоб не подавали. Во всяком случае, по результатам разговора с ними.

— Что там еще в этих твоих файлах?

Колфилд достал сигарету, прикурил. В глазах у него светились отражения дисплея. Вид у интерполовца был отрешенный и одновременно сосредоточенный. Доминик живо себе представил, как тот смотрит таким же взглядом на его досье, высчитывая, где же Д. Ф. Диас появится в следующий раз.

Шесть лет!

Свихнуться можно, подумал Доминик. Наверняка он чокнутый. Все мы тут сумасшедшие.

— Да почти ничего, — сказал наконец Колфилд. — Мне и это-то пришлось составлять из десятка отчетов,

и все на чешском языке. Еще и перевести надо было... Теперь делись информацией. Как все это выглядело?

— Хочешь признание? — улыбнулся Доминик.

— О-о, — протянул в ответ Колфилд. — Когда все это закончится, я столкнусь с любопытной правовой и моральной проблемой. Но судить тебя все равно будут, уж поверь.

— Ну-ну. Ладно, вкратце. Я сюда приехал пятнадцатого...

Доминик рассказал, стараясь быть лаконичным и информативным одновременно, обо всех событиях, начиная со встречи на Староместской.

Колфилд не перебивал, хотя временами ему явно хотелось это сделать. Иногда он стучал по клавишам, отмечая что-то для себя. Доминик понял, что ни слова зря не пропало. Интересно, он что, и в самом деле намерен продолжать это «расследование», когда «все это закончится»?

— Минц. Кто такой этот Минц? Я почти вышел на Бауэр, но этого не знаю.

— Я его тоже плохо знал. Сантьяго собрал нас по каким-то своим каналам, — сказал Доминик, вспоминая. — Промариновал в небольшой комнатухе часа полтора, а потом прочел лекцию и вызвал духа.

— Почему именно вас? Почему он не подключил военных, у него же такие контакты!..

— Колфилд, — вопросительно изогнул бровь Доминик, — ты хоть представляешь себе, что будет, если в руки к этим ребятам попадет рабочий гримуар и знание о том, как его использовать? Если они смогут вызывать демонов? Это же *структура*, у нее такая инерция, что, когда мы опомнимся, будет уже поздно...

— Да, но всего три человека?..

— Было больше, — пожал плечами Доминик. — Мы — третья команда. Когда нас обучали, погибли еще двое. А количество сделок, надо сказать, не так уж велико. Мы справляемся. Справлялись. Видимо, та сторона не хотела привлекать излишнее внимание.

— Интересно, есть ли у кардинала санкция Папы.

— Спроси.

— Спрошу. Вернемся к Минцу. Откуда он?

— Не знаю. Не то англичанин, не то американец. Акцент ни о чем не говорил. Был подрывником в каком-то спецподразделении. Все. Почему ты спрашиваешь?

— Не знаю... Хочу получить полную картину. Наташа?

— Из Кёльна. Дочь русских эмигрантов. Больше почти ничего не знаю.

Тут Доминик соврал. Хватит, он и так достаточно наболтал. Наташе бы это не понравилось. Ему теперь очень не хватало ее. Временами деловая и чопорная, временами «свой парень», неизменно женственная, она всегда привлекала его. Но именно к ней он боялся подступить. Пикировки, ирония, иногда разговоры по душам, в которых оба чувствовали возможное начало чего-то большего. И все. Оба отступали.

А теперь он потерял ее.

Сначала ему показали неизбежность ада, а теперь ему предстоит идти туда в одиночку.

Все это было очень несправедливо.

— Ты, часом, линзы не носишь? — спросил вдруг Колфилд, резко меняя тему.

— Нет.

— Тогда у тебя изменился цвет глаз.

— Да, у нас у всех, — кивнул Доминик. — И у кардинала, хотя как раз он линзы носит. Это метка Ди. Каждый, кто пользуется его зеркалом, получает такой вот подарочек.

— Интересно... Скажи, а в каком виде зеркало выдает информацию?

— Показывает карциста за работой. Можно интерьеры посмотреть. Потом можно как бы зафиксировать связь и определить место по карте. Знаешь, на манер спиритического сеанса, когда иголка на нитке качается. Только там все проще. Это зеркало — что-то вроде мистического ноутбука с GPS.

— А время совпадает? — поинтересовался Колфилд. Судя по выражению его лица, его захватила некая идея.

— Не всегда. Если что-то очень крупное попадает, могут быть временные искажения. — Доминик потянулся за сигаретой. — Как правило, мы связываемся с кардиналом непосредственно перед началом операции. Он еще раз подтверждает, что карцист на месте.

— Ясно.

— Но в этот раз не было нужды. Они там давно встречались. Когда у них получилось вызвать духа, их сразу включили в список, но тут же появились проблемы: ракшасы и контакт с Бехаудом. Кстати, отслеживать такой контакт просто опасно. Сантьяго прислал к нам Минца с чемоданами оружия, поскольку вдвоем, да еще с нашими хлопушками, мы бы просто не справились. А дальше ты знаешь.

— Да. Мне не нравится, что к вам полез Даристон. Особенно то, что в аэропорту он говорил именно с тобой.

Доминик хотел было пожать плечами, но вовремя передумал: это могло иметь болезненные последствия. Он никому еще не рассказывал про сообщение Даристона о предательстве (ложном?) Минца. В конце концов, тот погиб.

Или все-таки это очередная ложь в обертке из правды — любимая конфетка демонов?

Сантьяго узнал от него лишь про энергетическую концепцию ада, о которой рассказал демон. Кардинал признался, что прорабатывал такую версию. Она хорошо описывала ограничения, в которых действовали духи.

Души — это энергия или то, что называют энергией демоны.

Доминику это напоминало дурацкие книжки шарлатанов-эзотериков, где говорилось про Пять Энергетических Планов, Астрал, Космическую Энергию Души и прочие наборы больших букв.

На самом деле, по мнению кардинала, большинство ритуалов содержало в себе огромное количество мишуры. Чудом наткнувшись на что-то, способное управлять сущностями из другой реальности, люди воспроизводили всю последовательность действий, которая содержала зерно истины.

Не исключено, что из всей иероглифической монады Ди требовалась лишь треть символов — но цена экспериментов могла быть такова, что некому будет делать выводы.

С этим приходилось мириться.

В самом начале Доминик с ужасом представлял себе момент, когда выяснится, что самое эффективное воздействие спрятано в шаманском ритуале. Камлание с буб-

ном и поедание галлюциногенов не входило в его ближайшие планы на жизнь. У него и оккультисты вызывали бы смех, не будь они так страшны.

— Пойду-ка я спать, — объявил он, вставая из-за стола. — Завтра будет сложный день.

— Почему бы это? — рассеянно спросил Колфилд. Он был весь в раздумьях.

— А они последнее время все сложные, — угрюмо сказал Доминик и пошел в ванную.

Когда он ложился, на кухне все еще светился экран ноутбука, а в пепельнице тлела очередная сигарета.

* * *

Через несвязные видения...

— Доминик?

Он некоторое время боролся за свой голос. Сон не хотел подчиняться.

— Кто это? — Наконец-то.

— Ты не узнал меня?

Сколько печали! Эмоции, отфильтрованные сном. Эссенция. Он проснется в слезах, но...

— Это я, Доминик, я... и не я в то же время. Здесь так... Где я?

«Где? Что происходит? Это сон, ведь так? Я знаю, что это сон».

Голос вдруг стал собранным.

— Запоминай, Доминик. У нас мало времени. Ты должен вызвать меня. Они еще не поняли... Они не знают... Я не понимаю почему. Может быть, это и есть Лимб?

Мне ужасно одиноко. Мне страшно. Я помню... Со мной осталась лишь память. Мы связаны... как-то... или ты — тоже... только память.

Эссенция грусти.

* * *

Утро оказалось полуднем. Организм Доминика сам «выключил будильник» и явно знал что делает: его хозяин проснулся куда в лучшей форме, чем сутки назад.

Он умылся, поставил на бритву Колфилда новое лезвие, избавился от щетины. Синяки под глазами уже смахивали на результат хорошей попойки. Явное улучшение.

На столе в кухне лежали его документы, бумажник и записка, придавленная пепельницей. Некоторое время Доминик сонно разглядывал пирамиду из окурков. Потом вытащил записку.

Кофе в шкафчике, остальное в холодильнике. Я в НИЦБ, потом — как пойдет. Номер на обороте.

P. S. Не трогай мою бритву!

«Я не брезгливый», — вслух произнес Доминик. Он еще раз посмотрел на пепельницу и оценил количество окурков. Перестав считать на тридцати, он прикинул: интерполовец не был цепным курильщиком, но в рабочей лихорадке он выкуривал одну сигарету каждые минут пятнадцать. Когда он лег спать, было около одиннадцати вечера. Пятнадцать на тридцать...

Черт, этот тип даже и не ложился.

После завтрака, потягивая горячий кофе, он попытался спланировать свои действия. Самым разумным было бы оставаться в постели и приходить в себя. Пусть Колфилд бегает и ищет улики.

Сантьяго (и когда он справляется с обязанностями кардинала?) все еще улаживал дела с чешским НЦБ и полицией. Доминика частенько интересовало, какую же структуру отношений тот выстроил, что обладает таким влиянием.

Итак, один собирает данные, другой занимается прикрытием и анализом. А я, решил Диас, как обычный исполнитель, выздоравливаю и готовлюсь к новым безобразиям.

Допив кофе, он оделся, прихватил с собой записку и вышел из квартиры, захлопнув двери. Ключей у него не было, но он рассчитывал поймать Колфилда.

Первым делом Доминик нашел в Градчанах магазин одежды и обновил гардероб. Все его вещи лежали в отеле, но туда соваться ему не хотелось. Пока что.

Наскоро приобретенные перед отъездом из медцентра джинсы и футболка оказались не того размера. Доминик опасался, что они создают ложное впечатление о его ориентации, не говоря уж о банальном комфорте. Он облачился в привычный вельвет, а очередная синяя рубашка закрыла бинты.

Уже чувствуя себя совсем другим человеком, Доминик пошел на новые траты и приобрел телефон.

Ну а теперь, подумал он, преступника потянет на место преступления.

Я никогда не был слугой закона. Более того, я не считаю законы благом. Мне бы хотелось, чтобы в них не было нужды. Я выбираю сторону закона просто потому, что это — меньшее зло. И я от этого не в восторге.

Александр А. Колфилд

Всегда можно найти общество с такой моралью, согласно которой я — не преступник. Следовательно, моя ошибка имеет происхождение более глубокое, чем мораль. Что же это? Универсальный Закон?

Доминик Ф. Диас

Пришлось констатировать, что Колфилд здорово ошибся. Туристы были просто в восторге. Целые экскурсии собирались около желтых полицейских лент и щелкали фотоаппаратами. На другой стороне улицы стоял микроавтобус одного из местных телеканалов.

Доминик с удивлением отметил тот факт, что одна из лент, перегораживающих улицу, была протянута им позапрошлой ночью.

Радость туристов можно было понять: поле битвы производило впечатление. Прутья забора были буквально порваны в нескольких местах и торчали наружу. Фундамент ограждения рассыпался. Кусты выжжены, несколько деревьев лежали прямо на остатках забора. Трава местами почернела. Дом выглядел так, словно в него попал фугас. Одной из стен не было, крышу уже разобрали.

Из пролома в стене торчал металлический каркас сгоревшего дивана.

Доминик набрал номер Колфилда.

— Слушаю?

— Привет. Это Диас.

Пауза.

— Ты в городе? — Посмотрев на номер, тот явно сообразил, что Доминик вышел из дома.

— Да. Если ты там не слишком занят, подъезжай в Малу Страну и захвати с собой перечень того барахла, что полиция нашла в доме.

— Он у меня еще вчера был с собой. Что-то хочешь найти?

— Есть одна идея.

— Лучше бы она была стоящей, — сказал голос Колфилда. — Потому что прямо сейчас директор НЦБ беседует с представителями полиции, и беседа не из приятных. Нечего нам там появляться без веских причин.

— Ты ведь ночью проверил по списку версию насчет ролевых игр?

— Разумеется. Посмотрел в интернете, что для них надо. Ни кубики, ни книги не упоминаются.

Доминик перешел на другую сторону улицы, искал взглядом какую-нибудь пивницу или кафе.

— А где нашли гримуар?

— Я разговаривал с Сантьяго. Трупы лежат как раз так, как если бы прервали ритуал. Гримуар валялся неподалеку.

— Только один?

— Что?

— Для вызова демонов нужен «Тайный лемегетон». Но никак не «Гептамерон».

В трубке помолчали. Затем, не очень уверенно:

— Передумали?

— Не похоже. Приезжай, хочу посмотреть, может, он сгорел. Я смогу установить это по обрывкам.

— А если нет?

— Если нет, тогда нам нужен список всех, кто жил в пансионате предыдущую неделю.

— Жди.

Доминик свернул за угол, нашел небольшую ресторацию и сел за столик на улице. День был солнечный, все дышало безмятежностью, и делать решительно ничего не хотелось. Он представил себе, что он — отпускник из Европы. Его жена забежала в этномагазинчик за сувенирами, и он ее ждет... потом они лениво пообедают и сходят, скажем, на Злату улочку, где он примерит сделанную современными мастерами кольчугу, жена его сфотографирует, а потом они пойдут кататься на лодках по Влтаве. Заглянут в галерею Реона Аргондского за Карловым мостом и закончат вечер в ресторанчике у мельничного колеса. Может, даже потанцуют...

Наташа умерла.

Господи, что же я с собой сделал? Что за дорогу я выбрал?

* * *

Закон игнорирует раскаяние.

Александр А. Колфилд

— Да, да, я знаю, — сказал Доминик. Он сделал глоток чая, потом продолжил: — Но с Бежаудом все-таки вступили в контакт. Его появление вчера — тому подтверж-

дение. И никаких следов мы не нашли. Я тоже было решил, что они вполне могли испугаться, но у меня есть своя версия.

— Боюсь, ты прав, — мрачно ответил голос Сантьяго. — Ты даже более чем прав. Это явная нестыковка. Но мы до сих пор не знаем их цели. Выяснить это — наша первая задача. Теперь у нас, впервые за эти годы, есть ключ.

— И еще, — сказал Доминик. Он глубоко вздохнул. — Надо вызвать дух Наташи.

— Ты с ума сошел. Некромантия! Мы ходим по грани все это время, но некромантия... Я священник, Доминик. И если ты прав, то мы и так в ловушке. Так *нельзя*.

— Она говорила со мной ночью.

— Не может быть.

— Я сам это сделаю.

— Мы это обсудим.

— Обсудим.

— И не вздумай самовольничать. Это приказ.

— Хорошо. Я перезвоню.

Отключив телефон, Доминик залпом допил свою чашку чая и посмотрел на Колфилда.

Тот кисло спросил:

— Вызвать дух?

— Угу. Это должно прояснить ситуацию.

— Только не...

— У тебя на квартире.

— Д-дерьмо. Пошел ты к черту. Я против.

— Ну не в отеле же! У нас времени мало. Ты ведь понимаешь, почему сейчас все так завертелось? Слушай. Я тебе обещаю: поможешь сейчас, потом я сделаю при-

знание, подчеркну все твои заслуги, даже привру, чтобы выглядеть еще более закоренелым преступником. Тебя повысят, пресса тебе пятки целовать будет. Заголовки на первых полосах! «Александр Колфилд поймал самого опасного серийного убийцу всех времен!»

— Ты себе льстишь. Кроме того, я и так тебя поймал, и я тебя в любом случае дотащу до суда, имей в виду.

— Но ставки-то изменились, забыл? Ты еще не раскрыл дело. И не дадут тебе, если будешь...

— Угрожаешь? — ровным голосом спросил Александр.

Доминик безмятежно встретил его ледяной взгляд. Когда молчание стало накаляться, он пожал плечами:

— Это последнее, что я стал бы с тобой пробовать. Мы все здесь в ловушке. Все. Ты тоже.

— Но на меня давит твой кардинал, — проворчал Колфилд. — Откуда бы у него такие связи? Почему он вообще этим занялся, кстати, как это началось?

— Его брат заключил контракт, — сказал Доминик. — После чего вся его семья...

Колфилд подождал продолжения, не дождался, кивнул:

— Понятно. Но про мою квартиру забудь.

— Si.

* * *

Кардинал занял кресло в гостиной. Он выглядел весьма недовольным — как человек, которого вынудили совершить что-то против его воли. Колфилд прислонился к дверному проему, и выражение лица у него было примерно таким же.

— Меня, — сказал Сантьяго, — останавливает лишь то, что ты утверждаешь, будто она сама попросила. Но в любом случае это возмутительно.

— А меня вообще никто не слушает, — подал голос интерполовец.

Доминик промолчал, поджигая веточки мирры. Потом задернул шторы. Когда комната наполнилась душистым дымом, Колфилд фыркнул и удалился на кухню. Кардинал зачем-то застегнул ворот рубашки.

Начертив на полу необходимые знаки (предусмотрительно свернутый ковер стоял в углу), он вполголоса прочитал инкантацию из книги, у которой до сих пор не было названия. Именно после безграмотной переработки этой рукописи появился «*Grimoigum Verum*», «Истинный гримуар». Автором книги считался некий араб, который оказался в Англии после Второго крестового похода.

Когда Доминик закончил, в комнате стало очень тихо. На кухне закипал чайник.

— Похоже, ты все-таки ошибся, — вполголоса сказал кардинал.

— Подождем.

Они сидели и молчали.

Потом ощутили чье-то присутствие, нежное, как вздох.

Доминик почувствовал ту же печаль, что и во сне, — теперь она пронизывала всю комнату, не оставляя места другим эмоциям.

— *Ты все-таки услышал.*

В тот же момент, как эти слова были произнесены, дым тлеющей мирры сплелся в туманный силуэт. Кардинал даже встал с кресла:

— Наташа! Как...

— *Не спрашивайте обо мне. Сейчас я впервые за все это время чувствую себя более-менее прилично. Если такое можно сказать, будучи в моем состоянии. Вы на время собрали мое «я» в этой точке.*

— Ты мне снилась, — хрипло сказал Доминик. Он тут же покашлял, пытаясь избавиться от комка в горле.

Волна неприкрытой нежности.

Сантьяго вздрогнул, понимая, что это — незащищенные больше мирской оболочкой чувства, которые предназначались вовсе не ему.

— *Я застряла в Лимбе, Дом. Или как это назвать? Место перехода. Меня затягивает туда... в ад. Я теперь многое знаю из того, что нельзя передать словами. Представляешь, какая мука — пытаться объяснить это?*

— Тебе больно?

— *Физически уже нет. Я узнала кое-что важное. Это важнее, чем кажется на первый взгляд, но я не знаю, как объяснить. Я уже вижу события, как они, как демоны. Ад — это место сырой реальности. Мы носим его с собой всю жизнь, мы создаем его с детства, котим фобии, страх, ненависть и боль в подсознании, чтобы после смерти выплеснуть это в аду и создать свою сферу вечного ужаса. Она зовет меня. Вера — это оружие и защита одновременно, Дом, а у нас с тобой ее нет.*

Кардинал что-то неслышно сказал одними губами. Видно было, что слова Наташи потрясли его.

— *Возможно, мы совершили ошибку, а Минц прав,* — добавила она.

— Минц? Что он сделал? — вразнобой спросили Доминик и Сантьяго.

— *Это Минц убил меня, не ракишасы,* — сказала Наташа. — *Я успела достать одного, который прыгнул на тебя. Потом на крышу прыгнул другой, но его удалось расстрелять из дробовика. Я спустилась вниз. Тебя нигде не было, а потом, когда мы шли к машине, Минц спросил меня, что я знаю про магистерium. Потом... он выстрелил мне в затылок.*

— Я его найду, — пообещал Доминик.

— Магистерium... — повторил Сантьяго. — Он больше ничего не упоминал?

— *Нет.*

Никто больше ничего не говорил. Туманный силуэт Наташи струился в тонких лучиках солнца, проникающих из-за штор. Внезапно кардинал встал.

— Наташа, я... я не знаю, что я могу для тебя сделать. Я буду молить Господа нашего, чтобы тебя освободили от мук. Я надеялся, что этого все-таки не произойдет, но Его пути неисповедимы. Пожалуйста, верь в Него, несмотря ни на что... И прости меня.

— *Не корите себя. Мы были обречены еще до встречи с вами. Прощайте.*

Сантьяго молча кивнул. Доминик с удивлением заметил слезы на глазах кардинала. Тот внезапно стал выглядеть старше, на его лице резко обозначились морщины, брови были сведены. Резко развернувшись, кардинал вышел из комнаты.

Призрак Наташи тихо сказал:

— *Он тоже обречен, Дом. Я знаю... лучше бы не знала. И ты...*

— Разумеется. Но сначала я достану Минца.

— *Не мсти. Попробуй встать на другой путь. Может, еще не поздно.*

— Я не знаю как. И не испытываю ни малейшего желания. Знаешь почему?

— *Знаю. Но ты все равно скажи. Хотя бы теперь.*

— Потому что я хочу быть с тобой.

— *Жаль, что я больше не могу плакать.*

* * *

Не важно, во что ты веришь.

Главное — верь.

Наташа Бауэр

— Магистериум, Красный Лев, философский камень, — перечислял кардинал. — Все одно и то же. Легендарный алхимический... объект, скажем так. Упоминается впервые у Трисмегиста, кажется. Свойства как на подбор чудесные: превращение свинца в золото, бессмертие и так далее. В Праге его искали придворные химики Рудольфа Второго. У них были лаборатории на Златой улочке. Официально все это считается чепухой.

— Как и черти, — вставил Колфилд. У него был неожиданно довольный вид. — Я, в свою очередь, хочу внести ясность в эту неразбериху. Все встает на свои места, коль скоро этот ваш Минц — предатель. Это даже неинтересно оказалось. Изящно, просто и...

— Ты нашел еще одного Новака, — перебил его Доминик.

Интерполовец немного скис.

— Что же ты раньше молчал, если такой умный? — раздраженно поинтересовался он. — Да, я проверил эту

версию и узнал одновременно, кто снимал пансионат за неделю до вашей разборки.

— Погодите-ка, — сказал Сантьяго. — Это что же получается? Мне показывали ритуалы настоящего Новака, который был в пансионате раньше, а потом, когда я узнал, что они будут вызывать Бехауда...

— Они не его вызывали, — мрачно сказал Колфилд. — Им надо было потрепаться в секрете. Поэтому они вызвали духов, пока Доминик и компания потрошили пансионат с ракшасами. Их-то оставили, для прикрытия. А ваш распрекрасный Минц вошел в дом во время потасовки и расстрелял невинных ролевиков. Достал из какого-нибудь шкафчика заранее положенный туда гримуар и прочую чепуху, бросил рядом с телами и был таков.

— Уже понятно, — сказал Доминик. — Кем был Новак?

— Ключевое слово — «был», — ответил Колфилд. — Таможенником. И культистом, разумеется. Пансионат снимал не он, но я готов поклясться, что он туда приходил. Снимал его некий Еник Опава. Входит в официально зарегистрированное общество «Утренняя звезда». Этаким клуб анонимных сатанистов.

Сантьяго поморщился.

— Вот что, — решил он. — Я поеду в Королевскую библиотеку, посмотрю, что у них там есть касательно философского камня. А вы займитесь этим обществом, Опавой и найдите Минца. Живым, Доминик!

— Я сейчас и мухи не обижу.

— Да и мухобойка только у меня, — хмыкнул Колфилд, надевая кобуру с «Five-Seven».

На небе готовили заговор тучи. Поднявшийся ветер пока еще был не в силах остановить туристов, но многих заставил обосноваться в уютных пражских пивницах. Доминик шагал по Подольской набережной, направляясь в сторону своего отеля в Вышеграде. Колфилд в это же время должен был подъезжать к району зимнего стадиона в Смихове. Они оба решили, что присутствие Доминика только насторожит культистов. Колфилд мог представить свой визит более безобидным, чем он был на самом деле.

У дверей отеля Доминик почти силой заставил себя не оглядываться. Он толкнул двери, прошел через вестибюль к стойке регистрации, нацепляя фальшивую улыбку туриста, и попросил ключ от своего номера. Уплачено было на неделю вперед, поэтому никаких вопросов от женщины, работавшей портье, не последовало.

Направляясь к лифту, он почти почувствовал, как она берет трубку телефона, но оглядываться и проверять не стал.

На третьем этаже он прошел по коридору, остановился перед своим номером. Посмотрел по сторонам. Никого. Прислушался, потом провел карточкой по замку. Дверь бесшумно распахнулась. Доминик, мягко ступая, вошел в номер.

Чисто. На всякий случай он заглянул в ванную, но никого там не обнаружил. Приоткрыв шторы, Доминик некоторое время смотрел на прохожих, потом вернулся в прихожую и достал из шкафа свою сумку. Выложив вещи на кровать, он открыл двойное дно и достал

компактный «SIG-Sauer P-229». Наплечную кобуру он, после некоторых раздумий, отложил в сторону. Пистолет пришлось заткнуть за пояс и прикрыть курткой. Из кармана, в случае чего, его было бы достать сложнее. Колфилду бы это зрелище не понравилось, но он явно предполагал, что в отеле Доминик не только одежду заберет.

Упаковав имущество обратно, Доминик лег на кровать прямо в обуви и закурил. Он хотел, чтобы те, кому позвонила портъё, успели подъехать наверняка. Картина складывалась достаточно ясная, включая сотрудничество Минца с культистами, но ускользала лишь одна, самая важная деталь.

Какова цель?

И при чем тут магистерииум — философский камень? Зазвонил телефон. Доминик посмотрел на дисплей, хмыкнул и нажал кнопку.

Раздался смеющийся голос Колфилда:

— Ты был прав на все сто. Эти сукины дети вдруг заторопились и попытались от меня отделаться. Я сейчас стою как раз напротив их дверей.

— Не уходи с Клавирики, я сейчас тула пешком прогуляюсь, а ты сними хвост.

— Лучше я тебя у места встречу. Там проще отследить.

— Договорились.

Доминик легко вскочил с кровати и тут же выругался: следовало побереечь бок. Задумчиво посмотрев на сумку, он решил не забирать вещи, но сунул в карман коробочку со стимуляторами. Что-то подсказывало ему, что они еще понадобятся. Он вышел из отеля и энергично пошел к набережной. Снова — не оглядываясь.

Погода портилась на глазах. Он буквально чувствовал взгляд поверх ствола на своем затылке, хотя и был уверен, что его сперва поведут от гостиницы. Черт их знает, этих дилетантов.

От моста свернул в сторону Лидички и замедлил шаг, давая Колфилду время засечь хвост. Самого Александра он не заметил. Хороший знак.

Он остановился около стенда с сувенирами, поделками из керамики, железа и стекла. Пока продавщица что-то объясняла ему, огляделся. Прохожих становилось все меньше, остальные продавцы сворачивали лотки или накрывали их полиэтиленом. Собирался дождь.

— Вот это, пожалуйста, — сказал Доминик, показывая на одну из безделушек. Это была миниатюрная пепельница. Расплатившись, он пошел дальше, разглядывая свою покупку и соображая, что с ней теперь делать. Через минуту раздался сигнал телефона.

— Все, я его взял, — сказал Колфилд. — Вернись к началу улицы, сверни налево и еще налево, там небольшой двор. Я там машину поставил.

Со щелчком связь отрубилась. Доминик круто развернулся и ускорил шаг.

Вот поворот в конце улицы. Приземистый желтый дом, арка с двумя фонарями. Внутри обнаружился аккуратный сквер, в центре которого росли несколько деревьев и кусты шиповника. На асфальте появились черные точки — начало накрапывать.

Машина Колфилда стояла справа, неподалеку от зеленой скамейки. Сам интерполовец стоял, прислонившись к передней двери. На скамейке сидел крепкий чернявый парень в клетчатой рубашке. Его левая рука была прикована к скамейке наручниками.

Доминик подошел к машине и поставил свою пепельницу на крышу. Колфилд невозмутимо стряхнул в нее пепел:

— Милая штучка. На, полюбуйся.

Он протянул Доминику паспорт.

— Ян Пишта, — прочитал Диас. — И чего?

— Ты за обложку посмотри.

Там оказалась фотография Пишты в холле какого-то здания, в обнимку с черноволосой и бледнолицей девушкой. Губы у нее были накрашены черной помадой, на груди болталась причудливая готическая побрякушка.

— Этот кретин оставил в паспорте фотографию, где он внутри здания «Утренней звезды», — пояснил Колфилд. — Если у них все такие идиоты, сочувствую темным силам.

— По-английски говорит?

— Проверь.

Доминик подошел к пленнику. Пишта поднял на него мрачный взгляд, никак не показывая, что узнает. Диас вздохнул и внезапно врезал чернявому по физиономии. Культиста бросило в сторону, он тут же попытался вскочить, но уткнулся носом в пистолет Доминика и застыл. Капли дождя падали все чаще. На темном стволе пистолета появилось несколько мокрых пятен, поднимался все более сильный ветер.

— Я вообще-то не это имел в виду, — осторожно заметил Колфилд, глядя на Домиников «Р-229». — Ты откуда это взял?

— Купил в Австрии, — ответил Доминик, не отводя взгляда от Пишты. — Гаечный ключ дай?

— Зачем?

— По пальцам.

— Может, сначала просто избить?

Голос Александра звучал достаточно уверенно, но Доминик прекрасно понимал, что Колфилд подыгрывает и не знает точно, насколько этот спектакль является спектаклем.

— Долго. Знает он язык, его же в школах преподают, в Праге он второй после чешского. И надо быть законченным идиотом, чтобы послать за мной человека без знания английского. Кроме того...

— Не очень убедительно, — сказал Колфилд.

— Процентом на семьдесят уверен, — признался Доминик. — Давай ключ. Узнаем.

Пишта хладнокровно смотрел на обоих и не проявлял никаких признаков понимания. Рыжий интерполовец задумался на несколько секунд, глядя на чеха, потом пожал плечами и достал из багажника увесистый ключ. Протянул Доминику.

Тот взял ключ, повернулся к пленнику:

— Ну что? Последний шанс.

Пишта молчал.

Доминик врезал гаечным ключом по прикованной руке. Пленник задергался, заревел гортанно, и Диас тут же заткнул ему рот пистолетом. Колфилд сзади прочистил горло.

— Я переломаю тебе пальцы, а потом мы перевезем тебя в другое место и допросим куда серьезней, — сказал Диас. — Но у тебя есть шанс уйти отсюда относительно целым. Если заговоришь.

Культист что-то замычал.

— Будем считать, что ты меня понял. Сейчас я медленно уберу ствол, а ты не будешь орать и станешь отвечать на мои вопросы.

Он убрал пистолет.

— Я почти ничего не знаю! — заголосил Пишта. — Еник послал меня за тобой следить! И все! Я ничего не знаю!

— Знаешь этого человека? — спросил Колфилд, показывая Яну фотографию Новака.

— Это Гавел! Один из старших мастеров!

— Где он?

— Не знаю!

— Что он тебе сказал, когда направил к отелю?

— Мы там посменно дежурили. Нам показали твою фотографию, в случае чего мы должны были позвонить мастеру Енику и следовать за тобой, пока не придет другой человек.

— Какой другой?

— Не знаю.

Доминик покачал в руке ключ. Пишта испуганно отшатнулся, вид у него был затравленный. Колфилд тяжело вздохнул:

— Завязывай ты с этими зверствами. Это пешка, обычный исполнитель. Люди вокруг, чего шум поднимать... Черт, мы тут промокнем совсем.

На улице стало ощутимо прохладней, а дождь моросил так, словно только набирал темп. Где-то вдалеке прогрохотало.

Колфилд присел рядом с пленником и спросил:

— Как давно ты в «Утренней звезде»?

— Ну, года четыре.

— И чем ты там занимался?

Пишта уклончиво мотнул головой:

— Ну, я один из адептов Люцифера... То есть...

— Ты участвовал хотя бы одном ритуале, когда вызывали духов?

— Я видел некоторые, — признался культист. — Но сам пока слишком мало знаю.

— Ты убивал когда-нибудь?

Ян Пишта замешкался, с вызовом посмотрел было в глаза Колфилда, но увидел там нечто такое, отчего сразу скис.

— Нет, — буркнул он.

— Твой мастер Еник и его подручные замешаны в убийстве Гавела Новака. Вся ваша «Утренняя звезда» по уши в подозрениях. Полагаю, на совести этих ваших мастеров далеко не одно убийство. Знаешь, духи духами, но закон никто еще не отменял.

Сделав паузу, Александр проследил за реакцией Пишты. Тот вновь обрел прежнюю надменность и всем своим видом говорил, что упоминание о жалких законах для него, адепта павшего ангела, просто смешно.

— Сатанисты, — Колфилд откинулся на спинку скамейки, — танцуют на кладбищах, режут кошек и петухов и причиняют зло ближнему своему. Ты, наверное, решил, что я читаю тебе душеспасительную лекцию?

Порядком промокшему Доминику стало понятно, что именно так тот и решил. Судя по выражению брезгливости на его лице, он лишь опасался произнести вслух все, что по этому поводу думает.

— Все, что меня удерживает от превращения в такого, как он, — Колфилд показал на Диаса, — спасло тебе сегодня жизнь. Но если ты не ответишь на мои вопросы, я отсюда уйду, а он — останется.

Отлично, подумал Доминик. Александр так поддерживает древнюю игру в плохого и хорошего полицейского, хоть и на свой лад.

— Я его видел мельком, — неохотно признался Ян. — Такой плотный светловолосый парень. Почему-то перед ним все лебезили. Один раз видел, а где он — и не знаю...

— А как насчет магистериума, Ян? — почти промурлыкал Доминик. — Расскажи нам про него?

— Чего тут рассказывать? Магистериум — это ключ. Ну и свинец в золото...

— А подробней?

Пишта вздохнул и занудно процитировал:

— Магистериум суть огонь и вода, но заключенные в минерал, мощь которого неизмерима, и кроме прочих ее проявлений Камень этот служит ключом к Вратам Ада.

— Это где такие? — насторожился Доминик.

— Ну, говорят, под замком Гоуска, — пожал плечами Пишта. — Но это не совсем верно. Прагу так еще иногда называют. Это древний город, и построен он над чем-то еще более древним.

— Надо пойти и допросить Опаву, — заметил Доминик. — Что с этим будем делать? Все полезное он уже сказал.

— Отпустим, — ответил Колфилд, слегка улыбаясь. — Слышишь, Ян? Ах да, сначала ты позвонишь Опаве и скажешь, что проследить тебе не удалось. А потом ляжешь на дно и не пикнешь. Знаешь, почему ты так сделаешь? Потому что сегодня вечером или завтра всю верхушку вашего клуба арестуют. И если их не окажется на месте, то я буду знать, кто виноват. А уж тебя я точно найду.

Александр достал из кармана телефон и протянул его Пиште. Тот мрачно посмотрел на него, нерешительно взял и начал набирать номер.

* * *

Дворники с характерным скрипом резины о мокрое стекло ходили туда-сюда. Струи дождя стекали по лобовому стеклу машины мутными потоками, тяжелые капли ливня барабанили по крыше. Серая пелена воды озарилась вдруг синей вспышкой, потом раскатисто отозвался гром. Доминик затянулся сигаретой, ее кончик заглел ярче, потом снова приугас.

— Думаешь, это было разумно? — спросил он.

— А иначе никак. Либо Опава нас на кого-нибудь выведет, либо Минц сам заявится. Или ты собираешься зайти туда со своим гаечным ключом и лупить культистов по пальцам, пока они его не сдадут?

— Они фанатики, — отозвался Доминик. — С фанатиками диалог вести нельзя. Пишта фанатиком не был. Я убедил его в серьезности своих намерений с минимальным ущербом.

— У нас определенно разное мировоззрение. А если бы Пишта оказался фанатиком?

— Лежал бы сейчас в твоём багажнике.

Колфилд покосился на Доминика, словно пытаясь убедиться, насколько тот серьезен. Диас на всякий случай улыбнулся. В данный момент он и сам не мог бы сказать наверняка.

— Хорошо сейчас кардиналу, — вздохнул он. — В тиши библиотеки листает книги...

— Как он отреагировал, кстати?

— Сказал, что очень интересно. Откровенно говоря, мне происходящее нравится все меньше и меньше. Если бы я не занимался тем, чем занимаюсь, «врата ада» меня бы только рассмешили. Но теперь это звучит как-то уж очень пугающе.

— Не то слово. — Интерполовец потер переносицу и устроился в кресле поудобнее. — Я просто мечтаю о том дне, когда все это закончится и я смогу тебя с чистой совестью посадить под замок.

— Не поверишь, я тоже, — признался Доминик. — Надоело. Я не хочу общаться с демонами, не хочу, чтобы шипящие на латыни духи показывали мне слайды из адских презентаций; и чирикать полчаса на всякой тарбарщине для вызова этих духов тоже не хочется.

Колфилд чуть приоткрыл окно, выпуская дым, и звуки дождя стали сильнее. На пустынной улице, в конце которой стояла их машина, не было ни единого прохожего, и никто не выходил из здания «Утренней звезды».

— Забавно, — сказал он. — Я знаю, в каком году ты совершил свое первое преступление в Мелилье... это был толкач из доков... но так и не знаю почему. Почему ты начал?

— Я ошибся, — коротко ответил Доминик.

— В смысле?

— Выбрал самый легкий способ уйти от довольно тоскливых перспектив. Я ведь долго думал, прежде чем это сделать. Решался. Мне это показалось путем в большой мир. Ловушка заключалась в том, что у меня оказалась... предрасположенность? Это было легко. Знаешь, словно

призвание. Только потом я понял, что у человека не должно быть такого призвания. Не из-за религии или совести. Просто в какой-то момент понимаешь это — и всё. А менять что-то уже поздно. И остается только идти до конца.

— Любопытный ты человек, — задумчиво сказал Колфилд. — И все-таки, если бы не твоя двусмысленная работа против демонов — и неизвестно еще, за кого, — все было бы проще.

— Проще, — согласился Доминик тоскливо. — Ох как проще, и черта с два мы бы встретились. Шесть лет за мной гонялся, да? Слушай, а у тебя на личную жизнь время оставалось?

— Развелись, — нехотя отозвался интерполовец. — И вовсе не потому, что работа. Но не твое это дело.

— Да ладно.

— Сам-то тоже хорош.

Доминик вздохнул, согласился, глядя в окно, на стену дождя.

— Да. Это да. А теперь снова поздно. Ненавижу это слово.

Колфилд молча затянулся, выпустил струю дыма, продолжая наблюдать за дверьми резиденции культивистов.

— Была бы у меня хоть мизерная возможность, я бы пошел и вытащил ее оттуда, — сказал Доминик.

— Ну, всякое бывает, — рассеянно пробормотал Александр. Тут у него заиграл телефон. Это была одна из ранних мелодий «А-ha». Диас криво улыбнулся, но тут же посерьезнел: Колфилд вдруг спал с лица.

— Да, — коротко бросил он. — Да, понял. И кто еще? Я выезжаю. Минут сорок. Всё.

Отключив телефон, он аккуратно положил его обратно в карман. Доминик понял, что Александр собирается с мыслями.

— Ну? — наконец спросил он.

— Кардинал Жозе Сантьяго полчаса назад был застрелен в Королевской библиотеке. Рядом нашли труп одного из местных работников.

* * *

«Мне отмщение, Аз воздам» — это придумали сами люди. Мы же просто создаем все условия.

Даристон

Последнее, что он помнил, — чьи-то легкие шаги за спиной, шаги человека, который не скрывается, а идет себе по делам, не обращая ни на кого внимания.

Страницы книги, дисплей компьютера с отсканированными рукописями, а потом — удар и вспышка яркого света, который осыпался, словно мозаика со стены, и наступила темнота, в которой отсутствовало даже время.

В какой-то момент, когда он уже начал ощущать немислимое в этой темноте движение и он знал, КУДА движется, и понял это и с ужасом, и с облегчением, перед ним и вокруг него замерцало, а потом ровно засветилось мягким, словно лебединый пух, светом.

Когда оно приняло образ, ему знакомый, появились и подобия слов.

— Ты? И все это время... Что теперь будет?

— С тобой?

— Нет, с ними. Со всеми.

— Это зависит от них. Что касается тебя...

Ощущение улыбки, и он был отдан в руки строгого судьи — самого себя.

* * *

Вот теперь — один, понял Доминик. Теперь всё. Теперь всё.

Струи дождя стекали по его мокрым волосам, по щекам, текли за шиворот, с его куртки капало на землю, но он даже не замечал этого. Его колотила эта мысль: ОДИН. Ему потребовалось довольно много времени, чтобы понять, как страшно одиночество. Он бежал от него через весь мир, когда понял, на что обрек себя своим решением. Когда-то ему показалось, что он хоть как-то, хоть на время избавился от одиночества, но теперь у него отняли, одного за другим, всех.

Оставались только контакты.

Всего лишь контакты.

Почему, подумал Доминик, важность людей осознаешь, только теряя их? Он прислонился к стене, вытащил полупромокшую пачку сигарет и неловкими от холода руками попытался прикурить. Раз на десятый зажигалка сработала, и усеянная мокрыми пятнами сигарета задымилась.

Доминик почувствовал, как слезы катятся по щекам, смешиваясь с дождем. В горле стоял ком. *А я ведь переживаю из-за себя*, пришла в голову мысль, *такого одинокого и благополучно похерившего все*. Все, все надо начи-

нать сначала, зная, что все твои усилия тщетны и ждет тебя лишь одно.

Чертов Колфилд, подумал он, чувствуя зависть. Уж он-то живет в блаженной неопределенности. У него небось есть друзья, однокашники, да и коллеги, в конце концов. Вернется домой и будет в каком-нибудь пабе травить байки.

Ему хотелось выйти на середину улицы и закричать во все горло. Вместо этого он отшвырнул сигарету и угрюмо уставился в сторону здания культистов.

После непродолжительного спора они с Колфилдом решили разделиться. У Александра была возможность осмотреть место преступления в Кривоклате, а упускать из виду Опаву было нельзя. Черного хода у здания не было, это интерполовец проверил сразу. Удивительная безалаберность, зачастую свойственная фанатикам. Поэтому Диас стоял под ливнем, вжимаясь в слабо обозначенную нишу в стене одного из домов, и промокал насквозь.

Мимо проехали подряд две машины, обдав его мелкими брызгами. Почувствовав движение слева, Доминик обернулся. Рядом стоял Даристон в длинном плаще и мягкой шляпе.

— Только тебя мне и не хватало, — зло заметил Доминик. — Иди вешай лапшу на уши кому-нибудь другому.

— О, но я же просто хотел составить компанию. Ты неважно выглядишь. Ну-ка, что у нас там?

Демон слегка наклонил голову, потом растянул тонкие губы в ядовитой улыбке:

— «Утренняя звезда». Сборище глупцов, но по-своему полезное. Не так, разумеется, как ты и твои покойные друзья.

— Почему бы тебе не убить меня и не избавить таким образом от своих глубокомысленных идиотизмов?

Даристон отшатнулся в показном ужасе:

— Убить?! Что ты, Доминик, как я могу? Это привилегия смертных. Мы всего лишь выполняем ваши распоряжения... А убийство — это очень дорогая просьба.

— И почему? — автоматически спросил Доминик, невольно чувствуя интерес.

— Это должна быть такая душа, что... Ах, все равно люди с такой силой никогда не попросят об этом. Они и с нами-то не общаются, — пожал плечами демон. — Я нахожу это несправедливым. Но видишь, сколько между нами общего?

— Как-то не очень.

— Оба мы исполняем заказы других людей, извлекая из этого свою выгоду.

— Есть один вопрос, на который я до сих пор не знаю ответа, — задумчиво сказал Доминик. — Может, просветишь?

— На дорожку? Почему бы и нет.

— Зачем вы заключаете эти сделки, если, по твоим заверениям, все люди и так попадают в ад?

— А, ну конечно же. — Даристон ухмыльнулся, потом нарочито медленно огляделся по сторонам и наклонился поближе к Доминику — как будто кто-нибудь мог их подслушать под дождем на пустынной улице. Вблизи его зрачки вдруг сузились и стали вертикальными, как у змеи.

— Душа, — громко прошептал демон, — которая стала нашей при жизни владельца, — это сила, которую мы можем использовать в вашем мире. Но — увы! — мы связаны целями владельца.

Сказав это, он беззвучно засмеялся.

«И все его желания обращаются во зло», — вспомнил Доминик слова Сантьяго. Все оказалось элементарно. Демоны ограничены в своих воздействиях на реальность. Заключая сделку, они получают эту силу, но обязаны использовать ее именно так, как это оговорил продавшийся. Но кто может сравниться с демонами в предвидении последствий и построении цепочек тончайших взаимосвязей?

«Обращаются во зло».

— Ну а цель? — осторожно спросил Доминик, стараясь придать голосу незаинтересованное выражение. В ответ Даристон издевательски покачал пальцем, не прекращая свой отвратительный смех.

— Скоро все сам узнаешь. Могу только добавить, что твой новый приятель вряд ли сможет арестовать тебя. Минц-то оказался умнее, чем ты, Доминик! Но у тебя есть еще шанс.

— Какой?

— Небольшая сделка. Избавься от Колфилда. Это чисто символический акт, поскольку вы уже ничего не сделаете, да и не знаете, что делать. Но некоторые неудобства он может доставить, а я стал перфекционистом за время своего пребывания на Земле, — добавил демон немного извиняющимся тоном.

— А что взамен?

— Очень многое. Мы выставим тебя и Наташу... Ага, я так и знал! Да, мы оставим вас в Лимбе. А потом, если надумаете, вплетем вас в нашу Сущность. У вас есть определенный потенциал.

— Но...

— Никакой торговли, Доминик. — Даристон предупреждающе вскинул руки. — Как хочешь, так и делай. В конечном итоге, это мой маленький каприз. Ты свою роль уже отыграл.

— Какую?

— Ты прекрасно заметал наши следы, — ухмыльнулся Даристон. — Несмотря на то что частенько ты приходил слишком рано, ты все же *наш* убийца, Доминик. Ведь это мы создали вас, и мы направили кардинала на этот путь.

Демон чопорно коснулся рукой в перчатке полей шляпы, чуть наклонил голову, развернулся и неторопливо пошел в сторону моста, исчезая за мутной стеной дождя.

* * *

Он шел, безразлично глядя перед собой, шаг за шагом приближаясь к тяжелым деревянным дверям. Все теряло смысл под этим свинцовым дождем. Из-за поворота выехала машина, водитель едва успел вывернуть руль, чтобы не наехать на свихнувшегося пешехода, который медленно шел прямо по центру улицы.

С визгом колес о мокрый асфальт таксист чудом выровнял машину и обрушил поток ругательств на Доминика. Тот шел дальше, не обращая на ругань внимания. Машина уехала. Доминик поднялся по ступенькам, потянул на себя скользкую ручку дверей. Те не поддавались. Все так же меланхолично он достал пистолет и расстрелял замок. Шум дождя проглотил выстрелы. Ему пришлось сильно дернуть дверь, чтобы открыть ее.

Из застекленной будки рядом с потертым турникетом уже вставал растерянный охранник. Диас навел на него пистолет, человек замер. Это был пожилой мужчина с дубинкой на боку; он застыл, держа руки на уровне пояса. В левой был короткоствольный револьвер. Равнодушный взгляд Доминика поверх ствола заставил охранника оцепенеть.

— Иди, — коротко сказал Диас через несколько секунд. — А это выбрось.

Револьвер лягнул об пол, и мужчина боком пробрался к двери, не отрывая глаз от вошедшего. Охранника напугал не столько пистолет, сколько взгляд Доминика. Опустошение в его душе достигло предела.

Нагнувшись, Диас поднял револьвер и поднялся по центральной лестнице на второй этаж. На звуки выстрелов уже выбежали люди. В коридоре галдели бритоголовые крепкие парни в идиотских балахонах, женщины и девушки в немыслимых «готических» прикидах, среди которых нелепо смотрелись солидные молодые люди в деловых костюмах и не менее солидные, но уже лысеющие и обрюзгшие старики.

Завидев Доминика, они хлынули в его сторону, выкрикивая что-то, из толпы вдруг выступили двое парней с оружием.

Диас немедленно застрелил обоих, они упали, и толпа тут же подалась в сторону от тел. На мгновение люди затихли, потом воздух просто взорвался беспорядочными воплями.

— Всем лечь! — рявкнул Доминик, не опуская оружие. Некоторые послушались, поняв его, для остальных пришлось выстрелить поверх голов. К счастью для него, это сработало.

«Не такие уж это и фанатики, Колфилд», — подумал Доминик, пробираясь по коридору и перешагивая через тела.

Подойдя к одному из лежащих культистов, он пнул его ногой в бок. Это был щедушный человечек неопределенного возраста, который тут же скорчился и перевернулся, с ужасом глядя на мокрое лицо Диаса.

— Встань, — сказал Доминик, подкрепив свой приказ взмахом револьвера. Культист медленно поднялся.

— Еник Опава, — раздельно выговорил Диас. — Веди.

Культист понял. Спотыкаясь и оглядываясь, он потащился вперед по коридору. Они свернули за угол. Сзади снова поднимался шум, но приближаться к мокрому и страшному пришельцу никто не решался. Люди испуганно вжимались в стены. Наконец Диас и его проводник остановились перед скромной офисной дверью с мутными стеклами. Культист знаками показал, что пришли, и тут же снова лег на пол.

Доминик пинком распахнул дверь. Перед ним предстал полноватый, но все же крепкий человек невысокого роста, сжимающий в руках двуствольный обрез — «вдоводел». Руки у человека немного дрожали. Одним стремительным и танцующим движением Доминик скользнул вперед и в сторону и приставил к щеке Опавы пистолет.

— Достал оружие — стреляй, — угрюмо посоветовал Диас. — А не можешь — не берись.

Он прекрасно понимал, какого дурака сваял, безрассудно ворвавшись в помещение, но ему уже было все равно.

Опава одной рукой, не глядя, медленно положил дробовик на стол.

— Где Минц? — без прелюдий спросил Доминик.

— Не знаю.

— Знаешь, урод. Это же он убил Сантьяго. Ну-ка звони ему.

Доминик спрятал револьвер и протянул Опаве левой рукой свой телефон. Тот, торопясь и не попадая по кнопкам, набрал номер, потом вернул телефон.

— Слушаю, — сказали на том конце.

— Привет, говнюк, — сказал Доминик. — Узнал?

— Диас? Вот сюрприз. Можешь замочить этого толстяка, он мне больше не нужен.

— Непременно. У меня плохие новости. Я договорился с Даристоном. Сейчас я займусь его заказом, а потом нам придется поговорить. У меня с тобой счета.

— Заметано. Увидимся на месте, умник. Передвигайся по городу осторожнее: не хочу, чтобы ракшасы испортили мне удовольствие.

Минц повесил трубку. Доминик положил телефон в карман и медленно спросил:

— Где магистериум?

— Я его даже и не видел, — удрученно сказал Опава. Вид у него был жалкий. — Он у Минца. А это правда? Про договор с Даристоном?

— Не твое дело. Где Врата?

— Собор святого Витта построен над ними. Ключ откроет их уже сегодня вечером. Но я не знаю, когда именно, этого мне не говорили. Послушай, — голос культиста стал уже умоляющим, — если ты с нами, зачем все это?

— Дурак, — с отвращением сказал Доминик. — Вы все — отработанный материал. Демонам нужен был только Новак.

— Но тогда...

Опава осекся и переменялся в лице. Диас услышал грохот и людские вопли, несущиеся из коридора. Потом раздался визг, сменившийся хлюпаньем. Грохот приближался.

— Мы же... они не должны были... Нас обманули! — завыл Опава, прижимаясь к столешнице.

— Ну вы и идиоты, — тихо и зло прошипел Доминик, отшвыривая культиста в сторону. Тот скорчился на полу, а потом начал цепляться за ноги Доминика, умоляя спасти его. Диас схватил «вдоводел», пнул Опаву, отчаянным ударом выбил окно и, не колеблясь ни секунды, спрыгнул со второго этажа вниз. Перед этим краем глаза он успел заметить черную фигуру ракшаса, который ворвался в кабинет и одним ударом лапы выпотрошил несчастного карциста.

На удачу, здание было приземистым и до мостовой было около четырех метров. Приземлившись на ноги, Доминик перекатился на бок, чувствуя жуткую боль в левой части тела. Ногам тоже досталось, но, к счастью, он их не повредил. Не теряя времени, сначала на четвереньках, а потом полусогнувшись, он кое-как забежал за угол. Сел около стены, переводя дыхание. С улицы доносился жуткий шум: люди пытались вырваться из здания, но ракшасы уже вышли на охоту.

Один из них прыгнул на машину, затормозившую неподалеку от Доминика, и начал рвать крышу, добираясь до водителя. Диас, держась стены, отступил к заднему

двору и как мог быстро пошел через подворотни, держась за левый бок.

Решив, что ушел достаточно далеко, он снова сел, прислонившись к стене, и отдышался. Ребра болели неимоверно. Пошарив в кармане, он обнаружил там обломки своего телефона. Мобильник Опавы оказался в лучшем состоянии: корпус и экран треснули, но телефон работал.

Закрыв глаза, Доминик вспомнил номер Колфилда. Он всегда старался держать номера в памяти, не полагаясь на записные книжки телефонов, чтобы не привязывать себя к вещам. Набрал номер.

— Хорошо, что позвонил, — озабоченно отозвался голос Александра. — Тут черт-те что. Кардинал что-то нашел перед смертью, я пока не разобрался... Но я установил личность убитого библиотекаря. Это...

— Очередной гребаный культист, — перебил Доминик, морщась от боли. — Он дал сигнал Опаве и провел туда Минца. Кардинала убил Минц.

— Ты что, вломился к ним?

— Тут такое творится... Они выпустили из-под контроля целую свору ракшасов. Те уже разделили под орех всю «Утреннюю звезду». Сейчас они в городе. Тебе скоро позвонят из полиции.

— Боже... Оставайся там. Я свяжусь с...

— Стой! Не клади трубку. Чтобы их остановить, даже армии будет мало. Мы тут ничем не поможем. Слушай меня! Новак был таможенником, верно? Кем были остальные?

— Да ничего у них общего! Физики, торговцы, химики, инженеры, один пилот, один вояка из Огайо, ты же помнишь, парикмахер один...

— Александр, нас водили за нос. Эти люди загадывали желания, а потом мы их убивали, и те больше не мешали демонам. Они использовали их желания со своими целями. Они что-то провезли сюда — либо часть этого долбаного философского камня, либо весь, и потому-то им и нужен был таможенник. Все эти парикмахеры — для отвлечения внимания. А может, и они были частью плана.

— Черт. Ты прав, прав на все сто. У него на компьютере открыта какая-то тарабарщина из области физики. Одни формулы. Я ничего там не понял, думал обратиться к специалисту.

— Они синтезировали магистериум, чем бы он ни был, и протащили его сюда. И все за наш счет.

Доминик замолчал, услышав далекий взрыв. Похоже, ракшасы носились по всему городу, круша все подряд.

— Возвращайся в город на всех парах и подбери меня. Я во дворах позади здания «Утренней звезды», буду двигаться на юг, навстречу тебе. Позвони, как подъедешь, и держись подальше от центра. Они очистят в первую очередь его.

Он прервал связь и закрыл глаза. Его бил озноб. Кровь из порезанных рук собиралась в тонкие струйки и стекала в дождевую лужу.

* * *

На темных улицах мерцали отблески огня с другой стороны Влтавы. Линии электропередачи были повреждены, отчего центр Праги освещали только пожары

и прожектора вертолетов. Прямо на проезжей части стояли брошенные автомобили.

Колфилд осторожно вел машину по набережной, в любую минуту ожидая увидеть силуэты уродливых тварей. Ракшасы играючи свели на нет все попытки полиции города остановить их. Теперь центр города был в их власти.

— Идет эвакуация, — сказал Колфилд, не отводя взгляда от дороги, хотя ехали они с черепашьей скоростью. — Если этот хаос можно назвать эвакуацией. Люди попрятались по домам. Ракшасы убивают всех, кто появляется на площади. Их пытались остановить у Мустека, но они просто залезли на крыши, там, у отеля, рядом с Прикопом, и расплющили к чертям и машины, и баррикады. Какой-то пилот вертолета имел глупость снизиться до уровня крыш — его достали, вертолет порвали в клочья. Один ракшас спустился в метро... Станции заблокировали. Что они будут делать сейчас — не знаю. Людей оттуда не вытащить, а использовать артиллерию — это вообще безумие. Чертовы твари слишком быстрые.

— Мне можешь не говорить, — отозвался Доминик. С тех пор как его нашел и разбудил Александр, прошло около сорока минут. Заснув прямо в луже в сырой подворотне, Диас провалялся так больше часа и теперь чувствовал себя совсем разбитым. Он был похож на постаревшую и похудевшую копию самого себя недельной давности, да и то — на плохую копию.

Он закашлялся, перевел дыхание и добавил:

— Мне теперь плохо верится в то, что мы смогли убить парочку, тогда, в пансионате. Сдается мне, нам подыгрывали.

— Не иначе. Ты, случаем, не собираешься отдать концы прямо сейчас? Вид у тебя соответствующий.

— Мечтай, мечтай. — Доминик снова закашлялся, потом достал из кармана пластиковую бутылочку с метамфетаминами, высыпал на руку несколько капсул и проглотил их.

— Все, — констатировал Колфилд. — Это тебя доконает.

Диас только плечами пожал. Через пару минут его бросило в жар. Он достал «Р-229» с пустой обоймой, положил его в бардачок и пересчитал патроны в револьвере. Оставалось всего три. Еще из внутреннего кармана торчал неудобный «вдоводел» с двумя зарядами.

— Брось ты эти погремушки, — язвительно сказал Александр, покосившись на Доминиковы манипуляции. — Давай их ломami забьем. А то и голыми руками.

Машину вдруг тряхнуло, одновременно раздался глухой звук — они через что-то переехали.

— На дорогу гляди, — буркнул Доминик. — Юморист.

— С чего ты вообще взял, что нас не тронут?

— Я же объяснял, что договорился.

— Звучит неубедительно.

— Тем не менее мы уже приехали.

Колфилд остановил машину. Они вышли наружу, захлопнули двери. Доминик огляделся, втянул ночной воздух, свежий, насыщенный озоном и принесенным с пожаров запахом гари. Ливень кончился, но все еще моросил мелкий дождик. Машина остановилась в пешеходной зоне, неподалеку от Златой улички.

Александр прошел вперед, присел над чьим-то телом, лежащим на дороге и выглядевшим нетронутым.

Пощупал пульс. Покачал головой. Доминик вытащил телефон, позвонил по предпоследнему набранному номеру.

— Очень своевременно, — сказал Минц после пары гудков. — Давай поднимайся. На хрена ты притащил полицейского?

— Не твоего ума дело.

— Ну-ну. Жду.

Когда Колфилд повернулся к Доминику, на него уже смотрел ствол револьвера.

— Та-ак, — протянул Александр. — Наркотиков объелся?

— Я же сказал, что договорился, — объяснил Доминик. — Но Даристон как-то не очень убедительно аргументировал твою смерть. С другой стороны, как ты можешь повлиять на весь этот бардак?

— И что ты решил? — спокойно поинтересовался Колфилд.

— Я вот и решаю. Но в любом случае, ты — мой билет к собору. Обернись-ка.

Немного замешкавшись, интерполовец обернулся да так и застыл. Бесшумными тенями за ним стояли, припав к земле, трое ракшасов.

— Это, я так полагаю, наш эскорт, — прокомментировал Доминик. Стимуляторы начали действовать. Он еще больше осунулся, но его глаза блеснули желтым, болезненно ярким огнем. Рука, державшая револьвер, не дрожала.

— Они довольно тупы, — добавил Диас, — поэтому револьвер я не уберу. Будешь дергаться, обоих могут порвать. Пойдем?

— Ну и сволочь же ты, — больше с удивлением, чем со злостью, сказал Колфилд и двинулся вверх по улице.

Доминик пошел следом, чувствуя, что каждый новый шаг дается легче.

Они прошли по булыжной мостовой, свернули в Ирску, где все еще пылали навесы открытых ресторанчиков. Часть высоких домов была обрушена ракшасами, и пришлось лезть через перегороженные развалинами части улицы. Ракшасы метались то на крыши, то на мостовые, оплетая обоих почти невидимой черной живой клеткой.

Когда они вышли к темной громаде собора, пронзающего низкие тучи ажурными готическими иглами, за поворотом раздались выстрелы, что-то грохнуло. Колфилд замедлил шаг, Доминик подтолкнул его револьвером в спину. На площади пылала взорванная машина. Сидевший на ступеньках у входа в собор человек медленно встал, отряхнулся и громко сказал:

— Тут было темно, а в моей машине бензина оставалось примерно полбака. Я решил, зачем она мне теперь? Зато стало светлее.

— Очень мило, — кивнул Доминик. — Минц, ответишь на вопрос?

Он обошел Колфилда, подошел ближе к Минцу. Тот держал в одной руке неизменную банку пива, в другой — «ингрэм» сорок пятого калибра.

— Да чего тут отвечать, — отмахнулся тот. — Когда я узнал, как нас поймали, то начал переговоры. Наташу жалко, конечно, но все там будем. Ты ведь теперь знаешь наверняка. Безднадега. Но хоть попроще будет.

— А магистериум?

Минц ухмыльнулся.

— Ну, тебя ждет сюрприз. Если доживешь, конечно. Эй, там, без фокусов! — прикрикнул он на Колфилда. — Двинешься — тебя разорвут. Это наша с Диасом развлекуха.

— Да по мне, хоть вы оба сдохнете, — пожал плечами Александр.

Доминик улыбнулся почти весело, покачал на руке револьвер и зашвырнул его через горящую машину куда-то в темноту. Минц поднял брови. Следом за револьвером последовал «вдоводел» вместе с курткой и телефоном. Теперь на Доминике были только драная рубашка и вельветовые джинсы, в карманах которых явно не было ничего огнестрельного.

— И что бы это значило? — поинтересовался Минц.

— Хочу набить тебе морду, — сказал Доминик. — Раз уж конец все равно один, хоть удовольствие получу.

— Как-то пошло.

— А стреляться?

— Да тебя тронь — развалишься.

— Чем ты рискуешь?

— Да ничем, собственно. Эй, зверушки, — громко сказал Минц, — если этот человек, — он ткнул пальцем в Колфилда, — попытается причинить мне вред, убейте его.

Он разрядил «ингрэм», глотнул из банки и поставил и то и другое на ступени. Доминик встал в стойку, подняв кулаки. Минц легко спускался по ступенькам.

— Глупо себя чувствую, — признался он, — но ты мне всегда нравился. Намну тебе бока, а потом мы оба...

Доминик вдруг шагнул к Колфилду, выдернул у него из-под пиджака «Five-Seven» и развернулся, наводя пистолет на Минца. Тот осекся на середине фразы и бро-

сился обратно к брошенному «ингрэму». Доминик несколько раз выстрелил ему в спину. Минц тяжело рухнул на ступени и скатился по ним вниз. Ракшасы нервно захрипели, заскрежетали иглами, но нападать не стали. У них были другие указания. Рыжий человек не двигался и не причинял вред уже мертвому светловолосому человеку. А черноволосый обладал другим статусом.

— Я уж думал, у тебя совсем крыша поехала, — сухо сказал Колфилд, — но ты меня удивил. Это было некрасиво, но довольно эффективно. Ты так и планировал?

— Импровизация, — буркнул Доминик. — Двигай внутрь. Насчет тебя я еще не решил. Кроме того, нас подгоняют.

Ракшасы в самом деле медленно приближаясь, загоняя обоих людей в собор.

Поднимаясь по ступеням, Диас чуть не споткнулся, наступив на руку мертвого Минца.

* * *

Если пойду и долиной смертной
тени, не убоюсь я зла.

Псалом 22

Высокие витражи пропускали красноватый свет. В лучах этого света искрились пылинки. Разбираться, откуда шел свет, когда на улице был пасмурный вечер, Доминик не стал. Красоты костела святого Витта его сейчас занимали гораздо меньше, чем Даристон, сидящий на алтаре. Рядом с ним покоился большой отполированный металлический цилиндр.

— Вот черт, — растерянно сказал Колфилд.

— Демон, — поправил Даристон, легко прыгивая с алтаря.

Доминик и Александр прошли ему навстречу. В какой-то момент все они оказались в полукруге ракшасов, центром которого был алтарь.

— Я мог бы и догадаться, — сказал Доминик.

— Нет, не мог бы, — одними уголками губ улыбнулся демон, проводя пальцем по блестящему цилиндру. — Я в тебе ни разу не ошибся. Ты даже не стал убивать вот его, — от цилиндра палец устремился в сторону Колфилда.

— Ты решил, раз я уделяю ему внимание, разумно будет притащить его сюда и посмотреть, что выйдет.

— А сколько у нас времени? — поинтересовался Колфилд, кивая в сторону цилиндра.

— Примерно полчаса, — беззаботно сказал демон. — Все настроено, успеем и поговорить, и прочувствовать необратимость. Как забавно получилось с Минцем! Ты убрал его, как только он перестал быть нужным.

— Так что, — озадаченно спросил Колфилд, — эта штука и есть философский камень?

Даристон засмеялся.

— Самый лучший анекдот этого мира. И самый последний. Ох и старались же мы! Ох и учили этих тупоголовых средневековых алхимиков! Они все перевирали, все у них из рук валилось, получались эти «красные львы» и «драконы, кусающие себя за хвост». Бежауд в какой-то момент просто сдался, и мы ушли. Что взять с людей, которые хотели всего только превращения свинца в золото? Трансмутация! Вот мы и решили подо-

ждать. Прогресс мы подстегнули, и это оказалось главным. Когда Манхэттенский проект увенчался успехом, мы вернулись и начали планировать этот день.

— Почему именно этот?

— А только этим вечером энергии хватит для прорыва. Где тонко, там и рвется. Сегодня здесь тонко. Подробности, уволь, не объясню: у тебя образования не хватит. В общем, человечество отлично справилось с построением «минерала, который суть огонь и вода». И мы рассчитали все так, что теперь он собран и готов к действию. Собирал, кстати, ваш подрывник, Минц.

— Атомная? — кисло спросил Колфилд.

— Термоядерная, — поправил Даристон, похлопав по цилиндру. — Немного дейтериевой водички и атомная бомба в качестве запала. Собственно, каждый такой взрыв — это нестабильный портал к нам, в ад... Что ты там рассматриваешь, Доминик?

— Ищу индикатор с большими красными цифрами.

— И кнопку «выключить», может? Хм. Да забирайте ее, если хотите. Вдвоем, может, и поднимете. Может, даже из собора вытащите. Она весит примерно тонну, там внутри еще свинцовая оболочка. Учитывая мощность этой бомбы, абсолютно все равно, где именно в радиусе пяти километров от собора она взорвется. А еще можете ее распилить. Тогда, глядишь, и не рванет — критической массы не будет.

После этой тирады Даристон коротко оскалился.

— Не-о-бра-ти-мость, — по слогам произнес он. — Всё уже, всё. Теперь ты, — он качнул головой в сторону Колфилда.

— Э?

— Что ты собой представляешь? Тебя не было ни в одном прогнозе событий. Доминик полностью укладывался во все рамки, но ты даже появляться не должен был. Какая-то флюктуация.

— Интерпол всегда был своего рода флюктуацией, — пробормотал Колфилд. Внезапно его глаза изменили цвет. Доминик моргнул, присмотрелся. Точно. Из темных они стали ярко-голубыми, с золотыми точками. Даристон тоже это заметил. Он неестественно выдвинул вперед голову, всматриваясь в происходящее. Воздух за спиной рыжего оперативника подернулся маревом, стал светлее красной дымки, пронизывающей собор, и принял очертания двух изогнутых полукругов.

— Ах вот оно что... — протянул Даристон и снова сел на алтарь. — Вот это уже и впрямь забавно.

Ракшасы сделали нестройный шаг вперед, сжимая круг, но тут же остановились — по знаку демона.

— Что забавно? — спросил Доминик, чувствуя, что уже окончательно потерял контроль над происходящим. И понимание тоже.

— Ну, видишь ли... — медленно начал Даристон. — Если называть нас демонами, то твой приятель — ангел. Ангел?! Из полиции?!!!

— Правда, что ли?

— Вроде того, — кивнул Колфилд. — Хотя большую часть времени я являюсь исключительно Александром Колфилдом, обычным человеком и сотрудником Интерпола. В общем, это довольно трудно объяснить.

— Ничего, все время этого мира у нас в распоряжении, — с тяжелым сарказмом заметил Доминик. — То есть все двадцать минут.

— Ты перегнул палку, Даристон. Минц был твоей ошибкой, — сообщил ангел-Колфилд, проигнорировав замечание Доминика. — Ты использовал его как своего агента.

— Погодите-ка, — встрял Диас. — Так что, Бог есть?

— Да, — сказал Колфилд

— Нет, — сказал Даристон.

Он вдруг сделал знак рукой, и Доминик получил жуткий удар в спину. Опустив взгляд вниз, он увидел что-то черное, окровавленное, торчащее у него из груди. Оно тут же исчезло. Хвост ракшаса.

Мгновением позже пришла воистину адская боль. Он повалился на пол, бессильно открывая и закрывая рот, скорчившись в луже собственной крови. Но принятые стимуляторы только-только начали по-настоящему действовать, и это притупило боль, оставляя его в сознании.

— Я вижу на много ходов дальше тебя, — сказал Даристон Колфилду. — Ты хотел его использовать, верно? А теперь это сделаю я.

Он присел рядом с Домиником, подобрал пистолет, вложил тому в руку.

— Доминик. Доминик! Смотри на меня. Сейчас тебе станет легче. Смотри на меня.

С трудом подняв голову, Диас увидел суженные змеиные зрачки демона. Оттуда пришла волна облегчения, боль отступила.

— Легче?

Вместо ответа Доминик поднял пистолет и выстрелил Даристону в лоб. Пуля исчезла, словно в воду канула. Даристон кивнул:

— Меня здесь в общем-то и нет. Но вот его, — он показал на безмолвно стоящего Колфилда, — ты убить

можешь. Он человек во всем, что касается плоти. Пусть не вмешивается. Давай, Диас, сделаешь это — я выполню условия нашего договора. Ты ведь знаешь, Наташа уже там, у нас. Если бы у нас были голосовые связки, она бы уже порвала их от крика.

— Где... гарантии? — прохрипел Доминик.

— А ты у него спроси.

Колфилд вдруг провел рукой, и марево за его спиной превратилось в купол, отделивший их от ракшасов.

— Вот это было действительно ошибкой, Даристон, — покачал он головой. — Ты должен был убить его сразу, если уж решился на прямое вмешательство. Теперь я имею возможность ограничить тебя. Ты попался на провокацию, когда я заговорил про Минца.

— Ограничить меня. Но и только-то.

— Кол... филд. Это... правда? — спросил Доминик, глотая ртом воздух.

Александр кивнул.

— Он выполнит все условия. Но твой мир в итоге целиком будет поглощен адом.

— А... я?..

— Если бы Даристон приказал ракшасам убить тебя сразу, то он дал бы мне слишком много возможностей для реакции. Прямое вмешательство демонов недопустимо. Сам он тебе ничего сделать не может.

— Ты все равно бы умер этой ночью, — сказал Даристон.

— Но он рассчитал так, что ты умрешь только через час. За это время он успеет получить задуманное, а все мои возможности — это ты, это твое согласие.

— Что... я могу сделать?

— Немногое.

— И в любом случае попадешь в ад, — хмыкнул Даристон. — Скажи ему.

— Это тоже правда, — согласился Колфилд. — Что бы ты ни выбрал, ты попадешь в ад. Этого я изменить не в силах.

— Тогда... какого... хрена?

Колфилд молчал.

Даристон похлопал Доминика по руке с пистолетом и снова сел на алтарь. Наступила неестественная тишина, но только не для Доминика. Он слышал глухой стук своего сердца в ушах, чувствовал, как его покидает жизнь. Только теперь он понял, как отчаянно хочет жить. Как боится боли. Даристон знал что делал. Он слишком хорошо знал натуру Доминика и специально поставил его в положение, где выбор был очевиден. Боль снова начала путешествие по его нервам. Он плакал, понимая, что выбирает между адом и адом и что выбор уже давно сделан за него.

Через какое-то время Доминик приподнялся, подполз к алтарю и прислонился к нему спиной. Поднял пистолет и навел его на Колфилда. Тот спокойно смотрел ему в глаза.

Даристон зевнул.

— Это... тоже... — прохрипел Доминик, махнув пистолетом. — Договори... лись?

— По рукам, — кивнул Колфилд. — Угощайся.

Даристон вскочил:

— Что?!

Диаз, улыбаясь во весь свой окровавленный рот, легко встал на ноги, повернулся к цилиндру и положил на него руки.

— Ты с ума сошел! — завопил Даристон. — Ты же обрекаешь себя на вечность пыток! Идиот, в тебе же никогда не было ни на грамм благородства и самопожертвования! Я же знаю!

— А он не по этим причинам это делает, — заметил Колфилд.

Руки Доминика погружались в металл, как в пластик. Он повернул кисти и буквально разодрал бомбу одним движением на две части. Точно по центру. Теперь атомный запал не мог сработать. Одну из частей Доминик поднял над головой, чувствуя уже, что теряет свои заимствованные силы, и отшвырнул в сторону, легко пронзив купол Колфилда и пригвоздив одного из ракшасов к стене.

Потом он упал на колени, ощутил кровь во рту и почувствовал, что падает куда-то глубоко-глубоко, а может, просто летит.

Последней его мыслью было, что он выбирает себе странных друзей.

А потом Доминик Франсиско Диаз умер.

ЭПИЛОГ

По мокрому асфальту, на котором расплывчато отражались ночные огни пражских улочек (тех, где снова подключили электричество), шагал высокий рыжеволосый человек. Александр Колфилд выбирал местечко, где

бы он мог поужинать и заодно обдумать, что написать в отчете.

Та часть его, что была ангелом, снова была сокрыта, но воспоминания остались, и воспоминания тяжелые. И в то же время светлые, поскольку, несмотря на ангельскую сущность и правоохранительную деятельность, больше всего на свете Колфилд любил всяческие трюки и лазейки.

Завидев соблазнительную, с его точки зрения, ресторацию, он спустился в подвальчик и заказал кнедлики, утиную грудку, пиво, а потом, после некоторых раздумий, кофе и клубничное мороженое. Официантка была немного удивлена таким сочетанием, но комментировать не стала.

Колфилд закурил и оглянулся. Ресторация была полна народу, который болтал, спорил и веселился. Прага быстро восстанавливала свой дух, а значит, все будет в порядке. В сумке у Александра лежало зеркало Ди, которое он намеревался разбить и выкинуть где-нибудь в море. Пусть превратится во множество черных голышей, которыми можно пускать «блинчики».

Когда принесли пиво, Колфилд поднял бокал и тихо произнес:

— Удачи тебе там, приятель. И до встречи.

* * *

Он очнулся среди пламени. Когда прошли последние фантомы боли, он встал, окидывая взглядом ирреальность, которая готова была измениться, подстраиваясь

под страхи его подсознания, но ее удерживало что-то граничащее с чудом, что-то внутри него.

Он догадывался, о ЧЬЕМ чуде шла речь.

Пламя изменилось, а потом и вовсе угасло.

Вместо вселенной ужасов он воссоздавал более привычные для него элементы реальности. Но только элементы. Ему не нужна была иллюзия рая.

Теперь он знал, куда идти, где та, кого он ищет, и знал, что ему делать.

Доминик Диас выпрямился и поднял пистолет.

Ему предстояла чертова уйма работы.

Юлия Зонис
БОЕВОЙ ШЛЮП «АРГО»

Мой Телемак,

Троянская война
окончена. Кто победил — не помню.

И. Бродский. Одиссей Телемаку

Мать говорит, что я сын Одиссея,
но сам я не знаю.

Может ли кто-нибудь знать,
от какого отца он родился?

Счастлив я был бы, когда бы родителем
мне приходился

Муж, во владеньях своих до старости
мирно доживший.

Гомер. Одиссея

Остров встретил нас свистом ветра и визгом полудиких свиней. Возможно, это были те самые, наши прадеды-мореплаватели, обращенные Цирцеей. Тощие и бурые, они окружили лагерь и пытались добраться до мешка с сухарями. Жбан думал-думал, а потом взялся за топор и веревку. Прогонявшись два часа по берегу за особенно прытким кабаном, он приготовил свинину на ужин. Свинина оказалась жесткой — видно, Цирцея давно не потчевала кашей своих любимцев.

Ветер посвистывал в скалах. Сухие пучки травы, козы тропы без коз да полуразвалившаяся хижина — вот и все, что мы нашли на острове. В развалинах обнаружился глиняный горшок с зерном. Кое-какие зернышки уже проклюнулись, и из них тянулись бледные, лишен-

ные корней ростки. Мы проспорили над горшком до захода. Обжора Жбан говорил, что надо брать, а Мудрый Филин поминал недобрым словом Цирцею и вчерашнего кабана. В конце концов оставили горшок лежать там, где лежал. В последних лучах заката Мудрый Филин бродил по обнаружившейся за домом помойке, искал черепки. Он помешан на краснофигурной керамике, но так и не нашел пока ни одной целой вазы. Мы обошли черный прямоугольник свиного загона. Огораживающие его жерди высохли и стали хрупкими, как тысячелетний пергамент. В дальнем углу нашлось корыто с остатками каши. Жбан жадно облизывался, однако даже ему хватило ума не лезть к колдовскому зелью. За пятьдесят лет магия могла и не выдохнуться целиком.

Спустившись обратно к морю, мы обнаружили, что Рыбий Царь опять сидит на корточках у воды и беседует с корюшками. Не знаю, что они ему наговорили, но, встав и как следует отряхнув кожаные штаны, безумец предупредил нас, что грядет буря. Надо было либо переждать ее на острове, в компании свиней, либо заводить мотор. Солярка кончалась, а до следующей заправки надо было переть еще дней десять.

Корыто наше ржавое и напоминает миниатюрную копию нефтяного танкера. Так утверждает Мудрый Филин, а по мне — обычная сторожевая канонерка, разве что пошире и почти без надстроек. Кормовое орудие у нас клинит, по левому борту каждые два дня открывается течь, но на заходе она обычно зарастает. Бочки с соляркой стоят прямо на палубе, к полудню они нагреваются, и от них невыносимо несет плавящимся гудроном.

Рыбий Царь подмигивает левым глазом — то ли тик, то ли это он так веселится.

— Буря, скоро грянет буря!

Я неохотно спускаюсь в каюту и достаю бурдюк. Это предпоследний. Можно, конечно, и на острове переждать, но что-то мне там не нравится.

— Воля капитана — закон, — говорит Филин, провожая меня сумрачным взглядом. — И все же, Мак, не очень-то ими разбрасывайся. Паллада твоя еще хрен знает когда объявится, а с солярой у нас полный кирдык.

Мак — это сокращение от моего полного имени. Меня называли в честь отца, которого я никогда не видел. Говорят, он сорвался с места лет двадцать назад, еще до моего рождения, и, как и мы сейчас, ушел в плавание. Мать до сих пор не может простить этого деду. Развешивая белье во внутреннем дворике, она, сгорбленная, сухая, поседевшая прежде времени, все косится на окно дедовой комнаты и шлет ему сквозь зубы проклятья.

— Чтоб тебя поразили Лисса-безумие и Лхаса-бессилие, — бормочет она, забывая, что дед давно уже обезумел и обессилел.

Когда-то он был героем. Точнее, мог бы им стать.

Сидящий на ступеньках крыльца слепой старик — глаза его не видят, но слух за долгие годы обострился до удивительной тонкости — усмехается и шепчет:

— Ты не права, женщина. Твой муж все равно ушел бы на поиски отца, хотя сейчас это, конечно, просто жест отчаяния. И кстати, Лхаса отнюдь не богиня, а город в Тибете.

Слепой старик — единственный, кто знает правду. То, что должно было быть.

Бурдюк оказался с подвохом. Мотор с грехом пополам заработал, но винт почему-то завертелся в обратную сторону. Так мы и пошли задним ходом, толстой гузкой рассекая волны, как выжившая из ума черепаха.

— Нет, ты скажи, — допытывался Филлин, с удовольствием разлегшийся на палубе и созерцающий звезды, — скажи, какой дурак додумался назвать это корыто «Арго»?

Я плюнул в маслянистую воду и пожал плечами.

— В лучшем случае это какая-нибудь «Ламия», благо оба хромоноги и оба волочатся прямехонько в Аид.

— Не каркай, — недовольно откликнулся Жбан, сидящий на бухте каната и поглощающий что-то неприятное и дурно пахнущее. — Мак знает что делает.

— Мак-то знает, — жизнерадостно отозвался Филлин, — вот и Рыбий Царь знает что делает, беседа с вяленой треской. Все мы в своем роде знатоки.

За Царя я обиделся. Сумасшедший или нет, он был моим другом с тех пор, как мы еще бегали голышом по соленым пляжам Итаки и собирали гальку и ракушки.

— Царь всегда верно предсказывает непогоду. Он знает течения. Когда мы связались с Харибдой, кто нас вытащил, а? Если хочешь полюбоваться на кого-нибудь бесполезного, лучше глянь в зеркало.

Филлин фыркнул и поднял руки кверху:

— Сдаюсь. Мак, защитник униженных и обездоленных, ты всегда был так добродетелен или только с тех пор, как тебя послала Навсикая?

В сердце кольнуло, как и всякий раз, когда я слышал имя феакийки. Развернувшись, я был уже на полном ходу и в боевом угаре, когда между нами вклинился Жбан.

— Ну подеритесь еще, подеритесь, — пропыхтел он, изо всех сил отпихивая меня от Филина, — мало нам неприятностей.

Я оттолкнул Жбана и вернулся к поручням.

— Лень руки об тебя пачкать.

Филин довольно захихикал, и к нему тут же присоединился Рыбий Царь. Этот всегда был готов посмеяться.

Тарахтел мотор, воняло соляжкой, за бортом плескалось чернильное море, квохтал и попукивал от смеха Царь. Обычная ночь обычного дня.

1. Навсикая

В спальню прекрасной постройки
она поднялась, в которой
Дева спала, на бессмертных похожая
ростом и видом,
Милая дочь Алкиноя, феаков царя,
Навсикая.

— Эй ты, который голый! Вылазь из кустов, пока яйца не отстрелили.

Я лениво поднял голову. Забота о ровном загаре — дело нужное. Пока остальные драили палубу, я на правах капитана улизнул и теперь лежал на мягком прибрежном песочке, принимая солнечную ванну. Так что в кустах ракетника прятался отнюдь не я, а девчонка лет семнадцати. На ней был застиранный до белизны купальник, а в руках она держала помповое ружье. Вид был настолько идиотский, что я не удержался и захихикал, совсем как наш глупый Царь.

— Чего ты ржешь? — Девушка нахмурила тонкие выгоревшие брови. Глаза у нее были васильковые, морские. — Это, между прочим, территория амазонок. И голым мужикам тут делать нечего, так что проваливай на свою лодку.

Я сел, поджав для приличия колени.

— Во-первых, территория амазонок во Фракии. Во-вторых, амазонки себе правую грудь отрезают, а у тебя вроде обе на месте. В-третьих, не лодка, а боевой шлюп. «Арго».

— Ой, я не могу. Боевой шлюп! — Девчонка фыркнула, и ружье при этом непредусмотрительно задралось.

В ту же секунду я был на ногах, а еще через секунду девчонка валялась на песке, а я возвышался над ней, ружье и прочее. Увидев прочее, амазонка неожиданно покраснела — от ушей до белой полосы кожи над трусиками.

— Хоть бы штаны надел, — слабо барахтнулась она.

— А зачем? — резонно возразил я, отбрасывая ружье и опускаясь ниже.

* * *

С мужиками у них тут действительно была напряженка. Не считая отца белобрысой, Алкиной, — а тот, как и все старшие, был малость не в себе, — в поселке оказалось трое мужчин, включая одноногого конюха и сопливого пацана лет десяти. Третий был примерно нашим ро-

весником, но такого зашуганного парня я еще не видел. Похоже, воинственные девы поселка делили его поровну, поэтому, обнаружив ввалившуюся на площадь компанию из четырех бравых моряков, он вздохнул с явным облегчением.

Жбан сразу умчался за стайкой нимфеток, и вскоре из-за сарая слышалось его боевое хрюканье. Рыбий Царь, равнодушный к женщинам, позволил увести себя в дом какой-то материнского вида тетке. Мудрый Финн, подмигнув томившимся красоткам, отправился допрашивать Алкиноя. Знание — прежде всего. А я остался на площади. С Навсикаей.

— ...нет, твоего отца здесь не было. А он что, серьезно поплыл за руном?

Я пожал плечами. Если честно, я не знал, вправду ли поверил отец слепому прорицателю или просто сбежал от тоски.

Мы сидели за домом Алкиноя. На земле были расстелены овечьи шкуры, наверное, для просушки. Над шкурами кружились мухи. Я бы не назвал обстановку подходящей для романтических свиданий, но идти со мной в камыши Навси наотрез отказалась.

— Он ведь был еще пацаном, когда к нам явился Гомер. Представляешь, что это такое: тебе не стукнуло и тринадцати, а ты узнаешь, что из-за тебя рухнул мир. Дедуня к тому времени уже малость поехал крышей, но отец знал, что тот остался из-за него. Из-за него и из-за бабушки. Наверное, старик был когда-то хорошим хозяином. Сад растил...

Сейчас оливы в саду были узловаты, как пальцы дедда. Узловаты, стары, кора на них растрескалась. А ведь,

говорят, живут эти деревья по тысяче лет. И их съело взбунтовавшееся время...

— А потом Гомер рассказал о пророчестве Кассандры. Что тому, кто найдет руно, суждено спасти мир. И отец поверил.

— Но ведь Кассандра была безумна?

— А кто сейчас не безумен? Может, она единственная оказалась нормальной в свихнувшемся мире. Гомер ее разыскивал. Мне он ничего не говорил, но я догадался. Думаю, он и руно пытался найти — так и ослеп. Он уже ничего не видел, когда пришел к нам. Но руки у него крепкие, впору борцу или воину, а не кифареду.

Я невольно потер ухо, до сих пор помнившее жесткие, с мозолями на подушечках, пальцы певца.

Навси сморщила прелестный носик и недоверчиво покачала головой:

— Сказки. Ну как все это, — она обвела рукой просевшие крыши поселка, мух, тощий кустарник и далекие горы, над которыми курился подозрительный зеленый дым, — как все могло случиться из-за того, что один человек отказался поехать в Трою?

Я снова пожал плечами.

— Гомер мне объяснял. Я как-то не очень въехал, если честно, меня всегда больше интересовали приключения. Ну, в общем, что-то типа того, что есть закон равновесия. Если бы дед поехал и придумал этого гребаного коня, греки ворвались бы в Трою и победили. А так они чуть ли не пятнадцать лет мудохались, ни туда, ни сюда. Наконец богам это надоело, они тоже полезли воевать, перестали следить за Тартаром — ну оттуда и выбрался Кронос с титанами, и все пошло наперекосяк.

Навси сомнительно улыбнулась, показав белые зубки.

— Ты веришь в богов?

А вот тут я не колебался с ответом.

— Да. В богов-то я точно верю.

Паллада приходила обычно ночью. Трясла мышино-го цвета волосами и лезла мне под куртку. От нее тянуло давним перегаром, немытым телом и еще чем-то — быть может, амброзией или божественным ихором. Как-то она притащила бутылку, но я пить отказался. Нужно мне это бессмертие! Вот она бессмертна, и много ей с того радости?

Иногда по пьяни она путалась и называла меня дедушкиным именем. Я вообще-то всегда подозревал, что его легендарная верность бабушке — еще один плод фантазии слепого. Но даже когда богиня звала меня Телемахом, я не знал, ко мне ли она обращается или к сгинувшему отцу. Боги больше всего пострадали от шуток со временем, и их память, и до того некрепкая, окончательно разладилась.

«Телик, теленочек мой», — бормотала она и лезла в лицо слюнявыми губами.

Это было тем более неудобно, что никто, кроме меня, богини не видел — а ей иногда приходила в голову блажь пристать ко мне во время дружеской пьянки или когда я стоял на вахте. Друзья потешались, но, поскольку Паллада исправно снабжала нас припасами, бурдюками и невнятными инструкциями, к богине относились с уважением. Мишенью их шуток становился я. Честное слово, я возненавидел бы глупую тетку, если бы мне ее не было так жаль.

— ...Понимаешь, он ведь думал, что делает как лучше. Его никогда особо не интересовала политика. Тем более плевать ему было на интересы Микен и Спарты. Он просто хотел жить дома, с женой, сына растить...

Я вспомнил скрюченного старика в инвалидном кресле и замолчал. Молчала и Навсикая. Жужжали мухи. За сараем радостно хрюкал ублажающий девиц Жбан.

Иногда я думаю, а что было бы, избери богини арбитром на своем дурацком суде не Париса, а моего дедулю? Мне кажется, что он просто съел бы проклятое яблоко и пожелал этим гусыням доброго утречка. Возможно, бессмертные и прибили бы его, но тогда бы войны точно не было. Или не все так просто?

Вечером нагрянули женихи. В высоких бараньих шапках, пахнущие смазкой, кислым потом и салом, они вкатили в поселок на мини-тракторах. Навсикая, до этого скромно молчавшая о своем суженом, представила меня Грегору. Усатый, на полголовы выше меня, с глупым и незлым лицом, он протягивал невесте завернутый в газету шмат сала.

-- Вот, обменял вчера на спиртягу. Прикинь, я из цеха уволок бутылку какой-то дряни, вроде для протирки стекол, но ничего, Нияз взял. Сказал, на базаре в воскресенье толкнет. А что? Если кто и потравится, я ни при чем, мало ли, может, Нияз им оси своего КамАЗа протирать собирался? — Он торжествующе улыбнулся и потряхнул пакетом. — А сало хорошее. Припахивает малость, но ничего, есть можно. Вот, бери.

Навсикая хихикнула, приняла сало и убежала в дом, оставив меня разбираться.

Я упер руки в бока и приготовился к драке.

— Слышь, парень, — Грегор, похоже, и не догадывался о том, что ему грозит, — ты по морю приплыл, да?

— Нет, — ответил я с наивозможным ехидством, — прилетел на крыльях птицы Рух.

Пока Грегор чесал курчавую шевелюру под шапкой и придумывал ответ, из дома вышел Филин. Он остановился в паре шагов от нас, склонил голову к плечу и принялся изучать жениха, как любопытное насекомое. Филин всегда был малость снобом.

— Дак по морю-то плавать того... опасно, — нашелся наконец мой конкурент, — ты бы остался. Вон баб сколько, на всех и мужиков не хватает. Записывайся к нам на завод, а? Как раз в сборочном цеху рабочих набирают. Платят хорошо, ты не думай. Премию выдают, квартальные. Общежитие есть, а вообще-то много домов пустых стоит, заходи, селись. Ну так как?

Похоже, он немало воодушевился этой идеей. Я представил себя и Рыбьего Царя в сборочном цеху и развеселился.

— А что, — говорю Филину, — пошли, что ли? Квартальные же. Потом спирт метиловый можно тырить и на рынке по воскресеньям лохам впаривать. Или самим выпить, а? Представляешь: один глоток — и станешь как Тиресий. Или как Гомер. На выбор.

Филин снисходительно улыбнулся. Жених еще подумал, поскреб под шапкой и решил, что на него наезжают.

— Ты чего, а? Я ж к тебе по-хорошему, а? А ты чего? И чего ты на Навсикаю пялился, а? Ты смотри, а то мы того... — Он оглянулся на остальных женихов, лузга-

ющих семечки и обменивающихся шлепками с деревенскими дамами в паре шагов от нас. — Мы ж не посмотрим, по морю ты плаваешь или там еще по чему. Может, ты гнида и вообще не человек, а оборотень сумеречный...

Для начала я врезал ему в челюсть. Он картинно рухнул в пыль, захлопав и заклокотав окровавленным ртом. Женихи встрепенулись и, бросив красоток, поспешили к месту драки. Филин обреченно вздохнул, сунул два пальца в рот и заливисто свистнул, призывая Царя и Жбана.

* * *

Навсикая приложила мне к глазу свинцовую прищипку и ядовито поинтересовалась:

— А совсем без драки нельзя было?

Ответил вместо меня Филин. Он, как и всегда, меньше всех пострадал в сражении и теперь развалился за столом, закинув ноги на спинку соседнего стула.

— Нельзя, фрёкен. Совсем без драки никак не получается. У нас ведь как: кто не бос — кровосос, кто не бит — паразит, а кто не за нас — пидо...

Я ткнул его кулаком под ребро.

— Прости дурака, Навси. Он у нас говорлив не в меру, но, когда доходит до дела, становится тих и скромненький. Правда, Филя?

Филин показал мне средний палец и вытащил из кармана свои записки. Жбан хлюпнул разбитым носом и спросил — как всегда, не вовремя:

— Какие планы, Мак? Вроде с движком мы разобрались, водой запаслись, тетка Алеппа обещала соляры подкинуть. Когда трогаемся-то?

Я побоялся оглянуться на Навсикаю и уставился на кувшин с кислым молоком. Навси молчала. Я пялился на кувшин. Филин украдкой показывал Жбану кулак. В боку кувшина, казалось, уже зачернела дырка, когда вошел Алкиной с двумя буханками и нарушил затянувшуюся паузу.

* * *

Ну как мне было сказать ей, что нам пора уезжать? Мы лежали, обнявшись, ее губы утыкались мне в плечо. Теплое пятнышко слюны уже начало остывать. Ночь была холодной. В сарае, под связками сухого тростника и высушенными водорослями, рыскали мыши или какие-то твари покрупнее. Пахло морем, потом и почему-то корицей. Ноги Навсикаи высовывались из-под куртки и казались такими гладкими, такими белыми... А больше ничего белого не было в этом мире.

Я не знал, как мать провожала отца, — я ведь тогда еще не родился. Зато прекрасно помнил, как она провожала меня.

— Езжай! Езжай, стинь, как твой пьянчуга папаша! Пусть заберут тебя черти и горбатые мойры! Давай, гоняйся за золотым руном, авось повстречаешь папочку где-нибудь на полдороге. Передай ему тогда, что он может не возвращаться!

Никогда она так не кричала и не плакала — даже когда до нас дошла весть, что ее отец, Пелей, сгинул где-то на севере.

Утро было туманное, мерзкое, мрачное. «Арго» глухо кашлял, прочиная двигатель. С гор двигались медленные черные цепочки — похоже, воинство женихов серьезно обиделось и готовило суровую расправу. Тем больше поводов покинуть гостеприимный берег.

Я стоял у самой воды и держал Навсикаю за руку. Встрепанная, не выславшаяся толком, она напоминала ушастого воробья.

— Ты можешь поехать с нами. Я поговорил с ребятами, они согласны.

Я ожидал, что она кинется мне на шею. Ладно, если быть откровенным, я ожидал скандала и только потом — неохотного согласия. Я был готов даже к тому, что она повиснет на мне и скажет: «Я никуда не поеду и тебя не пушу».

Навсикая улыбнулась, сдула со лба чертовски привлекательную кудряшку и спокойно сказала:

— Нет.

Наверное, я выглядел совсем глупо, потому что она меня пожалела.

— Ты очень милый. Нет, правда, ты симпатяга, — она провела рукой по моей щеке, потрепала волосы, — но ты псих. А с психами тяжело. Поэтому ты давай-ка ищи свое руно, спасай мир, а я уж как-нибудь с Грегом...

— Да он же тебя прибьет!

Навсикая рассмеялась.

— Много ты понимаешь! А даже если и прибьет — потом приласкает, подарит что-нибудь. А ты мне что-нибудь подарил?

Я стоял на корме и смотрел на маленькую удаляющуюся фигурку, такую чистую и белую, как шапочки снега на дальних горах.

* * *

— Ни фи́га она меня не бросила. Это я ее отшил.

Сказал, гордо развернулся и пошел в кабину. Филин насмешливо ухнул мне вслед.

Ночью опять приходила Паллада. Приходила, сопела в ухо, мучительно долго стягивала с себя грязный хитон. Казалось бы, богиня: двинь плечами — и уже голая. Может, она думала, что я помогу ей раздеться? Как бы не так.

Она притащила всего два бурдюка и мешок плесневелых сухарей. Совсем тетка спятила. С трудом выдерживая запах кислятины, я спросил:

— Что новенького?

Богиня сумрачно улыбнулась.

— Все старенькое. Давай-ка побыстрее, а то на всех вас, героев, манды не хватит.

Я не удержался и спросил:

— А что, много желающих?

Тут я огреб по роже и выругался так смачно, что в каюту залез Жбан.

— У тебя все в порядке?

Я послал его куда подальше. Когда дверь за ним с грохотом захлопнулась, Паллада хихикнула.

— Не разбрасывайся соратниками, Мак. Скоро многих недосчитаешься.

— Типун тебе на язык.

Сегодня богиня была трезва и оттого еще более омерзительна. Сжимая ее вислые груди и выдерживая энергичные прыжки, я размышлял о том, почему на тетку никто не польстился в былые времена, до войны. Ведь и молода она была, и красива наверняка. И домогалась многих, да хоть вон моего дедули.

Загадка.

Паллада застонала и мешком хлопнулась на меня. Я отбросил с лица ее грязные волосы и заинтересовался:

— Скажи хоть, куда нам дальше плыть.

— А плыви ты в Дит! — ответила богиня и, не потрудившись одеться, исчезла.

Я остался с неприятной тяжестью в мошонке и легким недоумением — то ли это был путеводный совет, то ли Паллада просто отправила меня ко всем чертям.

2. Дит

«Мой сын, — сказал учитель
достохвальный, —
Вот город Дит, и в нем заключены
Безрадостные люди, сонм печальный».

К Диту надо было сплавляться вверх по реке. Жбан ворчал, что мы непременно сядем на мель и навеки завязнем, но все же провел «Арго» между двумя угрюмого вида скалами в устье Ахерона. На скалах гнездились чайки, и они не замедлили засыпать палубу свежим пометом.

— Мыть будешь ты, — злорадно ухмыльнулся Жбан.

Лоцман из меня никакой, а Филин с Царем отстояли ночную вахту, так что возразить было нечего. Пока, захлебываясь тарахтением, кораблик тащил нас вверх по реке, я усердно скреб палубу и проклинал всех крылатых говнюков.

Ближе к полудню наверх выбрался Филин, протер заспанные глаза. Огляделся и крикнул Жбану:

— Эй, ты куда нас завез?

Жбан немедленно выкрысился:

— А чо? Просили Ахерон, вот вам Ахерон.

Филин ошалело потрянул башкой.

По берегам тянулись идиллические луга, омываемые идиллическим солнечным светом. По лугам бродили идиллические отары овец. Люди не показывались, но нетрудно было догадаться, что где-то за пригорками водят хороводы пастушки с пастушками, и разноцветные ленты в пастушкиных косах стелются по ветру. Наверняка ошивался там и светлокудрый юноша со свирелью. Без него никак.

— Это Ахерон? ЭТО?

Жбан окончательно рассвирепел, бросил штурвал и полез на Филина, размахивая картой побережья. Я уже приготовился их растаскивать, когда из-за спины загудел Рыбий Царь.

Мы оглянулись. Река была пустынна. Наше суденышко с черепашьей скоростью волоклось вверх по течению, и, кроме гудения двигателя, ничто не нарушало божественной тишины... БЛЯМЦ! «Арго» содрогнулся, жалобно загудев ржавой обшивкой. Я выругался и свесился за борт.

Прямо рядышком с нами болталась дряхлая деревянная лодка. Лодкой правил не менее дряхлый старец,

облаченный в грязный хитон. Одним веслом он лихорадочно загребал, пытаясь удержаться вровень с «Арго», отчего лодка виляла носом и крутилась, как обезумевшая водомерка. Вторым старец энергично лупил по нашему корпусу.

— Эй вы, там, на развалине! Вы что, не знаете, что судоходство по Ахерону запрещено? Только я перевожу людей. Я, а не вы, грязные свиньи и дармоеды!

— Дедуля, ты бы того, сбросил скорость, а то пуп развяжется, — весело ответил я.

Старец на секунду онемел, а потом заколотил о борт с такой силой, что от весла во все стороны полетели щепки.

— Щенки! Ну погодите, попадетесь вы ко мне! Да нет, куда уж вам. Ваши трупы швырнут в грязную канаву, где вам самое место, наглые, неучтивые проходимцы!

Во рту дедуни блестели два золотых зуба. На месте остальных чернели провалы, поэтому старец изрядно шепелявил и так и брызгал слюной.

— Жбан, — обернулся я к ухмыляющемуся во весь рот дружку, — прибавь-ка оборотов.

Жбан пронесся к носу. Спустя минуту движок заревел, и «Арго» рванулся вперед, выплюнув грязную пенную волну. Вопли старца и его лодка затерялись в кильватере.

— И все-таки зря вы так с Флегием, — задумчиво сказал Филин, — старикашка вредный, спору нет, но в Дите он большая шишка.

Я пожал плечами и отправился в кубрик. Там уже маячил Рыбий Царь с двумя жирными угрями и небольшой скумбрией.

Город Дит ожиданий не оправдывал. Вместо мрака, уныния, тумана и огоньков на башнях нас встретило радостное полоскание флагов в порту. У причала стояло десятка два роскошных яхт — правда, на реке, кроме нас и безнадежно отставшего Флегия, никого не было. Из порта в город вела широкая каменная лестница, а над ней белел здоровенными буквами транспарант:

WELCOMETH TO DEETH!

— Не нравится мне все это, — угрюмо проворчал Филин, вытравливая швартовы.

Жбан гыгыкнул.

— Ну какой же ты филин? Ты самый настоящий ворон! Каркаешь и каркаешь.

Филин его проигнорировал и обернулся ко мне.

— Тебе хоть Паллада сказала, что в этом Дите искать?

— Ага, как же. Она, знаешь ли, вообще не из разговорчивых.

Филин нахмурился.

На причале никого не обнаружилось. Оставив Рыбьего Царя сторожить судно, мы втроем отправились в город.

— ...мелирование, а еще, пожалуйста, подвейте немного кончики. И не забудьте про педикюр!

Голос был таким громким, что от него содрогались кроны осенявших бульвар пальм.

— Какой здоровенный педик!

Мы со Жбаном прижались носами к стеклу. Стекло было витриной то ли цирюльни, то ли салона красоты. На вывеске значилось: «В гостях у мадемуазель Ве**ры». Две средние буквы в имени владелицы то ли отвалились, то ли их убрали специально. К названию прилагалась картинка с пышногрудой красоткой — видимо, самой мадемуазель. Сквозь горы баночек, бутылочек и флаконов с золочеными пробками виднелась внутренность заведения. Там, внутри, сидел на кресле перед зеркалом огромный накачанный мужик. Бронзовый загар его плохо сочетался с ядовито-розовым лаком на ногтях. Мужик помахивал рукой в воздухе — похоже, сушил лак. Вокруг атлета сутился маленький, лысоватый и невзрачный, с полотенцем и помазком.

Филин, который считал ниже своего достоинства пялиться сквозь витрину, подошел ближе.

— Это не педик.

— Ну да, а кто же? Ты на ногти его посмотри! — Жбан восхищенно ткнул пальцем, оставив на стекле грязный отпечаток.

— Это... Это, дети мои, Геракл.

Мы со Жбаном развернулись и уставились на Филина.

Я осторожно потрогал его лоб и спросил:

— У тебя, случаем, жара нет? На солнышке перегрелся?

Филин снисходительно улыбнулся.

— Пока ты охотился на ужей и строил глазки дриадам, я обучался. Знаешь, что это значит? Я читал книж-

ки, посещал музеи и картинные галереи. В том числе и те, где во многих копиях тиражировался наш герой.

Он повел подбородком в сторону цирюльни. Тыкать пальцем Филину не позволяло изящное воспитание.

Жбан растеряннo улыбнулся. Образованность всегда его подавляла.

— Верно, — неожиданно буркнул он. — Вон шкура лежит.

— Она полосатая, — тактично заметил я, — и полоски зеленые.

— Ну да, полосатая. Тигриная. Помню, нам Аристотель что-то впаривал... «Рыцарь в тигриной шкуре» или что-то вроде того.

Я ограничился вздохом. Филин озвучил мою мысль:

— Всем ты хорош, Жбан, но для полного совершенства тебе стоило бы родиться немym.

Пока Жбан обдумывал оскорбление и сжимал кулаки, на пороге заведения появилась грудь. Грудь несла за собой небольшую изящную головку с обесцвеченными локонами — всем хорошую головку, кабы не два лишних подбородка. За головкой двигалось и остальное тело. Рыжие ресницы моргнули, и увеличенная копия красотки с вывески пропела:

— Мальчики! Что будем делать? Стрижка, бритье, массаж? Орошение кишечника? — Зеленые глаза хозяйки рассеянно скользили по нашим лицам, пока не остановились на моем. Тут они расширились, и на лице женщины заиграла хищная улыбка. С неожиданной для такой толстушки прытью она подлетела ко мне и, прежде чем я успел опомниться, пылко обняла. — Наконец-то! Ах ты

негодник, ты заставил-таки себя ждать! Волосики совсем пыльные, глазки усталые-усталые. Ну дай же, дай же я поцелую моего птенчика...

Яростно пахнуло парфюмом. В глубоком вырезе платья обнаружилось нечто розовое, пышное и тестообразное. Жаркие выпуклости обтекли меня и вобрали, и я совсем уж было потерялся в этом пиршестве плоти, когда мою обожательницу с силой от меня оторвали.

— Ах ты шалава! — взвизгнула Паллада и, тряхнув мышиной шевелюрой, отвесила красотке пощечину.

— Руки прочь от него, прочь, старая сучка!

За первой пощечиной последовала вторая, бросившая воющую красотку в пыль.

Я, распахнув рот, глядел на это непотребство. Афина выпрямилась, подбоченилась, ноздри у нее воинственно трепетали, а глаза сверкали. На секунду — на долю секунды — явилась мне стройная воительница, гордая, статная, платиноволосая. Косы на ее голове уложены были блестящим шлемом. Явилась — и сгнула, оставив прежнюю немытую бабенку. Та, впрочем, тоже не задержалась и, погрозив мне пальцем, растаяла в воздухе.

— Ы! — сказал я.

— Караул! — визжала мадемуазель Вера. — Грабят, убивают, насилуют! Герик, Герочка, пусик, ну что же ты сидишь! Помогите, люди, женщину убили!

Жбан дернул меня за руку. Гигант в кресле заворочался, воздвигся во весь свой немалый рост. Цирюльник пискнул и нырнул куда-то за шторку. Геракл сморщился, буркнул:

— Иду уже, иду, — и потащил из-под кресла здоровенную узловатую палицу.

Филин процедил сквозь зубы:

— По-моему, пора убираться.

— Не бегал я еще от всяких педиков.

Я принялся засучивать рукава, но Филин и Жбан вцепились в меня с двух сторон и потащили прочь.

— Педик или нет, — гудел в ухо Филин, — а все равно величайший герой Эллады. Он тебя в коровью лепешку размажет.

Я дернулся для порядка еще пару раз, но парни держали крепко.

* * *

— Ну и зачем мы приехали в этот гребаный Дит?

Мы втроем сидели в «Макдоналдсе» и ели рекламные гамбургеры («Купите один гамбургер, и вы получите два чизбургера и гигантскую порцию картофеля фри, а также рекламную статуэтку сфинкса АБСОЛЮТНО БЕСПЛАТНО!»).

— А Царь там небось голодает.

Добрый Жбан завернул половинку гамбургера и отложил в сторону. Я немного подумал и прикончил свой.

— Что мы увидели, кроме двух десятков разжиревших героев, кинотеатров на каждом углу и трех брокерских фирм?

В кои-то веки в словах Жбана был некоторый резон.

Филин скуучливо сдирал краску со стакана колы.

— Можешь повторить дословно, что она тебе сказала?

— А я помню? — ошетинился я. — Сказала, поезжай в Дит. Там про руно узнаешь.

Насчет второй части я не был уверен, но сдаваться не собирался.

— А мне вот интересно, почему эта тетка на Мака набросилась, — встрял Жбан. — И почему ты ее отметелил.

— Я ее не бил! — возмутился я.

Жбан ухмыльнулся.

— Ага. А кто же? Может, Минерва возревновала и как по морде тетку хрясь!

Я яростно уставился на Жбана, размышляя, не отметить ли заодно и его. Филин отхлебнул своего пойла и спокойно заметил:

— Ну, с теткой-то как раз все понятно.

Может, Филину и было понятно, но мы со Жбаном только осоловело мигнули.

Филин колупнул стакан еще раз и объяснил:

— Она твоего отца видела. Тебе ведь не раз говорили, что вы очень похожи? Вот она и перепутала.

У меня аж дыхание сперло, однако виду я не подал.

— Ты уверен?

— Логика — мать всех наук.

— Значит, — медленно протянул я, — значит, отец тоже был здесь. Искал здесь что-то.

— Вот-вот. А поскольку мы знаем, что искал он руно, значит, Паллада не зря нас сюда послала. Вопрос в том, что мы здесь должны сделать.

Я засыпал в рот остатки картошки и уставился в окно. Напротив раскинулся громадный мультиплекс, обклеенный постерами прошедших и грядущих кинопремьер. Дит был странным городом. Жилых домов тут строилось мало, зато на каждом углу торчали маленькие и большие

кинотеатры, с обязательными пальмами в фойе и разноцветным неоновым афиш. А все улицы тут назывались одинаково, отличаясь лишь номерами. «Макдоналдс», в котором мы сидели, был на 4-й Елисейской.

Я угрюмо изучал афишу «Трои», с распахнувшим пасть во всю ширь плаката Ахиллесом и какими-то убогими строениями на заднем плане. Герои. Герои, блин. «Там, где в полях Елисейских печально горят асфодели, — там тени их бродят...»

Я огрел себя по лбу так звучно, что посетители за соседними столиками обернулись.

— Герои! Ну точно! Ну я осел!

— Что? — Жбан впился в меня глазами, а Филин, помедлив с секунду, тоже хлопнул себя по лбу.

— Язон, да?

Жбан чуть не плакал.

— Мне кто-нибудь что-нибудь объяснит?

— Жбанчик, миленький, ты такой тупой!

На радостях я сграбастал его и перетащил через стол, обрушив по пути поднос с остатками чипсов и колы.

— Жбан, дурень ты мой, ведь все они здесь. Все! И Язон наверняка где-нибудь неподалеку ошивается, а уж ему ли не знать, где сейчас руно!

Жбан выплюнул обертку от гамбургера, сердито отряхнулся и буркнул:

— Отлично, умники. Как вы своего Язона искать будете? Город-то здоровый, а справочного бюро я что-то не заметил.

Я лихорадочно обдумывал этот вопрос, когда Филин ткнул меня в бок.

— По-моему, я знаю как.

Забыв о приличиях, он показывал пальцем на ту сторону улицы. Там распахнулись двери кинотеатра. Собравшуюся на ступеньках толпу быстренько раскидали в две стороны атлетического вида парни в униформе. Показались ступени, покрытые красной ковровой дорожкой. По ним, освещенный вспышками фотокамер, медленно спускался юноша. Он здорово походил на Ахилла с плаката, только был, кажется, моложе, и загар его был побронзовее. Под руку с ним влеклась вертялая девица, облаченная в небольшое количество золотого шитья и в россыпи крупных бриллиантов. Юноша приветливо помахивал толпе, зубы его ослепительно блестели в широкой улыбке.

— Этот фигляр? Филин, ты же не думаешь...

— А ну пошли.

С необычной для него решительностью Филин выбрался из-за стола и поспешил к дверям. Я переглянулся со Жбаном, и мы рванули за ним.

— А-хилл! А-хилл! А-хилл!

Толпа скандировала. Докричаться до красной дорожки сквозь этот рев было невозможно. Мы со Жбаном упорно торили дорогу, распахивая зевак и оттаптывая десятки ног. Филин был послабее и двигался у нас на хвосте. Наконец мы отшвырнули последних фанатов и уткнулись в серые форменные спины, воняющие дешевым одеколоном.

-- Интересно. — пропыхтел сзади Филин, — зачем охранять тех, кто уже давно мертв? Что с ними может случиться?

— Спроси меня через пятьдесят лет, — мрачно отгрызнулся я.

На пробу я попытался сдвинуть одного из служителей, но тот и не шелохнулся. Похоже, в предках у него был сам титан Атлас.

— Надо как-то привлечь его внимание, — прошипел Филин.

— Интересно как? Может, окликнуть его? — издевка в моем голосе перекрывала даже рокот людского моря.

— А-хилл! А-хилл!

Рев толпы оглушал.

— Уходит, — проскулил Жбан, — глядите, уходит же!

И вправду. Юноше осталось пройти еще всего пять ступеней, а у подножия лестницы его и его спутницу уже ждало длинное черное авто с раззявившимися дверцами.

— Надо крикнуть что-нибудь выбивающееся из общего фона, — деловито предложил Филин.

— Например, что? «Ахилла — на мыло?»

— Придумай что-нибудь. Вспомни. Может, дед тебе что-нибудь говорил.

Я напрягся. Дед говорил мало. В последние годы он все больше молчал, перебирал корявыми пальцами плети винограда или покатывался взад-вперед в своем кресле. Разве что...

— Живая собака... ЖИВАЯ СОБАКА ЛУЧШЕ МЕРТВОГО ЛЬВА! — заорал я во всю глотку.

Жбан кинул на меня безумный взгляд, даже Филин перекошило.

— Давно ли ты стал цитировать Екклесиаста?

Я отмахнулся, впившись глазами в широкую спину.

Юноша сделал еще шаг... и остановился. Зашарил глазами по толпе. Я не помнил толком дедушкиных слов, поэтому проорал еще раз:

— Лучше быть последним рабом на земле, чем владыкой в царстве мертвых! — и замахал рукой.

Юноша пошел назад. Спутница повисла у него на рукаве, но он отодвинул ее в сторону, как повернувшуюся под ноги утварь.

Приблизившись, он всмотрелся в нашу троицу. Совсем как с мадемуазель Верой, пару секунд его взгляд скользил с одного лица на другое, а потом остановился на мне.

— Я где-то тебя видел.

Фотографы тут же ослепили меня вспышками, один из репортеров метнулся было к нам с микрофоном, однако серый человек его вежливо, но твердо отстранил.

— Я где-то видел тебя.

Голос у юноши совсем не подходил к его гламурной внешности. Сорванный был голос, хриплый — таким голосом командуют наступление и бросают в бой сверкающую щитами фалангу. Я был бы не прочь обзавестись таким.

— Тебя или кого-то похожего.

Я усмехнулся:

— Может быть, в фильме? Дедуля мой — Одиссей. Знаете, этот, который коня придумал и много чего еще. Феникс победы.

Ахиллес рассеянно улыбнулся.

— Хорошая шутка. Нет, ну где же я тебя видел? Несколько лет назад...

Он озабоченно нахмурился, но через мгновение лицо его прояснилось.

— А, конечно же. Приходил тут один парень. Тоже с компанией.

Он оглядел моих спутников.

— Лет десять — или двадцать? — назад. Назвался Телемаком и спрашивал про руно. Здорово он был на тебя похож.

Наверное, выражение лица у меня было то еще, потому что Филин обеспокоенно сжал мой локоть. Я отбросил его руку.

— И ты... вы ему рассказали? Что?

Ахилл пожал плечами.

— Не помню. Нет, вряд ли я ему что-то сказал, откуда мне знать — это было до меня.

С каждой секундой он выглядел все более растерянным, и я понял, что стоит форсировать события.

— Я хотел спросить. Ты не знаешь, где можно найти Язона?

Лицо Ахилла разгладилось и приняло прежнее доброжелательно-равнодушное выражение.

— Ах Язон... Он не живет в городе. Покрутился тут какое-то время и решил вдруг заделаться отшельником. Ищите его на острове, на реке. Он там, кажется, капуста разводит или что-то в этом роде.

Из-за моей спины просунулось с дюжину рук с фотографиями знаменитости.

— Ааавторграф! Пааажалуйстааа! — простонал тонкий девичий голос.

Таким, возможно, Ламия заманивает в могильную тьму младенцев. Ахиллес покорно вытащил из кармана «паркер», отвинтил золотой колпачок и принялся выводить затейливые подписи, но мы уже выбирались из толпы.

— Не проплывем! Точно не проплывем, я тебе говорю. Я еще, когда мы наверх шли, специально посмотрел — там сплошные отмели. Завязнем.

Мы стояли на пирсе и пререкались. Остров тянулся выше по течению по тоской речного тумана. Темные купы деревьев, легкий дымок над кронами — все это было очень близко, но оказалось недосыгаемым.

— Может, вплавь? — нерешительно предложил Жбан.

Филин постучал костяшкой согнутого пальца по лбу.

— Вплавь? По Ахерону? Пишите письма.

Он безнадежно поглядел на остров.

— Вот ленивые гады. Хоть бы паром какой пустили...

— Куда едем, молодые люди?

Старческий голосок сзади был подозрительно знакомым. Обернувшись, мы уставились прямо в морщинистую физиономию Флегия. Золотой зуб окатил нас своим сиянием. Старец улыбался.

— А... — поперхнулся Жбан.

— Сколько? — деловито поинтересовался Филин.

— Как сказать, как сказать... — Пальцы старика зашевелились, неприятно напоминая клубок змей. — С почтенных горожан я беру сестерций. С почтенных гостей города — драхму. А с таких нахальных молодых ублюдков, как вы, никак не могу взять меньше динария. Увы.

И снова расцвел улыбкой.

— Может, просто тукнем его по голове и угоним лодку? — Жбан, как всегда, был непосредствен и предприимчив.

— Не выйдет, господа, не выйдет, — радовался перевозчик, — лодочка-то моя с норовом. Как бы не взбрыкнула и не пришлось вам отведасть мертвой водички, хе-хе. Будет крайне неприятно вытаскивать таких молодых и одаренных героев из реки багром.

Я пересчитал наличность. С месяц назад Паллада расщедрилась и оставила мне мешочек новых драхм, но половину мы тогда же спустили на соляру и на жратву. Оставшееся не радовало глаз. Я подкинул на ладони несколько серебряных монеток. Ужасно жаль было тратить их на старого выжигу, но делать было нечего.

— Вот динарий. Подавись, гад.

Перевозчик схватил монетки и жадно пересчитал.

— Действительно динарий. Кто бы мог подумать, что такие голодранцы... то есть такие молодые и красноречивые господа еще к тому же и богаты.

Он аккуратно ссыпал серебро в мешочек, затянул тесемки и спрятал кошель за пазухой.

— Ну-с, кто поедет?

Полюбовавшись с минуты нашими вытянувшимися физиономиями, перевозчик счастливо ослабил.

— Динарий — плата за одного. Если едут все трое, приложив ничтожное умственное усилие, господа могли бы сосчитать, что платить следует три динария.

Филин пожал плечами.

— Езжай ты один. Мы подождем.

Я оглянулся на остров. Туман сгустился, обтекал узкий клин земли белесыми прядями.

— Езжай, — поддакнул Жбан. — Ты внук героя и сам чуть ли не герой, а мы кто? С нами-то Язон и разговаривать не будет.

Я неохотно кивнул. Почему-то мне очень не хотелось расставаться с ними. Некстати вспомнились и слова Паллады: «Многих недосчитаешься». Я был так озабочен, что даже не очень обругал старика, когда тот как бы случайно заехал мне по коленке веслом.

Ночной Ахерон не то что дневной. Мы медленно отъезжали от пирса, всплывали в сырой запах реки. Я ожидал, что сумеречный Дит еще ярче полуденного, ожидал увидеть сияние реклам и отблески его на воде, однако все затянул туман. Лодочник греб монотонно, бормотал себе под нос какую-то дикую песню, весла с плеском погружались в черноту.

Я совсем уж было заснул, когда лодка мягко ткнулась в песок.

— Приехали, — буркнул старик.

Здесь, на ночной реке, он уже вовсе не напоминал кудлатого Флегия, а стал тем, кем должен был быть: усталый, жилистый Харон, перевозчик душ.

«Неужели, — подумалось мне, — неужели лишь ночь еще сохранила крупницы истинного? Неужели правы те, кто уходит во тьму и молится древним богам, Гекате и ее свите?»

Возможно, они были правы, но это был не мой путь. Приказав перевозчику ждать, я зашагал по сырому песку в туман.

Над островом вечно горел закат. Закат затерялся в древесных кронах, и мачты старого корабля были окрашены его светом в багрово-красный и алый.

Корабль лежал на боку, задрав высокую корму. Почему-то зрелище казалось непристойным, как старуха с задранной юбкой. Под кормой, в тени ее, был разложен костер, и на огне стоял большой черный котел.

— Свеклу для свиней парю. Не хотят так есть, только пареную.

Язон был похож на свой корабль, отличаясь лишь тем, что по сухим, заострившимся чертам невозможно было определить возраст. Хозяину острова могло быть и сорок, и шестьдесят. Впрочем, так ли важен возраст для мертвеца?

Он засыпал в котел немытую свеклу, мешок за мешком. Неподалеку располагался небольшой, но тщательно возделанный огород. По огороду бродили какие-то птицы, напоминавшие помесь обычного сизого голубя и крупной курицы.

— Да был тут твой отец, был. Он был очень настойчив, почти до неприличия. Я не так уж люблю вспоминать о прошлом. И тебе скажу то же, что и ему: руно всегда возвращается туда, откуда мы его увезли. В Колхиду. Там его и ищи.

Я почесал в затылке. Кабы все было так просто, отец давно бы уже вернулся с руном. Колхиды не было ни на одной из карт, будто она сгинула, провалилась на дно Эвксинского Понта.

— Ну, что еще? — нетерпеливо спросил Язон.

Похоже, ему не терпелось от меня избавиться.

— А где она, Колхида?

Не говоря худого слова герой засыпал в котел последний мешок и отправился в огород. Там он прицелился и попытался схватить ближайшую голубекурицу, но та оказалась неожиданно ловкой и бойко поскакала по грядкам. Хозяин помчался за ней. Прогоняв курицу минут пять и основательно запыхавшись, он обернул лоснящееся от пота лицо ко мне:

— Ну что же ты? Давай помогай.

Я был пошустрее и после трех неудачных попыток растянулся на земле, придавив пернатый комок. Курица глухо урчала и драла мою майку когтями.

— Осторожней! Ты же его раздавишь!

Я аккуратно завернул добычу в рубашку и встал.

— Что это?

— Ты что, сам не видишь? Это почтовый голубь.

Я опустил глаза на ворочающийся у меня в руках сверток. Всяко больше эта тварь напоминала орла средней упитанности. Как бы в подтверждение, птица клюнула меня в палец, вырвала кусок мяса и тут же сожрала. Я выругался и затряс рукой.

— Я развожу почтовых голубей. Откуда, по-твоему, все это?

Он обвел рукой свое хозяйство. Только сейчас я заметил, что за остовом корабля возвышается кособокое сооружение, затянутое чистой решеткой и напоминающее вольер в собачьем питомнике. Решетка была облеплена перьями. За вольером виднелось что-то вроде полевой кухни, где на разделочном столе краснели куски мяса и целые свиные туши.

— Ты с ним поосторожней. Он плотояден.

— Вижу, — мрачно ответил я, крепче сжимая сверток. Голубь придушенно вякнул. Я побаюкал птицу и задумчиво сказал: — Я вообще-то всегда считал, что почтовые голуби должны быть маленькими и легкими.

— Да? — иронически задрал бровь герой и оправил сбившуюся в погоне рубашку. — А знаешь ли ты, что птицу, принесшую благую весть, принято жарить и съедать? Кто же захочет есть что-то маленькое и жилистое? Нет, голубь должен быть жирным, мощным. Поэтому и кормятся они мясом.

С разделочного стола пахнуло свежатиной. Я поморщился. Голуби и их хозяин мне определенно не нравились.

— Забирай его. Он укажет тебе путь к Колхиде. Только не забывай: кормить трижды в день свежим мясом.

«Как бы не так, — подумал я, встряхивая крылатую тварь. — Будешь жрать, дружок, как и все, — солонину».

Я поблагодарил хозяина и уже зашагал обратно к лодке, когда тот прокричал мне вслед:

— Голубя зовут Кро-оликом! Не забудь, мясо трижды в де-ень!

* * *

— Что это?

Филин с отвращением созерцал сыплющую перьями скотину. На птиц у него была идиосинкразия.

— Это голубь. Его зовут Кролик, и он укажет нам путь в Колхиду. Где, по словам Язона, и находится руно.

Филин покачал головой.

— Я слышал, что старик чокнулся. Но не подозревал, до какой степени. Назвать голубя Кроликом? Может, еще и Белым?

Я поглядел на свое приобретение. Птица была рябой.

— Почему белым?

Филин странно на меня посмотрел и, буркнув что-то о неначитанных балбесах, спустился в кубрик. Оттуда уже несся аромат жареной рыбы.

Кораблик наш был пришвартован у пирса. Город над нами был тих, молчалив, только мелькали тут и там бледные огоньки. Похоже, ночами жизнь в Дите замирала, или портовый район не пользовался у местных популярностью. Поплескивала вода, поквохтывал голубь, тоже чуявший съестное.

Я засунул птицу в железную клетку, в которой Филин долгое время держал молодую саламандру, и присоединился к честной компании. Рыбий Царь во главе стола укладывал огромную жареную скумбрию на блюдо и украшал ее вареным картофелем. Когда он успел разжиться картошкой, оставалось загадкой. Филин откинулся на спинку стула и читал книгу на непонятном наречии. Жбана не было.

— А где Жбан?

— А?

Филин с трудом оторвал глаза от страницы и рассеянно взглянул на меня.

— Жбан, говорю, где?

— Он вышел прогуляться в город. Сказал, на судне душно. По-моему, просто решил кого-нибудь подкадрить.

Я нахмурился.

— Ну чего куксишься? Скучает парень. Ты хоть вон с Навсикаей оттянулся, а у него все мимолетные встречи... А сердце так хочет любви.

— Насрать мне на его сердце. А вот попадетсЯ он Гераклу...

Физиономия Филина поскугнела.

— Думаешь, он нас запомнил?

— А как же. Он же лучник. Глаз — оптический прицел. Натянет он Жбанову задницу ему же на уши...

Филин отложил книгу.

— Думаешь, стоит его поискать?

— Подождем. Может, учует жрачку и сам явится.

Жбан не пришел. Наскоро проглотив пару кусков рыбы, мы вышли на поиски. Прочесав темные припортовые улочки и Жбана не обнаружив, мы двинулись в центр.

Центр бурлил. Ослепляли огни реклам, оглушала музыка и автомобильные гудки. Машины сбились в огромную пробку, мигали красными стоп-сигналами и завывали. Из открытых дверей ресторанчиков и казино несея джаз вперемешку с хип-хопом. Пьяные парочки валились под ноги, грудастые красотки потряхивали фальшивыми локонами из форточек ночных забегаловок и дешевых заведений, манили парящие над площадями неоновые сэндвичи и плитки шоколада, и протяжно, необратимо, как сама земля, гудел рок. Город жил, пил, дышал, рыгал и любил, и нам не было в нем места.

— Пойдем-ка отсюда, — проорал мне на ухо Филин. — Даже если Жбан и валяется где-то неподалеку с разmozженным черепом, нам его не найти. Поищем лучше утром.

Утром Жбан заявился сам. Когда мы, синие от бессонницы и выпитого накануне, выползли на разогретую солнышком палубу, Жбан был уже там. Он кормил голубя попкорном, просовывая зерна сквозь прутья.

— А, это вы. Уже встали?

Глаза у него нехорошо бегали.

— Жбан, гнида ты эдакая, — начал я, — где тебя черти носили? Мы обыскали весь Желтый квартал и улицу Красных фонарей, но ни одна жрица любви...

— Извините.

Тон у него был слишком похоронный для простого «извините-что-я-не-пришел-вовремя-к-ужину». Филин за моим плечом присвистнул.

— Даже так?

Я обернулся.

— Что так? Что, Эмпуса обоих вас задери, так?

Жбан шумно вздохнул.

— В общем... ты прости меня, Мак, но я остаюсь.

Заметив мой взгляд, он спешно забормотал:

— Я заходил вчера к этой мадемуазель Вере. Она очень славная, ты не думай. Она сказала, что может дать мне работу. Ну, волосы там состриженные выметать, мыть голову клиентам. Это пока. А потом я смогу стать настоящим парикмахером.

Я молчал. Жбан еще раз покосился на меня украдкой и взмолился:

— Мак, ну пойми же. Не все герои. Не все такие, как ты или Филин, или даже твой несчастный Рыбий Царь. Понимаешь, многие хотят просто жить. Когда мы вы-

шли в плавание, я думал... Думал, что все не так плохо. Но, Мак, ведь куда бы мы ни приплывали, везде одно и то же: эти кривые домишки, разрушенные города, голод, болезни. А мне это надоело, Мак! Время героев кончилось. Ты, может, еще и получишь свое бессмертие, благо у тебя богиня в подружках. А нам, обычным, что делать? У нас ведь одна жизнь. Одна. Почему бы не прожить ее по-человечески?

Я развернулся и ушел. Просто ушел вниз. Я слышал, как он побежал следом за мной, все еще бормоча оправдания, но Филин его удержал. И правильно сделал.

3. Колхида

Он был насмешлив и жесток,
Из стран признавал только Восток,
А государством считал одну
Свою страну.

Из мыла и сахара, битых костей
Не делал он для себя новостей,
А если была у него жена —
То тоже одна.

По-прежнему катился по гладким и синим волнам «Арго», по-прежнему покашливал простуженный двигатель, только теперь нас было не четверо, а трое — не считая лениво машущего крыльями голубя.

Океан безбрежен, но море имеет пределы. Есть в нем и рассыпанные цветными бисеринами острова, и уютные заливы с просвечивающими сквозь прозрачную вода-

ную толщу кораллами и анемонами. Мы высаживались на белые песчаные пляжи, охотились на диких коз и козульт, ловили рыбу в вертявых ручьях. И только людей не было на островах, и не у кого было спросить, не проплывал ли здесь двадцать лет назад человек, лицом похожий на меня.

На четырнадцатый день Царь начал нервничать. Он бегал по кораблю от носа и до кормы, мотал башкой, постанывал, приложив ладони к ушам.

— Хлопают! Они хлопают!

Мы так ничего толком и не смогли от него добиться. После обеда норд-ост окреп, с севера потянуло тучами. Волны шли какие-то странные, гривастые, остроносые, и наш кораблик ощутимо болтало. Царь забился в трюм. Филин долго вглядывался из-под руки в серое марево на горизонте, а потом вдруг восхищенно заухал:

— Ну надо же!

— Что? — рявкнул я. Нервы у меня в последнее время были на взводе.

Филин обернул ко мне раскрасневшееся лицо и выпалил:

— Симплегады!

— Какие еще гады?

Филин даже ногой топнул от раздражения.

— Ну же, ты что, окончательно забыл историю? Симплегады, Симплегадские скалы. Они перекрывают вход в Эвксинское море.

— Ты как, совсем чокнулся? Они же остановились лет сто назад.

— Значит, опять пошли.

Филин не ошибся.

Море между скалами клокотало. Две черные громады расходились в стороны, и море устремлялось между ними, неся рваную клочковатую пену. И — АХ! С грохотом схлопывались скалы, вода бурлила, завивалась водоворотами, бессильно стучала в камень. Пеленой висели соленые брызги. Над скалами играла радуга.

— Как красиво! Нет, ты посмотри, Мак, какая красота!

— Ага. Сдохнуть можно.

Меня почему-то Симплегады не восхитили. Перепуганный Кролик рухнул на палубу и попытался забиться в клетку. Я пинком отогнал его и снова обернулся к скалам.

— Ну и как мы здесь проплывем?

Даже в полумиле от скал нас качало, как пробку. О том, чтобы плыть в этот кипящий пеной туннель, не могло быть и речи.

Филин задумчиво глянул на жмущегося к моим ногам Кролика.

— Аргонавты пустили впереди себя голубя.

Я с сомнением покосился на жирную птицу.

— Может, у них был очень резвый голубок. Скороход. А нашего красавца там сплющит.

— Инстинкт самосохранения присущ каждой божьей твари, — философски заметил Филин.

— Это значит?..

— Это значит: неси дробовик.

Когда я показался на палубе с дробовиком, Филин с усилием вздернул птицу вверх и кинул ее в воздух. Кро-

лик тяжело захлопал крыльями, напоминая обремененную излишним жиром наседку на штaketнике.

— Стреляй!

Я прицелился, и дробь просвистела в двух миллиметрах от голубинового хвоста.

Кролик сердито каркнул и устремился к скалам. Мы с замиранием сердца следили за ним. Вот громады расходятся, вот птица устремляется в проход, едва избегая жадно облизывающихся волн.

— Давай, Кролик, давай! — заорал я что было мочи.

— Лети! Лети! Run, Rabbit! Run! — надрывался Филин на своем тарабарском.

Однако птица была слишком неповоротлива. Скалы начали смыкаться. Вытянув шею и отчаянно курлыкая, голубь летел во все сужающемся просвете. Взвизг, грохот, рев воды — и море усыпало рябые перья.

— М-да, — сказал Филин, отирая выступивший на лбу пот. — Незадача. У аргонавтского голубка защемило всего одно перышко.

— Одно перышко? Одно?! — Я был вне себя. — Да у него полхвоста отхватило!

Кролик подтвердил мои слова возмущенным криком из-за скал.

— У нас снесет всю корму, и мы потонем. Если только предварительно не взорвемся.

— И что делать?

Впервые я видел Филина таким растерянным.

Мы смотрели на гадские скалы, мокрые, блестящие, омерзительно голые, изготовившиеся для нового прыжка.

— Я помогу.

Мы крутанулись на месте. Царь выбрался из трюма. Вид у него был неважнецкий, как после сильного приступа морской болезни, но выражение лица решительное.

— Я сделаю.

— Что ты сделаешь?

Я как можно более ласково положил руки на плечи безумца и легонько надавил.

— Иди. Мы разберемся.

Царь покачал головой и шагнул к поручням.

Секунду он стоял так, тощий, маленький, напряженный, его длинные волосы и рубашка хлопали на ветру. А потом...

— Нет! — заорал я.

Но было поздно. Узкое тело метнулось за борт и сгнуло в кипящих волнах.

— Глуши двигатель!

Я толкнул Филина к открытому люку.

— Глуши...

— Постой.

Филин ухватил меня за руку и сжал так крепко, что я всхлипнул от боли.

В море мелькнула черная спина. Через мгновение из воды показалось острое рыло, снова скрылось, и вдруг черный, огромный, глянцеви́тый дельфин выскочил на поверхность и сделал в воздухе сальто.

— Что?..

— Швыряй ему канат!

Я не двинулся, так что Филин сам промчался к бухте каната и принялся лихорадочно его разматывать. Спустя секунду я вышел из ступора и стал ему помогать.

Обдирая ладони, мы завязали канат тройным морским на швартовом кольце, а второй конец кинули в море. Тяжелая веревка ушла в глубину и тут же показалась снова, зажатая в узкой дельфиной пасти.

Филин перехватил штурвал и крикнул:

— Давай!

Ветер унес его слова в сторону, но дельфин слышал. Снова мелькнула мокрая спина, и вдруг корабль вздрогнул, тронулся, пошел, все набирая и набирая ход. Скалы приближались. Волны стучали о борт, перехлестывали, окатывали нас пеной.

— Держиись!

Я вцепился в поручень. Черные громадины надвигались, я уже различал рисунок камня, мелкие трещинки с забившимися в них водорослями, бурые наросты лишайника.

— Пошёоол!

Корабль зарылся носом, зеленая вода накрыла меня с головой, я захлебнулся, чуть не выпустил поручень, но тут море схлынуло, и, задыхающийся, отплевывающийся, я снова увидел свет дня. Мы прошли Симплегады. Сверху радостно квакнул Кроль.

Царь Дельфин провожал нас еще некоторое время. Только под вечер, когда солнце бросило на море огненную дорожку, он в последний раз выпрыгнул из воды, сверкнул в розоватых лучах и ушел без брызг в глубину. Мы поняли, что это прощание.

— Он ведь всегда этого хотел, — вздохнул под ухом Филин.

— Да, по большому-то счету...

В груди у меня ворочался горячий червячок. Неожиданно для себя — и уж тем более для Филина — я раз-

вернулся и взял своего последнего оставшегося друга за руки.

— Обещай мне кое-что.

— Что?

— Обещай, что будешь со мной до конца. Что не сбежишь, не исчезнешь и не превратишься во что-нибудь. Обещай, что мы вернемся домой вместе.

Филин улыбнулся:

— Конечно обещаю. Вот уж не думал, Мак, что ты настолько сентиментален, — и покровительственно хлопал меня по плечу.

Но глаза у него блестели.

* * *

Колхида встретила нас догорающими у причала танкерами и огромным, расплзшимся вдоль и вширь по гавани нефтяным пятном. Неприятно воняло гарью, керосином и еще чем-то сладковатым, нехорошо напоминающим запах тления. «Арго» вошел в портовые воды, грудью расталкивая нефтяную пленку и неся за собой длинный шлейф чистой воды. След, впрочем, быстро затягивало.

— Как-то здесь неуютно, — пробормотал Филин, разглядывая притаившийся за горбатыми кранами и недостроенным зданием морского вокзала город.

— Не то слово, — процедил я сквозь зубы.

Над городом стелился дым. Несло палевом, нежилью и неприятностями.

Мы оставили «Арго» у причала. Спрыгивая на бетон пирса, я почему-то подумал, что никогда уже не сту-

пить нам на проржавевшую, ставшую родной палубу. Однако тут же погнался мысль прочь. Обесхвостевший Кролик сделал над нами круг почета и устало полетел к горам, а мы направились в город.

На портовых задворках дымились огромные мусорные контейнеры. На них покаркивали тощие вороны. Дальше, на стоянке, чернели искореженные скелеты машин. Несколько автомобилей уцелело, и их новенькая краска диковато блестела под солнцем.

Чем дальше от порта, тем больше было разрушенных зданий. Зияли оконные проемы. Язвы от попавших снарядов заполнились пылью и строительным мусором. Редколистные акации давали слабую тень, но вообще деревьев было мало, будто и их смело волной отступления. Всюду были разбросаны тряпки, черепки битой посуды, валялись распахнутые чемоданы. В одном дворе мы обнаружили целое семейство забытых в песочнице кукол.

Ближе к центру здания становились ниже, блочные многоэтажки уступили место двух- и трехэтажным домам из желтоватого песчаника. Здесь было почище, но так же светло, пусто и безжизненно. Ветер доносил облачка дыма и едкий смрад еще горящих на севере кварталов.

— Что это, а? Что это такое, Мак? Война?

Я пожал плечами. Война была стычкой сверкающих щитами рядов, блеском мечей и ржанием кавалерийских лошадей, война была знакома по песням и рассказам старших, но это... это запустение скорее напоминало об эпидемии.

Негромко переговариваясь — а громко говорить в мертвом городе нам мешало что-то вроде благогове-

ния, — мы вышли на площадь. Вышли и замерли. На площади были люди.

В центре, примяв кусты можжевельника и березки маленького сквера, раскорячился бронетранспортер. Его пятнистые бока и задранное дуло пушки отбрасывали тень на исчирканный пулями камень ограды. В тени расположились несколько солдат. Двое из них курили, затягиваясь с видимым наслаждением. Еще двое переговаривались. Водитель в сползшем на глаза шлеме пил воду из пластиковой бутылки, а трое совсем молодых ребят сидели на корточках и весело смеялись. Приглядевшись, я понял, что они запускают детский волчок. У всех восьмерых были автоматы.

Они заметили нас прежде, чем мы убрались обратно в проулок. Водитель выпустил из рук бутылку и схватился за автомат. Двое курящих бросили сигареты. И только парни с волчком как сидели, так и остались сидеть.

Один из куряк уже приготовился давить на гашетку, но стоящий рядом с ним бородатый верзила схватил его за плечо и что-то гортанно крикнул. Я разобрал только слова «хара» и «тали-амас».

* * *

— В общем, все не так уж и плохо, — неуверенно сказал Филин, потирая скулу.

На скуле вздувался здоровенный синяк. Филин озабоченно покопался пальцем во рту, извлек осколок зуба и задумчиво продолжил:

— Нас могли бы и сразу пристрелить.

— «Какое счастье!» — воскликнул лобстер, когда его вытащили из кастрюли и положили обратно на полку.

Меня отделали гораздо сильнее, чем Филина. Очень болело плечо, по которому заехали прикладом. Ухо набухло и торчало в сторону. И похоже, мне тоже сломали зуб. Губа быстро распухла, так что говорить было нелегко.

Мы валялись на полу в просторной комнате с рядами сдвинутых к стене парт. Филин утверждал, что это школа. Я здания снаружи не видел, поскольку на голову мне нацепили мешок. До сих пор я не мог отдышаться от вони прелых сапог.

По полу были разбросаны книги с вырванными страницами, возможно, учебники. Стекла в окнах были разбиты. Осторожно подобравшись к подоконнику и высунув голову, я обнаружил, что комната находится на втором этаже. Внизу белел под солнцем широкий двор, вокруг него тянулся забор с высокими железными воротами. Странная школа. У ворот маячили двое в формах и с автоматами, еще двое возились у бэтээра. Больше во дворе никого не было.

Филин подобрался сзади и задышал мне в затылок.

— Похоже, они ждут какого-то Тали-Амаса. Называют его то шейхом, то полевым командиром. Он и решит, что с нами делать.

Я потрогал плечо, скрипнул зубами и ответил:

— Я бы не стал его дожидаться.

Филин хлюпнул носом, втянул кровавую соплю. Нет, над ним тоже поработали будь здоров.

— Я проверял, комнату вроде не охраняют. Можно спуститься посмотреть, нет ли другого выхода.

Я подумал и кивнул. Все равно ничего лучше в голову не приходило.

Висящая на одной петле дверь жалобно скрипнула и погрозила нам длинными щепками. Коридор тоже был пуст. Стекла в двух окнах сохранились, но пол все равно был засыпан осколками и обвалившейся штукатуркой. На цыпочках мы прокрались вдоль коридора, заглядывая по дороге в пустые классы. Там было все то же. На черной доске в одном из классов был нарисован огромный член и написано что-то, но не по-гречески.

В конце коридора обнаружилась лестница, ведущая вниз. Когда мы спустились на первый этаж, отчетливо слышались голоса прогуливающихся под окнами часовых. Мы пригнулись и поспешили дальше, в подвал.

Дверь в подвал была тяжелая, железная, выкрашенная зеленой краской. Недавно выкрашенная. Филин попробовал ручку, толкнул. Дверь бесшумно открылась. За ней обнаружился еще один коридор. Под потолком тянулись толстые трубы в рваной изоляции. Местами проступало ржавое железо, сочилась вода. Пахло плесенью и нагретым воздухом, где-то неподалеку что-то утробно ухало, гудело, тускло светила заключенная в металлическую сетку лампочка. Наши шаги звучали приглушенно, будто мы ступали по вате.

— Думаешь, здесь есть другой выход? — шепнул Филин.

Я пожал плечами и ускорил шаг. Мы прошли еще метров двести и завернули за угол, когда слышались голоса.

Я замер. Филин, не успевший сориентироваться, налетел на меня и зашипел, ударившись больной ногой.

Я зажал ему рот ладонью и указал вниз. Голоса шли оттуда и звучали отчетливо, как будто говорящие находились в паре шагов от нас.

— Ну что, решила уже?

Низкий мужской голос странно тянул слова, но язык был определенно греческий. Второй голос, писклявый и одновременно пришепетывающий, поддержал:

— Какую режим первой — правую или левую?

Я упал животом на пол и подполз к тянущейся вдоль стены трубе. Под ней обнаружилась узкая щель. Оттуда открывался вид на еще один подвальный этаж под нами. Просунув под трубу голову, я увидел квадратную комнату, ярко освещенную лампами дневного света. В комнате стоял железный стол. К столу была привязана девушка лет семнадцати. Тощая, остроносая, с большими темными глазами. Над левым глазом синел фингал. Волосы у нее были короткие и тоже темные, а выражение лица свирепое.

Рядом со столом расположились двое — один в хаки, другой в защитном пятнистом комбинезоне. Рукава комбинезона были закатаны, а в большой волосатой лапе зажата пила. Тот, что в хаки, потянулся за чем-то невидимым, и я обнаружил, что у него нет уха. На месте уха багровел уродливый рубец. Второй, с пилой, принял у товарища то, за чем он тянулся. Это оказалась бутылка с мутноватым пойлом. Пятнистый глотнул, задрал голову и двигая щетинистым кадыком. У человека с пилой не хватало глаза; глазницу закрывала черная повязка.

— Ах Кассандра, Кассандра... — пропел Одноглазый, занюхивая самогонку рукавом. — Кассандра с буквы «к». Ну и сильно ли помогли тебе твои пророчества?

— Я прямо не знаю, — подхватил Одноухий, — что за придурь на хозяина нашла. Ну зачем ты ему сдалась? Уродина уродиной, да еще и дура. Прошмандовочка ты бесполезная.

Одноглазый хмыкнул, весело взмахнув пилой.

— Не, почему же бесполезная. Она ж эта... пророчица. Так, Касси? Ну-ка скажи, какую руку я тебе сейчас пилить буду?

Он игриво занес пилу. Девушка не издала ни звука.

— Скучно. Совсем с тобой скучно, Кассандра. Ничего ты толком не умеешь. Даже отсосать как следует не можешь, где уж тебе пророчествовать.

— Понимаешь... — вмешался Одноухий. Он тоже уже приложился к бутылке, и шрам налился краской пуще прежнего. — Понимаешь, всякое пророчество бесполезно, это доказал еще этот геометр, ну как его... — Он защелкал пальцами.

— Евклид? — охотно подсказал второй.

— Нет, ну какой Евклид. А, вспомнил! Архимед. Великий был человек. Так вот, Касси, он говорил, да, лично мне говорил при нашей последней беседе в Сиракузах... Ты была в Сиракузах, Касси?

Девушка молчала.

— Ладно, неважно. А говорил он, что всякое пророчество бессмысленно, поскольку либо неверно, либо бесполезно. Поясняю...

Он взял у товарища пилу и приложил лезвие к левому плечу девушки. Кассандра напряглась.

— К примеру, ты говоришь, что я отрежу тебе левую руку. А я — бац! — Тут он ловко перекинул пилу к другому плечу. — Бац — и отрежу правую. Это какое проро-

чество? Это пророчество неверное. А вот если я действительно отрежу левую... — Тут он вернул пилу на прежнее место. — Если левую отрежу, то это пророчество бесполезное: что толку в том, что ты все верно предсказала, если рука все равно тью-тью?

Одноухий тоненько захихикал, и спустя секунду его товарищ присоединился к нему басом.

— Пойдем, — я дернул Филина за руку. — Пойдем, пока нас не засекли.

Но он и не двинулся.

Я откатился от щели и уставился на Филина. Его лицо, и без того бледное, стало совсем белым, и резко проступила едва пробивающаяся на подбородке щетина. Филин был младше меня на два года.

— Я никуда не пойду. Мы должны спасти ее, неужели ты не понимаешь?

Я сделал ему знак говорить тише, и он зашипел:

— Это же Кассандра, та самая Кассандра! Это о ней говорил Гомер. Я всегда мечтал ее встретить, я столько хотел узнать...

Я покрутил у виска пальцем.

— Кассандра умерла пятьдесят лет назад. И она была старше. А это я не знаю кто, но нам до нее нет дела.

Филин замотал головой. Я вздохнул и прошептал как можно более убедительно:

— Надо выбраться отсюда. Даже если это та самая — а я в это не верю, — она уже все напроорочила. Она нам больше не нужна, понимаешь?

Филин явно не понимал. Я начал злиться.

— Ты что, совсем спятил? Мы приплыли в Колхиду не для того, чтобы спасти прекрасных дам. И Царь нас не для того на себе тащил. Мы пришли за руном...

— Ну и иди, — зашипел Филин, — иди за своим драгоценным руном, проваливай. А я остаюсь.

Я треснул кулаком по холодному полу и закричал шепотом:

— Ты обещал! Помнишь, ты обещал, что не бросишь меня?! Где твое слово?

Филин неожиданно улыбнулся. Спокойно так, как будто мы в нашей нычке под верандой распивали стыренное из дедушкиного буфета эфесское.

— А я тебя и не бросаю. Это ты бросаешь меня. И ее. Я аж плюнул с досады.

Плана у нас никакого не было. Конечно, Филину лишь бы проявить благородство — а разбираться с подонками он предоставит мне. Мы долго блуждали в поисках хода вниз, Филин трясся и проедал мне плешь:

— А что если ей уже отрезали руку? Если она умрет?

— Да не ссысь, — убеждал я как можно уверенней. — Они тут все ждут этого Тали-Амаса. Без него они и не пукнут.

Сам я в этом сильно сомневался, но Филин немного успокоился. Наконец мы спустились по узким железным скобам и пошли обратно. Филин снова впал в панику: ему казалось, что мы потеряемся в одинаковых узких, тускло освещенных коридорах и не найдем квадратной комнаты. Но у меня с чувством направления все было в порядке, и вскоре мы услышали голоса. Среди них был и высокий девичий. Судя по тому, что девушка не визжала и не стонала, ей пока ничего не отрезали. Я прислушался. Сейчас говорил Одноглазый:

— Нет, ну это невыносимо. Предреки хоть что-нибудь. Ну, например, когда я умру?

— Очень скоро, — спокойно ответила девушка. — Смерть уже приблизилась и дышит тебе в затылок.

Я не смог сдержатъ ухмылки. Может, и вправду стоило спросить ее про руно?

Мы подкрались к двери в комнату. Она была приоткрыта. Я сделал Филину знак держаться позади и заглянул внутрь. Двое стояли вплотную к столу, что было плохо. Но их автоматы — «узи» и укороченный «М-16» — лежали в противоположном углу, и это было хорошо. Одноглазый, разозленный предсказанием Кассандры, как раз заносил руку для удара, когда я толкнул дверь и вальяжно вступил в комнату.

— Где здесь общественный туалет?

Одноглазый так и замер с поднятой рукой. Одноухий, стоявший ближе к двери, моргнул и уставился на меня.

— У меня заело ширинку. — Я принялся тереть молнию на брюках. — Не поможете расстегнуть?

Одноухий инстинктивно опустил глаза. Этой заминки мне хватило, чтобы пересечь разделявшее нас расстояние и хорошенько врезать ему под дых. Одноухий согнулся и обмяк. Второй рванулся было к оружию, но я крикнул:

— Лови! — и швырнул в него его товарища.

Одноглазый рухнул на пол, грязно ругаясь. Я перепрыгнул через стол, подхватил «М-16» и врезал прикладом по высунувшейся из-под тела Одноухого голове. Еще и еще раз, пока эта дергающаяся голова не затихла. Единственный глаз экзекутора залила кровь. Я не стал проверять, оправдалось ли предсказание Кассандры, и, перешагнув через безжизненные тела, устремился к

столу. Однако там уже стоял Филин. Стоял, неумело возился с веревками и заворуженно пялился на девицу. Она ему улыбалась.

* * *

Кассандра не ошиблась. Одноглазый был мертв. Его приятеля мы связали и запихнули в рот кляп. Я было собирался и его прикончить, но Кассандра не дала. Закатила глаза и похоронным голосом изрекла:

— Его срок еще не истек.

У нее за спиной я поцокал языком и постучал по лбу пальцем. Филин показал мне кулак.

Мы прихватили автоматы, а Кассандре досталась «беретта» и морпеховский нож. На нож я косился с вожделием и думал, что все равно отберу его у девчонки. На всякий случай я содрал с Одноухого форму и переоделся. Хотел было и Филина приодеть, но костюмчик Одноглазого был уж больно окровавлен.

Мы поднялись по лестнице и выбрались на задний двор через окно школьного туалета. Пока Филин протискивался через узкий проем, я изучал сортирные граффити.

Ф? Ж!

ШМУЛИК ПИЗДОЕБ И КОЗЕЛ

АТСАСИ, ПИДАР!

ЦОЙ РУЛИТ!

АДКА ИЗ 5Б — ПОДСТИЛКА!

НО Я РАЗБИЛ СВОЮ ЛЮБОФФЬ

О ВОЛОСАТЫЕ КОЛЕНКИ

Я ВЕРНУСЬ, МАМА!!!

— Вот именно что, — пробормотал я и полез в окно. Унитаз под моим ботинком жалобно хрустнул.

Мы спрятались на мусорке. Часовые не проявляли интереса к четырем вонючим контейнерам и обходили их стороной, делая здоровенный крюк. Из баков несло мертвечиной. Мне показалось, что из-под крышки высывается маленькая рука, но я не стал проверять.

Кассандра и Филин устроились за большим баком, а я сидел на стрёме и наблюдал за воротами. План был глуп и рискован, но другого у нас не было. Мы ждали, когда приедет Тали-Амас. Тогда, по замыслу, ворота должны были открыться. В суматохе мы бы просто пошли к ним, не привлекая внимания, и постарались бы ускользнуть.

Вечерело. Никаких признаков скорого приезда командира я не заметил. Мне надоело пялиться на запертые ворота, и я прислушался к тому, что происходит сзади...

— Так ты та самая...

— Шшш...

— А меня зовут Ишмаэль. Это значит...

— Я знаю, что это значит.

Последовал долгий звук, какой издает забитый слив в момент прочистки. Я страдательно возвел глаза к небу. Нашли время для нежностей.

— А ты знала... в смысле, ты предчувствовала, что мы встретимся? Я столько тебя искал. Я так хотел..

Снова чмокание и урчание слива. Касси, похоже, была не из разговорчивых.

— А ты знаешь, что будет дальше? Что с нами будет?

— Шшш.

Впору было пожалеть, что Одноглазый с Одноухим не преуспели в своей работе. Интересно, а что Тали-Амасу надо было от нашей пророчицы? И вправду ли она та Кассандра, что предсказала про руно? Ох не верится... Я совсем уж было собрался прервать воркование моих голубков, когда часовые у ворот вытянулись, снаружи что-то гаркнул повелительный голос, и створки начали разъезжаться. Показался еще один броневик. На броне сидело человек шесть солдат. За бэтээром во двор мягко вкатился огромный черный джип, посверкивающий пуленепробиваемыми стеклами. В нем, вероятно, и ехал Тали-Амас.

Из-за школы высыпало с дюжину боевиков, один из них — тот самый бородатый верзила — подбежал к джипу. Из джипа кто-то вышел, но я не увидел его за пятнистыми спинами. Вся компания направилась к дому. Ворота пока оставались открытыми. Самое время действовать. Я свистнул. Ноль внимания. Обернувшись, я увидел, что парочка страстно целуется, забившись в угол между баками. На Касси уже не было майки.

— Вы что, спятили, — простонал я, — идти надо!

— А? — рассеянно сказал Филин, выныривая из-за довольно крупного девичьего бюста.

Касси сориентировалась быстрее. Отпихнув все еще ошалело моргающего Филина, она деловито оправила майку и засунула «беретту» за пояс. Я быстро оглядел двор и, убедившись, что никто в нашу сторону не смотрит, встал. За мной поднялись Касси и Филин. Легкой прогулочной походкой я зашагал к воротам. Часовых не было. Я спиной чувствовал, как следуют за мной друзья, как вышедшие из джипа приближаются к крыльцу.

Чувствовал, как горяч асфальт под ногами, как нагрелся от моих ладоней ствол «узи», как струйки пота катятся у меня по затылку и как намокла майка под мышками.

Мы были шагах в тридцати от ворот, когда сзади окликнули:

— Эй!

— Не останавливайтесь, — приказал я сквозь зубы.

— Хей!

Кричали уже в три голоса. Только сейчас я заметил пристроившуюся в тени кустов, разросшихся у забора, будку. В будке кто-то возился.

Осталось двадцать шагов.

— Может, остановиться? — пробормотал сзади Филин. — Касси? Мак?

Кассандра сказала что-то, чего я не разобрал.

Я замедлил шаг и поравнялся с этими двумя.

— Идите вперед.

— Что?

Филин болезненно сморщился, как будто глотнул касторки.

— Бегите, я вас прикрою.

Сзади вопило на разные голоса.

Филин нерешительно оглянулся, но Кассандра дернула его за руку, потянула — и они побежали. Я развернулся к будке и нажал на гашетку. Очередь прочертила высунувшегося из дверей лохматого мужика, перечеркнув его и откинув к стене.

Касси и Филин бежали. Я начал оборачиваться к группе у крыльца.

— Стойте! Стойте, не бегите!

Голос кричавшего был мне смутно знаком. Слова были греческие.

— Стойте!

Я упал на раскаленный асфальт и надавил на гашетку. «Узи» затарахтел. Люди у крыльца рассыпались, пули защелкали рядом со мной, сзади слышались крики — но мне было уже все равно, потому что в меня попали. Болью рвануло висок, в глазах полыхнуло красным — и мир потух.

* * *

— Голова сильно болит?

При свете масляной коптилки я долго вглядывался в нависшее надо мной озабоченное бородатое лицо. Потом пошевелил губами и, обнаружив, что могу говорить, сказал:

— Тали-Амас. Ну конечно, я бы мог догадаться.

В этом тревожном, выступающем из мрака лице смешались черты моего деда, вора, воина и мореплавателя, и моей суровой красавицы бабки, так и не простившей мужу отступничества. А еще он был очень похож на меня. Если бы не морщины на лбу и в углах глаз и не пегая, сединой прoderнутая борода, можно было бы подумать, что я гляжусь в зеркало.

— Мне жаль, что так получилось.

Голос был хриплый, неуверенный. Кажется, греческие слова давались ему с трудом.

Я подумал немного и спросил:

— Что с Филином и Кассандрой?

Он не ответил, да я мог бы и не спрашивать. Странно, что я остался жив. Я подумал еще немного.

— Как ты узнал меня?

Вопреки всему мне, дураку, хотелось верить, что отец меня все же узнал.

Бородач вздохнул и почесал переносицу.

— Мне рассказала Афина. Она же и прикрыла тебя. Ей здорово досталось. Пять пуль в грудь. Хорошо, что она бессмертна.

— Хорошо.

На меня накатило равнодушие. Я не знал, что я должен был чувствовать. Радость, что нашел его наконец? Ненависть из-за убитых друзей? Отчаяние? Я не знал. Поэтому спросил первое, что пришло в голову:

— Паллада. Она и с тобой спит?

Отец не ответил. Покачивалось во мраке будто вырезанное из мореного дерева лицо — то наплывая, то вновь скрываясь в тени.

— Зачем ты пытал Кассандру?

Я не ожидал ответа и в этот раз, но губы бородача дрогнули.

— Мне надо было узнать кое-что о грядущем бое. Тебя это не касается.

Я нахмурился, и голову пронзило болью.

Он заметил, привстал.

— Сейчас принесу воды. Тебе надо пить лекарство.

— Не надо.

Я улыбнулся, хотя это мне дорогого стоило.

— Я ведь тоже не хухры-мухры, а потомок Зевеса-тучегонителя. Как там — прапрапраправнук? Ничего, выкарабкаюсь.

Я потрогал повязку. Она была чуть влажной. На пальцах остался темный след.

Отец снова присел рядом, придвинул светильник ближе. Я огляделся.

Я лежал на походной койке, застеленной тощим одеялом. За разбитыми окнами была ночь. Коптилка освещала ободранные стены, доску, перевернутые парты. Мы все еще были в школе.

Рядом с койкой стояла пластиковая бутылка и чистый граненый стакан. Я взял стакан, понюхал, отпил. Выдохшаяся теплая минералка. Я снова провел рукой по лбу и вспомнил:

— Вот еще что. Мать просила передать тебе, что ты можешь не возвращаться.

Мужчина рядом со мной вздрогнул. Спросил негромко:

— Как она?

— Нормально.

— А отец? Он еще жив?

Я с секунду соображал, прежде чем понял, что он говорит о дедушке.

— Еще как. Живее всех живых. Завел кресло, катается теперь по двору. Кур гоняет. Одну даже переехал.

Бородач наклонился ко мне, снова тревожно вперился светлыми — совсем как у меня — глазами.

— Ты злишься?

Я? Злюсь? Хотел бы я злиться.

— Сколько тебе лет сейчас? Восемнадцать? Девятнадцать? Мне было ненамного больше, когда я попал сюда.

Меньше всего мне хотелось выслушивать его объяснения — поэтому я снова опустил голову на подушку и прикрыл глаза.

— Хочешь отдохнуть? Я выйду.

Да, выходи. Лучше бы ты где-нибудь по пути подорвался на mine. Я был бы не прочь взглянуть на твои кишки, весело болтающиеся на крыше соседнего дома. Так я подумал, а вслух спросил:

— Ты нашел руно?

Он помедлил, прежде чем ответить. Я уже проваливался в теплый сумрак, когда снова услышал его голос:

— Нашел. Только я не знал, что с ним делать. Тогда я принес его в дом и зачал на нем твоего брата.

Я сел в кровати торчком. Голова немедленно отозвалась колокольным гулом, но я уже почти привык. Прищурившись, я всмотрелся в бородатое лицо. Отец неожиданно улыбнулся и кивнул в угол. Я обернулся.

Там, на детском стульчике, сидела женщина. Света коптилки едва хватало, чтобы различить черные глаза, блестящие в прорези паранджи. Но даже просторные темные одежды не могли скрыть ее округлившегося живота, на котором она скрестила маленькие белые руки.

Отец положил руку мне на плечо и добавил:

— Мою жену зовут София. Она промыла твою рану и сделала перевязку. Не обижай ее, Телемак.

* * *

Следующие дни я плохо запомнил. Может, из-за постоянной боли в голове, может, еще почему.

Смутно помню наступившее утро, ясное, теплое. Отец предложил мне поехать в джипе, но я отказался, и тогда хохочущие черноглазые парни помогли мне

вскарабкаться на броню. Некоторым из них было лишь чуть больше лет, чем мне. А некоторым и меньше. Трясаясь и дребезжа, мы выехали со школьного двора. За нами катился джип. Прощально скрипнули ворота, и мы погромели вверх по улице. Прощай, Филин.

Покинув город, колонна скоро съехала на грунтовку. Пересекла мост через неширокую горную речку. На дне потока поблескивали белые камни. Одна из опор моста была выщерблена снарядом, а на том берегу задрал вверх хобот огромный обгоревший танк.

Мы двигались в горы. Из разговоров отца и его соратников я понимал мало, но все же догадался, что боевики собираются взорвать какую-то станцию. Что за станция и зачем ее надо взрывать — мне было безразлично. Я молча трясся на броне. Повязка покрывалась пылью, и на недолгих привалах к окровавленным бинтам липли кусачие мухи. Наверное, я выглядел совсем безумным, потому что даже все повидавшие отцовские товарищи меня сторонились. Видно, Тали-Амас заметил недоброе, потому что однажды на привале он подошел ко мне. София как раз промыла рану и наложила свежую повязку. Она отправилась к костру, чтобы принести нам с отцом чаю.

— Грустишь?

Я пожал плечами. А с чего бы мне веселиться?

— Посмотри, какая кругом красота.

Я вяло поднял глаза. Горы купались в розовом свете заката. На самых дальних вершинах, треугольных и острых, уже лежала вечерняя тень. Ветер посвистывал в траве и в сухом кустарнике, щебетала какая-то птица, солдаты негромко переговаривались и позвякивали

ложками о жестянки с консервами. На бегущей внизу дороге медленно оседала пыль, поднятая колесами бэтэ-эров. Я равнодушно кивнул.

— Да, красиво.

— Вот. — Отец достал из планшетки на поясе какую-то книжку и протянул мне. — Я берег ее для тебя.

Я повертел книжку в руках. На титульном листе расплывалась старая чернильная печать. Я прищурился и прочел: «Из личной библиотеки господина Спиридона Марии Попандопулоса». Книжка называлась «Илиада». Я спросил:

— Кто такой этот Спиридон Мария?

Отец прищурился, улыбаясь давнему.

— Спиро... Славный парень и настоящий патриот. Мы дрались тогда с турками. У него был небольшой магазинчик рядом с Пиреем, и он никогда не отказывал нам в убежище. Он подарил мне эту книгу за три дня до того, как его повесили. А магазин сгорел...

Я мало что понял, но мне стало почему-то жаль настоящего патриота и славного парня Спиро. Гадес его дернул связаться с отцом и с остальными молодчиками.

— Это на новогреческом, — добавил отец. — Немного трудно поначалу, но, думаю, ты разберешься.

Я вежливо поблагодарил его и принял из рук Софии горячую кружку. Отец погладил женщину по голове и отошел к своим.

Где-то через неделю начались дожди. Тогда же — или чуть позже — объявился и противник. Не знаю, кто были эти люди, засыпающие нас минами и снарядами. Отец и остальные дрались с ними, а мы с Софией отсиживались в блиндажах, в укрепленных подвалах, в залитых

грязью окопах, в пещерах. Когда выдавалась свободная минутка и можно было спрятаться от дождя, я читал. Поначалу действительно было трудно и немного скучно, но потом я привык. Вот уж не думал, что слова слепого можно записать таким неудобоваримым языком.

...Сын благородный Лазртов,
Герой Одиссей многоумный!..

...Как? со срамом обратно, в любезную землю отчизны
Вы ли отсель побежите, в суда многоместные реяшь?..

Я читал при свете мигающих лампочек, ручных фонариков и свечных огарков, и в голове моей почему-то всплывали совсем другие строки, непонятно где увиденные или подслушанные:

Бессонница. Гомер. Тугие паруса.
Я список кораблей прочел до середины...

Тихо хлопотала в углу София, готовя отцу ужин. Со мной она была неизменно приветлива и добра.

Звуки разрывов становились то дальше, то ближе, собачья перекличка очередей мешала мне сосредоточиться. С потолка сыпалась труха, лампочка мигала и гасла, и вновь приходилось жечь свечу.

Царь Илиона, Приам престарелый, на башне священной
Стоя, узрел Ахиллеса ужасного: все пред героем
Трои сыны, убегая, толпились; противоборства
Более не было...

Я грел руки собственным дыханием и воображал, что сейчас лето, что мы с Царем сбегает с уроков и идем на берег охотиться на крабов. Иногда мне казалось, что острова моего детства нет и никогда не было, а есть лишь сырой подвал, книга, свеча, плеск дождя и грохот далекой канонады.

Противник отступал, и мы поднимались все выше в горы, к вожденной станции. Броня стала мокрой, и на ней трудно было удерживаться на поворотах. Меня поддерживали солдаты. От них пахло потом и пороховой гарью, и некоторые из них исчезали — но их места всегда заполнялись другими.

...Как я уже говорил, я плохо все это помню. Зато хорошо запомнил последний разговор с отцом. Мы опять сидели в подвале, но этот был сух и прочен. Узкие щели под потолком были заложены мешками с песком, и все же на пол под ними натекло. София собирала воду тряпкой и отжимала тряпку в ведро. Посреди подвала стоял стол, большой, деревянный, основательный. Над столом к стене припиlena была карта, расчерченная зеленым и красным.

Отец сидел за столом, а я валялся с книжкой на раскладушке. Когда на страницу упала тень, я досадливо поморщился и завернул угол листа, чтобы потом не искать долго, где я остановился.

— Послушай, — сказал отец. Он присел рядом со мной, как тогда, в первый день. Раскладушка натужно скрикнула. — Завтра мы идем в бой, из которого не вернемся. Не перебивай!

Он поднял руку, сведя к переносице густые — как у меня — брови.

— Тот мир, в котором мы живем, мертв. Многие еще не осознают этого до конца, но все видят признаки распада. Однако жадно, до исступления, цепляются за старое. Они не понимают, что, пока ушедший мир не исчезнет, новый не сможет родиться. Ведь любая жизнь подобна бабочке: гусеница должна умереть, чтобы на свет появилось новое существо, прекрасное и крылатое.

Я снова попытался вмешаться, но он оборвал меня:

— Подожди, я хочу договорить. Я дрался всю жизнь. Я сражался с римлянами и с турками, с англичанами, с халдеями, с атлантами и с собакоголовыми гиперборейцами. Я девятнадцать раз был ранен легко, пять раз тяжело и три раза смертельно. Я боролся за свободу и за справедливость, за святой крест и за хартию вольностей, но каждый раз видел: мои усилия пропадают втуне.

Он замолчал на минуту, а потом продолжил:

— Тогда я понял, что беда во мне самом. В этом новом мире, в мире, которому я пытаюсь пробить дорогу, — в нем для меня нет места. Ни для меня, ни для кого из них.

Отец указал на дверь, за которой отдыхали солдаты.

— Не знаю, есть ли в нем место для тебя, но для твоего брата, — он кивнул на притихшую Софию и на ее огромный живот, — для него есть наверняка. И я хочу, чтобы он уцелел. Поэтому ты уведешь ее отсюда. Уведешь в горы. Вы уйдете прямо сейчас, так что к моменту взрыва — если нам все удастся — вы будете уже далеко.

Он крепко сжал мое плечо и закончил, глядя мне в глаза:

— София знает дорогу. Она отведет тебя в наш дом. Это высоко в горах. Там сейчас никого нет, и вы сможете переждать несколько дней, пока все не кончится. Она умная девочка и знает что делать. Тебя я прошу об одном: позаботься о своем брате. Ты обещаешь?

Я кивнул.

— Хорошо. Вам пора собираться.

Он встал, высокий, сутулый, и я впервые заметил, что он уже почти старик.

— Ты отличный парень, Мак.

Отец улыбнулся и потрепал меня по плечу.

— Жаль только, что мы так и не успели как следует познакомиться.

Он уже отворачивался, но неожиданно снова оглянулся на меня.

— Да, кстати. Там где-то до сих пор валяется золотое руно. Может, ты найдешь ему лучшее применение, чем я в свое время.

* * *

Шел дождь, и тропа была скользкой. Я пытался поддерживать Софию, хотя она двигалась намного ловчее меня. Даже необъятный живот не мешал ей взбираться по мокрым камням.

Внизу тонула в дождевой пелене долина. Занимался рассвет, занимался и все никак не мог заняться и наконец сгинул в тучах. Ливень пошел сильнее, и первые раскаты грома совпали со звуками начинающейся кано-

нады. Я ускорил шаг, но тут же поскользнулся и съехал по грязи несколько метров вниз. София терпеливо помогла мне подняться, и мы стали карабкаться дальше.

К полудню я собрался сделать передышку, но София упрямо тянула меня вверх. Мы ушли все еще недостаточно высоко. Внизу вовсю стреляло и рвалось, по склону гуляло приглушенное дождем эхо. Когда я оглянулся через плечо на долину, мне показалось, что я вижу вспышки разрывов — однако, возможно, это просто в глазах у меня от усталости плясали искры. Мы шли, карабкались, тропинка вилась между высоких камней и зарослей кустарника, дыхание мое срывалось на хрип, и мы снова шли. А потом внизу замолчало. Поначалу за плеском воды я не обратил внимания, как там стало тихо. Мы с Софией остановились и начали прислушиваться, но слышали лишь шум бегущих с горы ручьев и грохот маленьких камнепадов. Я вопросительно взглянул на свою спутницу. Та приложила палец к губам, наклонила голову. Ткань на ее лице намокла и съехала в сторону, и я впервые заметил, как она молода. Наверное, младше меня.

Мы стояли под дождем в нарастающем сумраке, когда по земле прокатился гул. Он начался глубоко внизу, казалось, в самом центре планеты, в ее кипящем ядре, — и, разрастаясь, заполнил все вокруг. Мы развернулись и побежали, держась за руки, а потом за спиной вспыхнуло, и я повалился на Софию. Даже сквозь закрытые веки вспышка показалась очень яркой. Когда ослепленные глаза вновь стали видеть, я осторожно оглянулся. Это не был ядерный гриб: ослепительно-белое свечение

повисло от земли и до неба. Свет напоминал полярное сияние, только в тысячу раз ярче и красивее. Я все еще заморожено любовался, когда у моего плеча тихонько заплакала София.

* * *

Дом совсем развалился. Дырявая крыша не спасала от дождя. Задняя стена обрушилась. Перегородки между комнатами потрескались, хотя кое-где еще проглядывала штукатурка. Сквозь пол проросла трава, и даже небольшое кизилевое деревце тянулось ветками к пролому в крыше.

Я остался снаружи. Надо было подумать об убежище на ночь. Выше по склону виднелся каменный сарай. Когда-то, возможно, в нем жили пастухи. А теперь он и нам пригодится.

София ушла в дом за руном. Я присел на мокрый обломок стены, стяхнул со лба капли. Странно, но голова почти не болела. Вообще все тело было легким, звонким, как после долгой болезни. София что-то долго не показывалась, и я уже начал беспокоиться, когда она появилась на пороге со свертком в руках.

Я прошлепал по луже к ней. Женщина бережно держала старую, истершуюся кошму. Если когда-то на ней и была шерсть, то она давным-давно отгнила, оставив лишь сероватую кожу с редкими белесыми клоками.

Я расхохотался. Я свалился в грязь, я хлопал себя по ляжкам, я катался в дождевой воде и хохотал, хохотал.

Ради этой поганой старой овцы пожертвовал жизнью Филлин. Ради нее сгинул Рыбий Царь. Мой отец покинул дом и Аид знает сколько лет скитался по свету ради нее. Когда я уже не мог смеяться, я начал плакать — и поэтому, наверное, не расслышал первого вскрика Софии. Только когда она рухнула на колени рядом со мной и застонала, обняв живот, я понял, что началось.

Я оглянулся на сарай. До него было чуть меньше километра по скользкому, крутому склону. Я донес бы ее на руках, но меня покачивало от голода, усталости и так толком и не зажившей раны. Я боялся уронить роженицу. Выругавшись, я затащил ее под защиту уцелевшей стены и, расстелив на относительно сухом пятачке кошму, опустил на нее Софию.

Казалось, прошли часы. Потоки воды низвергались с неба, ветхий наш приют сотрясался под ударами ветра. Кошма промокла насквозь, напилалась дождевой водой и кровью.

— Тужься, дура, тужься!

София кричала, выла, царапала живот. Несколько раз, в минуты просветления, она выкрикнула имя моего отца — и я взмолился: «Если ты сейчас в царстве Аида и слышишь ее, заведи ее с собой! Дай ей умереть!» Но отец не отзывался, у женщины вновь начинались схватки — и минутная слабость уходила. Гремела вода. Глаза мне слепил пот — или это небо истекало солью?

Дождь заливал долину. Кажется, даже верхушки невысоких гор уже скрылись под водой, но у меня не было времени посмотреть. Я отбрасывал с лица прилипшие волосы, вздергивал женщину под мышки, давил ей на

живот, стучал кулаком по мокрой, набухшей кошме. В глаза мне летели брызги.

— ТУЖЬСЯ!

Я держал на руках жену моего отца, рожавшую моего единокровного брата, и ругался, и плакал, и бормотал: «Только бы все обошлось! Только бы не кончилось все здесь и сейчас. Только бы...»

А над головой у меня поквакивал неожиданно вернувшийся голубь Кролик.

Ольга Морозова

УЛИЦА МЕДНЫХ ДУШ

1

Улица Медных Душ находится в самом центре портового города. Леденцово-желтые фонари освещают уютные дома. Покатые булыжники мостовой нагреваются за день и ночью остаются теплыми. Здесь приятно гулять, заходить в небольшие кафе и трактиры, покупать всякую мелочь у приветливых торговков или, если будет на то желание, развлечься любым другим способом. В сумерках на улице Медных Душ могут сбыться ваши мечты и желания. Постарайтесь только не слишком дорого за них заплатить.

— Молодой господин, не хотите поразвлечься?

Гимоти Хал обернулся, запахивая плащ: ветрено что-то сегодня. И дождь начинается. У стены стояла худая брюнетка в позе «что угодно за пять золотых».

— Это с тобой-то?

— А что? Дешево, соглашайся!

— Во-первых, у меня другие планы. Во-вторых, ты неправильно себя ведешь.

— Это почему же?

— Никогда не говори клиенту, что цена низкая, пока он не клюнул на твои услуги. Веди себя так, будто всех его миллионов не хватит, чтобы тебя купить. Одного золотого — да не хватит. Пусть он почувствует эти свои миллионы. Даже если у него их нет. И пусть захочет отдать их все за ночь с тобой... Выстирай одежду хотя бы. И когда он попадется на крючок, сделай ему скидку. И возьми с него вдвое дороже, разумеется.

Девушка прищурилась.

— Тимоти, вы, что ли? Не признала...

— Я, Карлита. А ты, раз в центр подалась, привыкай к новым правилам. Здесь твои старые истории не пройдут. Тут клиент должен заплатить немало и стать счастливым. Ненадолго.

— Кого другого и слушать бы не стала, но вы вроде плохих советов не даете...

— Вот именно.

— Спасибо...

— И не забудь помыть голову, — ворчливо добавил Тимоти, потирая браслет и разворачиваясь, чтобы продолжить путь к трактиру. — Урок окончен.

Но не прошел он и десяти шагов, как его окликнули:

— И с каких пор ты стал наставником заблудших душ?

Тимоти оглянулся.

— С тех самых, как заблудшие души начали портить репутацию моей любимой улицы. Здравствуй, Кати. — Действительно, что-то он разговорился сегодня не в меру.

Кати Шамон лучилась улыбкой, и это очень шло к ее круглым румяным щекам. Седые кудряшки выбивались

из-под розовой шляпы, которую ветер то и дело норовил сорвать.

Одобрительно покивав, Кати привычным движением поймала шляпу и водрузила ее на место:

— Вот погодка... Слушай, раз ты готов быть наставником каждому, кто продает и покупает, я приглашаю тебя поужинать. Заодно и поболтаем. Пойдем в «Пшо»?

Мокрый ветер разогнал горожан по домам. Карлита и та ушла, не иначе — приводить себя в порядок. Ничего удивительного: обычно Тимоти Халу верили сразу.

Недолгий путь до трактира они прошли по пустой улице, и некому было оценить, как кругленькая пожилая дама, семена еще довольно красивыми ногами, энергично тащит молодого господина за угол. Случись здесь приезжий, он бы непременно начал гадать: сын, угождающий мамаше? Бедный племянник? Любовник? Присмотревшись, он пожал бы плечами и отступился: внешность Тимоти не говорила ни о чем. Зато с Кати все было ясно с первого взгляда.

Кати Шамон. Вот уже много лет она держала лавку — совсем рядом, в двух кварталах отсюда. Лавка принадлежала еще ее отцу, старику Шамону, известному буйным нравом. Когда-то он объехал полмира, а потом осел в городе, прижился и стал торговать скобяными товарами. Выпить да поругаться — в этом он был мастак, зато и байки травил — заслушаешься. Младшая его дочь быстро выскочила замуж, а старшая, Кати, как начала торговать в лавке, так и продолжает до сих пор.

Тимоти в «сыновья» и «любовники» не годился. Никакого внешнего сходства и слишком независимо держится. Да и род занятий угадать трудно. Обычный тем-

новолосый человек лет тридцати... сильный... довольно красивый... выбрит гладко... нос явно когда-то ломали... добротный плащ... на левой руке — толстый кожаный браслет. Случайный приезжий зашел бы в тупик. Но если бы вдруг озадачился он вопросом, куда пропал невидимый перстень стоимостью в тысячу монет или, скажем, откуда на счетах регулярно берется подпись умершего партнера, рано или поздно он бы обязательно познакомился с Тимоти. В этих случаях мастер по деликатным поручениям просто необходим.

С Кати они смотрелись забавно. Впрочем, в портовом городе люди не склонны удивляться, а любопытных приезжих в этот вечер на улице не случилось.

Дождь усилился, но они уже пришли. Вот и трактир. Стоило им зайти, как снаружи зашумел настоящий ливень. А здесь было тепло, уютно и в воздухе витал терпкий аромат дальних стран. Хорошо... Ничего особенного с виду: скромная обстановка, витые колонны ржавого металла — таких трактиров в городе десятки. Но тут было особое меню, начертанное на настоящей бумаге и способное любого аскета превратить в обжору. Кроме рыбы и мяса в списке значились и блюда подороже: икра сумасшедших ящерниц, молодые побеги тумана, подводные груши и прочие деликатесы из Пшо. Никакой гарантии, конечно, город-то недосягаемый, закрытый, не проверишь. Но посетители не требовали полтверждений и который год с удовольствием отдавали дань диковинкам.

Пока Тимоти устраивал влажный плащ на лавке, Кати ухватила меню. Лицо у нее при этом было такое, будто ей не просто обещали все чудеса мира, но и выдали уже половину в безраздельное пользование. Он же до-

вольно мрачно оглядел зал, сел прямо и приступил к выбору блюд, по привычке поглаживая браслет, который облегал запястье, как вторая кожа.

Без браслета его давно уже никто не представлял. Впрочем, что тут удивительного? Кто-то пьет кофе только по вечерам, кто-то ненавидит рыжих и не выходит из дому без своей кошки, а Тимоти Хал занимается деликатными делами и носит браслет не снимая. Хороший браслет — тяжелый, кожаный, обшитый медью. Если что, можно и как оружие использовать. К тому же ему не нравились шрамы на запястье. Переломанный когда-то нос его почему-то совершенно не беспокоил, а вот шрамы — нет, не нравились.

— Тимоти, мальчик мой, вечно ты пропадаешь! Теперь придется слушать, что нового у меня произошло за последний месяц. — Кати выбрала что-то особенно вкусное, сделала заказ и с удовольствием приступила к беседе.

Когда старик умер, она стала полноправной хозяйкой лавки. Как-то незаметно сходила замуж за моряка, да рано овдовела: сгинул ее моряк, не оставив после себя ни дочки, ни сына, так что всю свою энергию Кати по-прежнему отдавала любимому делу. А потом решила торговать и охранными амулетами, да не откуда-нибудь, а из самого Пшо. Не так уж это было просто, но кто бы устоял перед энергичной толстушкой? Уж точно не поставщики меди.

— Дела мои идут, раскупают все. Сейчас, конечно, не я одна охранками из Пшо торгую, но меня-то все знают, — щебетала Кати. — А кстати, ты слышал, Эйтан совсем облысел. Курам на смех: лысый парикмахер! Жена

его на днях ко мне заходила, муж, говорит, на парики поглядывает, но не решился пока, только кричит: «Я человек творческий! А как без волос? Без волос творческому человеку нельзя!» Она его, как может, успокаивает. Жалко, да все равно смешно.

Тимоти пожал плечами и, барабанив пальцами по медным бляшкам браслета, сурово поглядел в миску. Оно, конечно, хорошо, но что это за еда — три листочка да овощ поструганный? И заказал вдогонку незатейливую «Острую радость» — жареное мясо со специями.

— Не смейся, но я решила передохнуть немножко, — без перехода продолжала Кати, энергично встряхивая кудряшками и придвигая к себе разноцветный салат, который ей только что принесли.

Воров в богатом центре в последние годы прибавилось, расчет ее оказался верным: теперь без охранных не обойдешься. От посетителей отбоя нет, хозяйка целыми днями торчит в лавке, да и живет этажом выше. Странно, что сегодня куда-то выбралась, Кати вообще-то от работы не устает.

— Разобрала старые сундуки, нашла кучу ненужных вещей и книги, еще от старика моего остались. Чего там только нет, я уж и забыла про них! А помощница моя — такая умница — меня заменила, ну я, как девчонка, сбежала наверх и давай книжки листать. Про путешествия, конечно, истории, сказки, правду от неправды не отличить, зато красиво как!

...В трактире оглушительно пахло жареной рыбой и пряностями, и все мысли Анны немедленно выветрились, вытесненные одним желанием: есть! Пройдя наис-

косок через почти пустой зал, девушка уселась у окна и проворно убрала ноги в потертых башмаках под стул. Надо будет обувку новую купить, а то как-то неприлично. Девушка попыталась вспомнить, что она носила раньше. Ботиночки... туфли... С бантами. Вот такие и надо купить. А вдруг они сейчас не в моде? Анна завертела головой, пытаясь разглядеть, кто во что одет и обут, но, как назло, в зале не было ни одной девушки ее лет. Суровый господин с немножко крысиным лицом, древняя бабуля, увешанная бусами (как от нее духами-то разит!), да симпатичный молодой человек с кудрявой пожилой дамой. «О, меню...»

Тимоти уже боролся с новым десертом. Башня из карамельных фруктов была построена на совесть и сдавалась неохотно. Ее венчал пышный желтый цветок — не то сам такой вырос, не то повара намудрили, но имел он восемнадцать крупных лепестков и упрямо тянулся ими к едоку. Тот шел напролом, и вот наконец подводные груши были освобождены от слоя карамели, цветок отправился на блюдо, и теперь можно было приступить к кофе, сдобренному шафраном... и щебетом о книгах. Кати не умолкала. Не забывая кивать в особенно патетических местах, мастер размышлял. Ему не удавалось бы так блестяще вести деликатные дела своих клиентов, если бы не хороший слух и чутье — такое же знаменитое, как его шрамы. Люди всегда вовремя попадают на глаза. И сегодня, видно, не зря он встретил Кати. Да и вон та блондинка за дальним столиком не просто так смотрит на него, раскрыв рот. Возможно, клиент. Будущий.

А круглолицая леди болтала, не подозревая о мыслях собеседника.

— Представляешь, я раскопала легенду о нашей улице. Такое романтическое название! Оказывается, давным-давно ходило поверье, что душа хозяина может перейти в его вещь. Конечно же, это связывают с Пшо! Покажи мне хоть одну таинственную историю, которая была бы про что-то другое.

Огромный город-государство Пшо на другом краю залива был любимой темой местных фантазеров. Мастер Хал предпочитал верить фактам: закрытый город, поставщик меди с особыми свойствами. Вот и Кати торгует охранными амулетами «оттуда», хоть и не часто тамошние жители шли на сотрудничество. Когда-то смельчаки рвались чуть ли не штурмом город взять, лишь бы одним глазком глянуть, что там творится. И сейчас иногда ребята помоложе пытаются судьбу. Обычно возвращаются ни с чем. Но не все.

Кати наслаждалась ужином. Вкусная еда, приятный собеседник, чего еще желать? А что молчалив, так это хорошо даже. Был бы болтуном — как бы она столько всего рассказать успела? Да и не место разговорчивым в его деле. И мальчик милый, глаза цвета шоколадных стружек. Она когда-то здорово удивилась: волчонок ведь был, а с такими глазами. Будто в душу смотрит. С племянницей неплохо бы его познакомиться, благо она из деревни в город перебралась... Впрочем, это успеется. Да и Тимоти явно не готов жениться прямо сейчас... И Кати вернулась к любимой теме:

— С тех пор как в Королевстве издали указ о запрете на калечащие амулеты, мои мирные охранки раскупают-

ся мгновенно! Реагируют на темные мысли, вора оглушают, хозяина вызывают, — что еще надо для счастья? Вот ты хмуришься, а зря. Для счастья всего-то и надо — немножко уверенности! Я и господам медникам это сказала, так они мне тут же скидку сделали! Видать, не приходило им раньше такое в голову...

Покончив с десертом, Кати начала зевать и вскоре распрошалась, оставив на столе горсть монет. В обычном трактире на эти деньги можно было накормить троих здоровых мужиков. Тимоти остался, чтобы перевести дух и немного подумать в одиночестве. Но не успел он допить кофе, как за столик присела девушка, та самая, что смотрела на него последние полчаса не отрываясь. Довольно привлекательна, глаза из-под растрепанной челки сверкают голубым, но не в его вкусе: слишком худая и какая-то вся... лихорадочная. Будто сейчас вскочит и побежит куда-нибудь. Прямо как он в давние времена. Правда, у него тогда не было дорогого теплого плаща...

Анна настороженно смотрела на господина с браслетом... Такой суровый. А пахнет от него приятно — чем-то таким свежим, духами, что ли? Пока ее не было, прямо все стали ими пользоваться, раньше только у вельмож была такая возможность. Человек с браслетом на вельможу не походил. Очень уж вид боевой. Может, офицер Стражи? Только не такой напыщенный. И без мундира. И лицо умное. Нет, все-таки не офицер. Девушка покашляла, пытаясь привлечь внимание задумчивого господина. Он вздрогнул и поднял на нее глаза. Подстрижена как-то неровно, на шее под распахнутым плащом — медные побрякушки. Амулеты? И не похожа на клиента, совершенно.

— Здравствуйте, — несколько напряженно сказала барышня. — Я к вам с деликатным делом.

— С другими ко мне не обращаются, — равнодушно заметил Тимоти, думая о своем.

— Я с необычным делом.

— Продолжайте.

— Не могли бы вы... — девушка собралась с духом, — продать мне ваш браслет?

Не клиент. Тимоти неспешно сложил вышитую салфетку (хороший трактир, не все готовы тратиться на такие излишества), бросил на стол десяток монет и поднялся:

— На сегодня прием окончен.

— Ну пожалуйста! — взмолилась девушка.

Она еще пыталась что-то объяснить и, судя по выражению лица, врала. Кому нужен браслет, когда-то купленный им у старьевщика? Раньше сюда сумасшедшие не заглядывали, не пора ли сменить трактир?..

...Под холодным взглядом странного господина щеки у Анны стали совершенно пунцовыми. «Как же так... Это тот самый браслет! Его нельзя не узнать. Сколько я о нем думала, сколько во сне видела!» Ушел. Подозвав слугу, она выяснила, что это постоянный клиент. Значит, может вернуться завтра.. а что если нет? Анна резво вскочила и побежала за Тимоти.

Его спина маячила в самом конце улицы, благо прохожих почти не было. Девушка припустила во весь дух, но Тимоти уже куда-то свернул. Она кинулась в одну, потом в другую сторону — нет, как будто и не было. Оставалось только одно — дожждаться, когда он снова придет в трактир.

Мастера ждали бумаги. Закончить дело с тайным браком, отправить ответ магу с улицы Синих Мельниц... Дело шло вяло. Тимоти встал из-за стола и распахнул окно. Небо еще было затянуто тучами, но стало теплее. Фонарщик обходил столбы с факелом и неизменной длинной лестницей. Дождь кончился, еще когда Тимоти шел домой, и праздные гуляки постепенно выползали из трактиров, которых здесь было огромное количество. Зазывно вскрикивал лоточник, стая мальчишек бежала на торговую площадь поглазеть на представление бродячих артистов. Одним словом, улица заполнилась людьми, жаждущими вечернего веселья. Тимоти, спиртное пьющий редко и без особого удовольствия, неодобрительно смотрел на подгулявшего прохожего, который выписывал затейливые кренделя, пытаясь перейти на другую сторону улицы. В конце концов он все-таки шлепнулся в самую большую лужу, и Тимоти прикрыл окно.

Ладно, утром в голове прояснится, можно и пораньше спать лечь. Уже засыпая, Хал вспомнил давешнюю девушку. Кого-то она ему напоминала. Или что-то... Тимоти был уверен, что вот-вот вспомнит, но тут навалился сон.

Солнце клонилось к закату, когда ничего не понимающего Тимоти поставили на ринг. В прямом смысле — подняли и поставили. Он даже толком не знал, как здесь оказался. Он шел по переулку, кто-то набросил ему на голову тряпье, стукнул по затылку, и вот... Вся одежда была перепачкана чем-то вонючим, руки в запястьях

оказались перехвачены веревкой. Единственное, что крутилось в голове: выбраться, выбраться...

Эти бои были одним из самых любимых и очень доходных развлечений. Участников набирали из мальчишек, которые всегда толпятся в порту. Из тех, что похуже одеты, — таких не будут искать. От желающих сделать ставку отбоя не было.

Первым противником Тимоти был Чаки Метр-Сорок. Заслужил кличку, значит, дрался уже не раз. Значит, побеждал: неудачники званий не удостоиваются, никаких. Рев толпы глушил остатки мыслей. Было страшно, на запястья давила веревка, а в голове стучало: выжить, выжить...

Пробуждение оказалось неприятным. Тимоти сел на постели, закашлялся и начал рывками стаскивать с себя насквозь мокрую рубаху. «Завтра же надо купить новую». Тимоти распахнул окно. До рассвета было еще далеко, улица спала. Глубокая летняя тьма окружила дом, проникла в приоткрытое окно, и комната наполнилась мягкой последождевой влагой. Где-то на задворках захала сова. Мажье отродье! Опять соседи живность на ночь во двор выпустили, мало им кошек, теперь еще и совы. Белые. Но эти хотя бы потише... Тимоти вернулся в кровать, с отвращением перевернул подушку, улегся, и скоро сон вернулся. Уже не кошмар, уже почти успокаивающая, знакомая по многим предыдущим ночам картина: он откуда-то со стороны видел себя спящего, кресло у кровати, ворох одежды на нем. Ворох? С вечера все было аккуратно разложено. Узкая рука сдвинула щегольские фиолетовые штаны в сторону, и в кресло

опустился старик. Повозился, устраиваясь, и сердито посмотрел на Тимоти. «Завтра у тебя важный день, слышишь?»

2

В «охранной» лавке оказалось очень уютно. Стояли цветы в тяжелых глиняных кадках, тускло блестели на полках амулеты и еще какая-то медная мелочевка. Перекинувшись парой слов с хозяйкой, которая за две минуты успела расхвалить не только свой товар, но и соседей — парикмахера и торговца одеждой, Анна выбрала симпатичную охранку в виде бабочки. Да, надо бы и одежду купить... Хозяйка щебетала с другой посетительницей, крутя в руках связку ключей. Самую обычную связку. Но на ней болталась и отблескивала какая-то очень знакомая медная бляшка. Там насечки такие особые, складываются в буквы древнего алфавита. «Ну и совпадения...»

Анна как-то совсем растерялась. Не примут ли ее за сумасшедшую? Смутившись, она выскочила из лавки. Шагая куда глаза глядят, как-то незаметно вышла на набережную и стала ходить взад-вперед, приводя в порядок мысли.

На город медленно опускалась ночь. Резко вскрикнула морская птица. «Вообще-то хозяйка — не суровый посетитель трактира „Пшо“. Она и выглядела куда приветливей. Можно же...» Кляня свою сегодняшнюю глупость, Анна побежала обратно, но пропустила поворот. Когда она вышла к нужному месту, света в окнах уже не было...

Тимоти проснулся от стука. Натянув штаны, заспанный мастер по деликатным поручениям распахнул дверь. На пороге переминалась маленькая служанка Кати. Он не помнил, как ее зовут.

— Господин, вас очень просит прийти хозяйка.

В такую рань? Значит, что-то случилось.

— Передай Кати, я буду через час.

Закрыв дверь за девчонкой, Тимоти потер переносицу. У кого-то кости ломит к перемене погоды, а у него ныл давным-давно переломанный нос. Нечастый случай. Тимоти отправился к шкафу. С тех пор как боец-в-единственных-штанах-серого-цвета стал мастером по деликатным поручениям, одевание превратилось в приятный, неспешный ритуал. В конце концов, после дурных снов что-то такое было нужно. Что там старик про важный день говорил?.. Да ну его. «Не надеть ли вот эти зеленые штаны?» Хал мог позволить себе выбирать — в лавках одежды он был постоянным клиентом, почти с каждого гонорара что-то покупал, словно доказывая кому-то, что он уже не голодранец. Благо на улице Медных Душ можно было найти отличные товары, это вам не портовый район, где и Тимоти не всегда мог разобратъ, носила эту шерсть при жизни горная тонкорунная овца или драная кошка. О деле не забывал: дорогие цветные рубахи соседствовали с добротными куртками и штанами из практичных материалов. Плащи сплошь были темными. Лет пятнадцать назад ему бы и в голову не пришло, что плащей может быть много: у него и одного-то не было. Мажье дерьмо, сколько лет уже прошло, а все будто

вчера пришел в себя в грязном бараке, и первой мыслью было: выжил! А второй — проиграл...

Так, сосредоточиться. Подумать о деле. Например, о Кати.

На полках в умывальне были аккуратно расставлены коробочки и флаконы. Последнее время пошла мода — что мужчины, что женщины считали хорошим тоном пользоваться средствами, «умасливающими тело и радующими душу». Кое-кто из лордов вообще выливал на себя по флакону цветочного масла в день, но Тимоти предпочитал соблюдать меру.

В городе не было своих «живописных лугов, полных солнца и ароматов», как любили говорить торговцы снабжениями. Все везли из Царфата, где темноволосые девушки собирали цветы и фрукты в огромных садах, творили чудесные запахи для всего Королевства, давили босыми ногами вино — легкое, как песни, без которых ни один сбор урожая не обходился. Во всех портовых трактирах, где уже могли отличить вино от сивухи, предлагали царфатские вина, а портовые рынки полнились солнечными фруктами. Вот теперь и притирания с духами можно купить чуть ли не в любой лавке. Торговцы только радовались: всего день пути по реке, берущей начало в Царфате и впадающей здесь в Желтое море — и товар на месте.

Тимоти поплескал в лицо ароматической водой и глянул в зеркало. Пора бриться. Так, что особенного было вчера за ужином? Методично соскребая щетину, он глядел на свое серьезное отражение и вдруг сообразил, кого напоминала давешняя безумная девица. Физиономия в зеркале нахмурилась: воспоминание было не из приятных.

Всего один раз он провалил дело. Да и какое — плевое! По крайней мере так казалось поначалу. У одного знатного человека пропала дочь. Скорее сбежала, но папаша волновался. Причина побега была ясна: дом вельможи походил на золоченый склеп, а его обитатели — на привидения. На портрете, который вручили мастеру поисков, хохотала белокурая девчонка с голубыми глазами. Вельможа, как показалось Тимоти, был даже рад, что девочка проявила характер, говорят, и сам в юности из дома сбежал. Но, видно, решил для очистки совести мастера нанять.

С тех пор прошло сколько?.. Лет пять. Она или нет? Определенно было что-то общее между тем ангелом с портрета и нервной барышней в черном плаще. Впрочем, раздумья потом. Тимоти мельком глянул на браслет, расправил плечи и отправился в лавку Кати.

3

— Что?! — орала Анна, сжав кулачки. — Я теперь не могу и на лошади кататься?

— Пора тебе взяться за ум, — с неопределенным выражением лица пробормотал лорд.

Упрямица с размаху грохнула тарелку о мраморный пол. Прислуга как по команде поклонилась и вышла. Она всегда так делала.

Отец барабанил пальцами по столу.

— Дорогая...

— Мне ничего нельзя! Ты прав, так больше продолжаться не может! Я уйду из дома!

— Хватит. — Лорд несколько побелел, но сдержался. С грохотом отодвинул стул, вышел из столовой и заперся в своей комнате.

Часто моргая, чтобы не расплакаться, Анна сидела на подоконнике и теребила кружева на поясе любимого розового платья. Она уже жалела о своих словах. Ничего-ничего, можно будет поговорить за вечерним чаем. Он, конечно, думает, что она не заслужила права на собственное мнение. «Нет, я так это не оставлю!» Но тут пришла горничная с известием: лорд заболел и вниз не спустится. Анна велела отнести папе успокаивающий настой, сама сделала пару глотков и отправила горничную за новыми травками. На всякий случай.

Бездумно переставляя духи на туалетном столике, Анна хмурилась. Большие часы в холле пробили шесть. Девушка выглянула из комнаты. Все шло как обычно. В гостиной убирали со стола, дворецкий звенел ключами, вернулась горничная — молчаливая какая-то, небось тоже о здоровье лорда беспокоится...

Домоправительница раскладывала пасьянс. Девушка проворно забралась с ногами в кресло, не обращая внимания на укоризненный вздох почтенной дамы. Анна с детства обожала разглядывать старинные карты. Особенно хороши были короли и дамы. Такие красивые! У дам — чудесные платья, а короли — настоящие герои древности. Но сейчас и они не принесли покоя. Анна отправилась слоняться по дому.

Из-за приоткрытой двери в людскую доносилась негромкая болтовня слуг. Анна остановилась в холле, глядя на свое отражение в большом старинном зеркале. «Может, волосы по-другому уложить?.. Что это за дурацкие кудряшки, прямо как у ребенка... И так еще висят, фу...»

— ...не смейся!

— И что же такого гадалка тебе сказала?

— В том-то и дело! Жениха нагадала, и положительного во всех отношениях!

— Не меня в виду имела?

Дворецкий с горничной рассмеялись.

— Ты для меня староват, сам знаешь...

Анна показала язык своему отражению, кликнула горничную и потребовала новую прическу. Немедленно! Горничная быстренько нагрела щипцы и явилась в комнату молодой госпожи.

— А что ты там про гадалку говорила? — Анна с любопытством глянула на горничную.

— Ой, барышня, я же вам как раз и не рассказала! Она мне такого жениха нагадала!..

Гадалку звали Мартой, и жила она на соседней улице. Настоящая колдунья, уверяла горничная. Мол, чудеса творит в день по три штуки: на завтрак, обед и ужин.

— Так вот, Джельд, ну, хозяин кафе, что за углом, очень даже ничего. И здоровый, как бык, а то у моей бабушки три мужа было, и все от сердца померли. Ну а я...

— Так, значит, на Джельда заглядываешься?

— Это он на меня заглядывался. А вчера, можете представить, сделал мне предложение! Права оказалась гадалка-то! Мне кажется, она вообще все знает...

Не переставая болтать, горничная проворно управилась со щипцами: локоны сделала покрупнее, волосы подняла. Барышня, покрутившись сначала перед своим, а потом и перед большим зеркалом в холле, результатом удовлетворилась, и горничная вернулась в людскую. Анна задумчиво возила пальцем по своему отражению, невольно прислушиваясь к разговору.

— Так что, ты скоро замуж выходишь? — осведомился дворецкий.

— Ну да, я же тебе и говорю, за Джельда! Все как гадалка напорочила!

— Кто бы мог подумать! Поздравляю.

— Если что, у него младшая сестра есть, очень милая. Придешь ко мне на свадьбу — познакомлю... Но Марта-то! У нее дома все такое таинственное, свечи какие-то особые, а она сама...

С достоинств гадалки разговор перешел на достоинства жениха. Анна еще немного послушала, потом решительно выпрямилась и отправилась в комнату за плащом. «Будто кто мысли мои подслушал и помочь решил». Крадучись, она прошла мимо людской и выскользнула через черный ход, замирая от собственной смелости. И не слышала, как утомленный болтовней дворецкий сказал:

— И хорошо, что Джельд на тебе женится. Я уже не в том возрасте, чтобы сносить твой характер, милая моя. Тебе же только слово скажи, уцепишься и весь день разговоры разводить будешь.

— Да меня просто хозяин как раз сегодня про Марту расспрашивал, а потом просил барышне рассказать. Ну, они вроде поругались сегодня, наверно, отвлечь хотел, а я...

— Вот-вот.

* * *

Лорд сидел в своей комнате и раздумывал, к чему приведет его затея. В конце концов, гадалка уверяла, что способ верный. Осталось только убедить в этом себя.

Дело действительно деликатное. Если в городе слышат, что обокрали лавку охранных амулетов, можно прямо сразу и закрываться. Кто станет покупать охранки в таком месте? Кати держала себя в руках. Оставив в зале помощницу, она спокойно отвела мастера в дальнюю комнату и только после этого всхлипнула.

— И главное: ни деньги не тронули, ни мои драгоценности, ни амулеты! Только ключи. Значит, точно воровать собрались. Но ведь не стащили больше ничего!..

— погоди. Ты уверена, что ключи украли?

— Конечно уверена. Ночью они всегда лежат в одном и том же месте — за прилавком. Знаю, знаю, надо бы унести их в спальню, класть в тайник... Да кому же взбрет в голову воровать в моей лавке?

— Значит, кому-то пришло. Какая охранка работала ночью?

Кати принесла из зала медный амулет в виде бабочки. Такие сейчас пользовались спросом. Недорогая, но надежная модель, слышит мысли вора и вопит на весь дом.

— Как включить?

— Сейчас покажу. Берешь вот эту монетку, — профессионально защебетала торговка, — я ее на ключах ношу, — и говоришь: «Закройся, перекантарий-прантаних-панتيкус». Это, я так думаю, на каком-нибудь древнем языке. А когда открыть — «откройся», ну и так далее. Просто, удобно, никаких сбоев...

И осеклась.

Такого раньше и впрямь не было. Надо быть самоубийцей, чтобы полезть сюда с дурными намерениями,

дураком, чтобы ничего не взять... и волшебником, чтобы отсюда выйти.

— Расскажи мне теперь, что за ключи. Как выглядели? Сколько их было?

— Много: от шкафов, что в зале, от кладовой, от шка-тулки... вот такие. — Кати показала ключи. — Хорошо, вторая связка была, а то хоть и не открывайся с утра.

— Связка точно такая же?

— Да. Десять ключей, монетка от охранки... А, ну еще там штучка медная была, ничего особенного.

— А точнее?

— Медная. Я на улице как-то нашла, ну и прицепила на ключи. Круглая, с насечками, с дырочками... Вот как у тебя на браслете, только покрупнее.

Тимоти сдвинул рукав рубахи. По браслету узором шли медные бляшки разного размера. Одной, что побольше, не хватало.

— Похоже?

— Ой, ну точно, прямо как у тебя! — всплеснула руками Кати. — Не отсюда бляшка-то?

— Браслетов много, — задумчиво сказал Тимоти. — Бляшек тоже.

— И то правда.

— Расскажи-ка мне, что происходило в последние дни. Необычное что-нибудь было?

Кати только повод дай. Хал узнал все о лорде Дарти (а заодно о третьей жене лорда и новом дворцеком), послушал про симпатичную племянницу (забегала на днях, ничего не купила, но готовит отменно и нрава тихого), потом ему подробно рассказали о мадам Лили (приобрела новый амулет для кондитерской, хотя чего там красть — шоколад да взбитые сливки?)...

Тимоти решительно почесал переносицу и прервал хозяйку. Можно было забирать задаток и приступать к поискам. Кати уже не раз говорила ему, что дружба дружбой, а всякая работа стоит денег. Он не возражал, правда, с нее брал все-таки меньше, чем с прочих.

Расследование началось.

5

Действительно распогодилось, и солнце припекает, не зря переносица ныла. А вот поиски не двигались. Что Кати, что помощница ее спали всю ночь сном младенца. А соседи и постоянные клиенты только головами качали. Даже не потому, что истинная причина вопросов не называлась. Что-то тут было нечисто. И мастер вернулся с требованием еще раз припомнить всех посетителей, но назвать — нет-нет — только самых необычных. Список имен рос, Тимоти привычно фильтровал словесный поток, в который погрузила его Кати, и вдруг...

— Стоп. Повтори, что за девушка вчера приходила?

— Такая бленькая, глаза шальные, грустная, в плащ черный куталась. Странная немножко. И вся в побрякушках — я таких не видела раньше, то ли амулеты, то ли просто... Сказала, что приехала откуда-то, нужна ей охранка. Поздно уже зашла. Я стала показывать, она вроде выбрала одну, а потом чего-то задумалась, заволновалась... Так и ушла, ничего не купив. Может, денег с собой не захватила?..

— Слушай, Кати, а что у нее с прической?

— Стриженная, только вот неровно, не повезло ей с парикмахером. Я уж хотела прямо сказать, да неловко. Я тактично так порекомендовала Эйтана, ну, ты знаешь...

Да, таких совпадений не бывает. Либо среди молодых девушек вдруг образовалась повальная мода на черные плащи, неровно стриженные волосы и амулеты, либо... Тимоти глянул на свой браслет и поднялся. С соседями тут говорить не о чем... Эйтан. Юная особа долго не проходит с плохой стрижкой, побежит к парикмахеру как миленькая. Но мастер причесок, живущий на той же улице, делу не помог.

— Нет, такая не заходила. — Эйтан потер лысину и заторопился обратно к клиенту — седому торговцу, недовольному проволочкой.

Тимоти прошел по гостиницам, расположенным в округе. У него практически не оставалось сомнений: он снова ищет Анну. Распогодилось, прохожие неспешно прогуливались по центру, раскланиваясь со знакомыми, но ни один лавочник, ни один хозяин гостиницы не вспомнил блондинки с амулетами.

К вечеру Тимоти обошел чуть ли не весь район, но так и не напал на след. Это начинало раздражать. Что ж, пора отправляться в сердце города, уж туда-то стекались люди с самых разных краев света. Из поселений при Пшо, например, где больше всего было странных амулетов.

Некоторые думают, что самое важное место любого города — центр: городская ратуша, торговая площадь, но каждому мало-мальски осведомленному человеку известно: хочешь узнать важное и скрытое — иди в порт. Надо просто знать, к кому обращаться. Тимоти знал.

Но это могло подождать и до утра. Пора домой заглянуть, для разнообразия. Но перед этим — поужинать.

Минуя Храмовый квартал, где располагались самые причудливые церкви, церквушки и часовни, Тимоти услышал вопли, но останавливаться не стал. Служители культов вечно находили повод для драки: когда им становилось скучно, они вспоминали, что сосед слева молится мерзкому зверю Самраху о пяти головах, а сосед справа жрет ядовитые грибы и общается с духами огня. Праведный гнев ничуть не противоречил святости: неделями длились словесные разборки, временами переходящие в мордобитие. Потом все мирились и некоторое время жили в полном согласии.

...После тарелки жареной телятины, поданной почтенной хозяйкой ближайшего трактира, жить стало значительно приятнее. Хорошая кухня. С церковниками не пошутишь, они люди капризные. Открыл здесь трактир — приходится стараться. Может, стоит сюда захаживать почаще? Впрочем, публика оставляет желать лучшего, «Пшо» куда пристойнее. Тимоти вспомнил Анну. Она его беспокоила, как больной зуб, такого уже давно не бывало. Иногда попадались дела сложные, иногда — полная чепуха, но ни те, ни другие его по-настоящему не трогали. Да и с чего бы тут волноваться, если в результате таинственная кража могла обернуться чистой нелепицей? Собственно говоря, с его самым первым делом примерно так и вышло.

— Я вот думаю, — сказала как-то раз Кати, — не начать ли мне торговать охранными амулетами?

— Ты будешь не первая, — ответил, жуя, Тимоти. Кати сегодня баловала его пирогами с мясом.

— Да знаю, знаю, — она отмахнулась. — Просто я подумала об охранках из Пшо.

— Хм... Насколько я знаю, этого пока никто не делал.

— Вот именно! И я думаю, товар хорошо пойдет. Простые-то, калечащие, везде делают, что у нас, что в Царфате, без разницы, а у меня особые будут. Ты как считаешь?

— Почему бы и нет.

— Вот и ладно, поговорю завтра с кем надо, разведу обстановку, а там, глядишь, и на поставщиков выйду.

— Угу.

— Ты как всегда. Болтун каких поискать, — засмеялась Кати.

Тимоти улыбнулся и взял еще пирожок. Тут Кати всплеснула руками:

— Чуть не забыла! Ко мне приятельница заходила. У нее просто беда!

Подруга Кати, бывшая кухарка, удачно вышла замуж — это в ее-то возрасте! — за известного в городе торговца шелком («Такой милый господин, шутник из шутников», — щебетала невеста) по самой что ни на есть любви. Весь город об этой свадьбе говорил, но уже прошел год, и слухи поутихли.

Тимоти невозмутимо жевал.

— Ты даже представить себе не можешь! Я обещала, что никому не скажу, но ты-то уж точно не станешь по

городу с новостями бегать. У них странные дела творятся. Стоит мужу уехать — по ночам кто-то по дому ходит.

— А что пропало?

— В том-то и странность — ничего!

— Мужу она сказала?

— Деликатное это дело. Муж у нее ревнивый, смех один. Стоит ей только заикнуться — он решит, что она любовника в его отсутствие водит, а тут следы решила замести.

— И где логика? Зачем бы она тогда рассказала?

— Какая там логика! Ну решит он, что сначала любовника завела, а потом избавиться от него надумала. Не знаю я. Но жалко ее страсть, она уже ночевать дома боится.

— И что?

— Я ей про тебя намекнула, ну она и просила узнать: не мог бы ты за домом ее посмотреть? Сегодня как раз муж уезжает, она два дня одна будет. И, кстати, денег обещает, сколько попросишь!

Тимоти обдумал предложение. Отчего бы и не последить?

— Ладно. Только ей пока не говори.

Ночь он провел на свежем воздухе, познакомился с бродячей кошкой, двумя вполне респектабельными проститутками и увидел много интересного, а наутро поднялся по каменным ступенькам и пару раз дернул за витой шнурок у двери.

Звякнул колокольчик, и на пороге появилась заспанная тетушка в пестрой шали поверх халата. Разглядев, кто к ней явился, она откровенно обрадовалась:

— Ой, неужто вас Кати уговорила? Такой сильный мужчина! Любой грабитель, да что там — любой насильник испугается!

Тимоти оглядел седые волосы и пышные бока дамы.

— Разумеется, сударыня.

— А сегодня я как раз одна ночевала! И опять кто-то ходил. Не знаю, что и думать. А вы сегодня начнете, да?

— Я уже начал, сударыня. Не хотел вас напрасно тревожить.

— Ох, что же, что же? Вы их всех победили? — Дама кокетливо поправила прическу.

— Понимаете, это были никакие не «они».

И Тимоти объяснил удивленной женщине, что этой ночью в дом никто не входил. За исключением ее мужа.

— Но он же в отъезде!

— Видимо, он не всегда в отъезде, — медленно сказал Тимоти, соображая, как подать новости. Тут он припомнил рассказы Кати, и его осенило. — Скажите, как он делал вам предложение?

— Ну, просто влез ко мне в окно, в плаще, в маске, и сказал: «Обручальное кольцо или смерть?» Я так перепугалась тогда! И сказала: «Кольцо! Кольцо!» А он снял маску и достал из кармана вот это... — Тетушка, зарумянившись, продемонстрировала бриллиант на безымянном пальце.

— У вашего супруга исключительное чувство юмора. Похоже, он просто решил вас немножко попугать.

— Но зачем?

— Потому что волнение, сударыня, вам очень к лицу, — нашелся Тимоти.

Помолодевшая на радостях дама наговорила ему комплиментов. Это оказалось неожиданно приятно —

он уже и не помнил, когда его последний раз так хвалили. Пожалуй, что и никогда. А еще приятнее стало, когда она не торгуясь заплатила за беспокойство столько, сколько он сказал. Не много, но и не мало. В самый раз за одну бессонную ночь. Тимоти расправил плечи и решил, что может позволить себе покинуть кладовку Кати. По соседству как раз сдавался небольшой домик. Плата была невелика. Внеся первую сумму, он перетасил вещи и не позволил Кати помочь. У нее хватало дел в лавке, а он и сам мог все привести в порядок.

О той истории Тимоти никому не рассказывал, но скоро все, имеющие уши, знали, что он — мастер по деликатным делам.

7

После долгого дня сон пришел мгновенно. Для начала явился давешний сердитый старик. «Послушай, — сказал он, — хорошенько запомни то, что я тебе скажу...» Но сознание заволокло тьмой, и Тимоти провалился в привычный кошмар.

...Может, после первой неудачи его отпустят? Но нет, его слегка подлатали и снова поставили на ринг. Хозяин следил только за тем, чтобы все были более-менее живы, а желающие сделать ставку не переводились. Со временем Тимоти научился не вставать — бой тогда останавливался, и можно было перевести дух. На ринге руки всегда стягивали веревкой, она врезалась в кожу, и вот уже несколько дней у мальчишки нестерпимо боле-

ли запястья, особенно левое, и он не мог думать ни о чем другом. И опять был бой, бесконечный, ни конца ни края, только новое лицо, новый кулак и старая боль...

Тимоти проснулся в поту. Иногда ему казалось, что прошлое давно ушло. А иногда — что оно никуда не делось и только ждет, когда он закроет глаза. Мажьс дерьмо и десять альвийских хряков в придачу! К целителю, что ли, зайти? «Впрочем, — подумал он после первой чашки кофе в ближайшем кафе, — это всегда успеется». «К целителю... Тоже мне, еще бы к гадалке пошел».

8

Марта была дома. И ничего страшного с виду: приятная пожилая леди, поверх бордового платья — темная шаль с кистями. «Мудрая и много повидавшая», — решила Анна, усаживаясь в кресло. Она не вполне представляла, что именно хочет узнать, смущенно хваталась за рюши на платье, теребила поясок. А гадалка не торопилась: доставала карты, зажигала свечи — красивые, дымчатые, с переливами. Наконец задернула шторы и села.

— На что гадать будем, милая?

— На будущее, — решительно сказала Анна, вспомнив рассказы домоправительницы.

— Что ж, можно и на будущее.

Замелькали карты в руках гадалки и легли на стол. Масти не узнать, даром что Анна с детства на пасьянсы смотрела, как на сказку. Тут тоже вроде бы дамы были

и короли, но уж больно непривычно выглядели, да и других фигур хватало — и все разных цветов.

Очень интересно, но и страшно очень: а вдруг что плохое ждет? Марта вздохнула:

— Пять лет.

— Что пять лет? — окончательно испугалась юная клиентка.

— Через пять лет будет в твоей жизни важное событие. И как-то связано оно с болезнью твоего отца.

Анне припомнила сегодняшнюю бледность лорда.

— Что — сердце, да?

— Не знаю, милая, я не лекарь, чтобы болезнь называть.

— И что мне теперь делать?

— А это тебе решать. От тебя вопрос — от меня ответ, остальное в твоих руках.

— Вы хотите сказать, я что-то сделать могу? Не обязательно все плохо будет? — Анна возбужденно заерзала.

— В мире вообще нет ничего обязательного. И уж точно — все плохо не будет, — улыбнулась Марта, отводя глаза.

...Анна едва не прошла мимо своих ворот, так задумалась. Ужас, ужас! Но ведь сказала же гадалка — можно что-то сделать! «Зря я его обидела, — метались мысли. — Он же теперь совсем заболеет. Сама виновата — самой и расхлебывать... Но ведь это все случится, наверное, только через пять лет!.. Что же делать? Да и не лекарь я, даже вон гадалка — и то не лекарь, хотя такая мудрая женщина».

Девушка скользнула в спальню и привычно забралась на подоконник. «Какие есть у нас врачеватели?..

М-м... Нет... А этот?.. Нет-нет, никто не годится. Для папы — не годится, мало ли кого они вылечили, у него-то, наверное, болезнь тяжелая, он умереть может!» Анна покрылась холодным потом. «Папа... да как он смеет?! Он что — просто так возьмет и умрет?! Ни за что!» К тому же все в ее руках, она теперь это точно знает... «Что же делать, что же делать?..»

* * *

Проводив клиентку, Марта вздохнула. В конце концов, сумма большая. И плохим дело не кончится, это и карты говорят. Но все равно как-то не по себе от вранья. Даром что уже тридцать лет гадалка, а все не привыкла.

9

Тимоти, скривившись, оглядывал комнату. «Н-да. Второй день бумаги не разобраны. И дом пора привести в порядок...» Дом был его особенной гордостью. Какой-нибудь лорд только мимо прошел бы и внимания не обратил, что там за строение на углу улицы Медных Душ и Кофейного переулка, но для бывшего бойца это серенькое здание с неожиданно дорогими витражными окнами было олицетворением всего, чего он добился. «Ладно, девица никуда не убежит». Своему чутью Тимоти доверял: сам себе не веришь — никто не поверит. Так что пока можно и уборкой заняться.

Тимоти, посвистывая, разложил бумаги и смахнул пыль. Полюбовался на дело рук своих, передвинул стопку писем и листок со списком дел положил на середину стола. Отдельно. Вот, теперь нормально. С тех пор как он смог позволить себе все еще дорогую бумагу, работать стало значительно легче. Заглянул в умывальню — пора и тут навести порядок да прачке грязную одежду отдать, но это потом, — неспешно оделся и отправился в порт.

В порту стоял неутихающий шум. Скрипели телеги, то тут, то там слышалась чужеземная речь, местные торговцы расхваливали свои товары, боцманы распекали опоздавших матросов. Бродячие пророки, закатив глаза, вещали о скором конце света. Но этих-то почти никто не слушал. Сквозь запах соли пробивались дивные ароматы: царфатские торговцы привезли фрукты и притирания. В центр спешили на выгодные дружеские попойки и их соседи из Норвы — торговцы лесом. Продав часть товара здесь, дальше они пойдут в поселения при Пшо. Встречались и низкорослые темноволосые альвы, доставляющие в город островное кофейное зерно и закупающие лес, уголь и медь. Помимо кофе привозили они и нежнейшее просоленное сало. «Альвийский хряк» — не только ругательство, что бы там ни думали провинциалы. Хряки — звери полезные: невероятно вонючие при жизни, в соленом виде они приобретали несомненные достоинства.

Было тут и на что посмотреть. Смуглые и наивные горные жители, заглядывавшиеся на заморские диковинки и местных светловолосых девиц, становились легкой добычей карманников. Стражники зевали и почесывались, не обращая ни на что внимания. Редко, но все же

попадались люди в одежде из звериных шкур, шарахающиеся от лошадей и шумных балаганов. М-шаны. Их путь лежал на Центральный рынок. Приплывали откуда-то с верховьев реки в узких долбленых лодках, привозили на продажу все те же шкуры, воск, деревянные поделки и особый лесной мед — прозрачный и терпкий на вкус. Любопытствующие их обычно не трогали, ну разве что стянуть пару шкур от особой нищеты, но это не так легко: у м-шанов отравленные дротики и верный глаз. Кому-то все же везло, и даже удавалось заполучить амулет темного дерева с руки м-шана — штуковину сильную и бессмысленную: ну кому здесь нужен амулет от лесных насекомых?..

Когда торговцы начинали разбредаться кто куда — по трактирам да гостиницам, — выползал на улицы сумеречный люд. Шныряли сутенеры, парочками и поодиночке гуляли бледные торговки телом, опасные типы высматривали нищих подростков для подпольных рингов. Умельцы обчищать чужие карманы, отдохнув, выходили на третью смену — к этому времени здесь было полно подвыпивших матросов, желающих продолжать веселье.

В кабаке под названием «Невинная медуза», как всегда по вечерам, было шумно. Мастер по деликатным поручениям брезгливо оглядел зал. Местная публика — разношерстный народ, от матросов до удачливых воров, — и ухом не повела. Но его, разумеется, заметили. Тимоти Арестант был довольно известной фигурой — что во время боев, что потом, когда он появлялся тут исключительно по делу. И теперь его никто не звал здесь Арестантом.

Тимоти перекинулся парой слов с барменом, получил ответ на интересующий его вопрос и направился к дальнему столику, за которым допивал пиво мрачный здоровяк в засаленной куртке. Взмах рукой, и в их сторону поплыли две кружки светлого. Здоровяк одобрительно кивнул и залпом выпил полакружки.

— Брамс.

— Тимоти. Ты со «Звезды Пшо»?

— Теперь с нее, родимой, — утвердительно крикнул Брамс, вытягивая ноги. — Раньше на «Буруне» ходил.

— Девица была на корабле? Плащ черный, волосы светлые, медные побрякушки.

— Ну, была. А тебе-то что?

Что ж, за последние пару дней других кораблей из Пшо не приходило.

— Надо. Откуда взялась и куда направлялась?

— А мне почему знать? — Брамс допил пиво и выжидательно покосился на Тимоти. Тот подвинул к моряку свою кружку. Брамс медленно выцедил треть, икнул и продолжил:

— Вроде как из поселений, что возле Пшо. Сюда и направлялась. Симпатяга, а хмурая, не подступиться.

— Пробовал?

— Ну так, чисто поговорить...

— А она что?

— Отшила. Да и черт с ней, тощая, как головастик. — Брамс хрюкнул и уткнулся в кружку.

— Не говорила, куда собралась?

— Вроде ей кто-то из пассажиров гостиницу советовать стал, а она сказала, мол, город знаю, особенно центр. Я не вслушивался.

— Ясно.

Тимоти бросил на стол несколько монет и покинул кабак. Давненько не видели здесь «Звезду Пшо». Поговаривали, капитан теперь все больше в дальние рейсы ходит.

...Брамс потребовал еще пива. Девчонку бы он уломал, но не идти же против капитана? И что он в ней нашел? Вроде и в койку не тащил...

Уже идя по Кожевенному кварталу, Тимоти почувствовал спиной чей-то взгляд. Остановился, разглядывая вывеску ближайшей лавки. Проститутка скучала у стены, два нетрезвых матроса выясняли отношения, да торговец вышел подышать воздухом. Никого. Тимоти свернул в тупик. Неприметная дверь вывела его на соседнюю улицу. И через пару кварталов он понял, что слежка прекратилась. Тем лучше. Со старыми знакомыми сейчас разбираться совершенно не хотелось.

10

По всей комнате были разбросаны кружевные шарфики вперемешку с флаконами духов, шляпки белые и розовые, на столике распахнутыми стояли шкатулки. Она связала в узелок пару платьев, все свои деньги, какие-то мелочи, толком не понимая, что с собой брать, и присела на край кровати. «Больше ничего я придумать сейчас не могу. Значит — что? Надо быстрее делать то, что намереваешься, пока не поздно и все спят». Она быстро переоделась в дорожный костюм, накинула плащ и вышла, не скрипнув дверью. На рассвете она была уже в порту.

Изо всех сил делая вид, что была здесь уже тысячу раз (один раз, днем и с папой) и ничего не боится, Анна отправилась в одну из многочисленных лавочек. На прошлой неделе в конюшнях болтали, что заклинание забвения можно купить (торговец редкостями был двоюродным братом конюха). Но свиток с заклинанием нашелся только после того, как девушка показала, что у нее действительно есть четыреста монет. Зато теперь ее не вспомнит и торговец... да и вообще никто из этих, в порту. Анна вышла из лавки и сморщила нос, оглядывая грязные телеги, грязных людишек, причал, корабли...

Первый же капитан согласился подбросить ее в поселения при Пшо — то ли сумма оказалась достаточной, то ли внешность тому поспособствовала. Вовремя: уже на корабле заклинание действовать перестало. По правде сказать, сумма была немалая, не слишком дочь лорда в ценах разбиралась, а в середине пути капитан Лестер решил объяснить девушке свои истинные намерения:

— Дорогуша, — в открытом море капитан осмелел, — старый морской волк, может, и не знает особых подходов, но приятно провести время и он не прочь. Ты понимаешь, о чем я?

Как ни странно, Анна умудрилась его отшить — даром, что ли, дни напролет на конюшне проводила. Отец, наверное, в обморок бы упал. Да и капитан явно не ожидал такого отпора. К счастью, характер у него был отходчивый, так что подивился он на такое чудо природы, рассмеялся, и довольно скоро они поладили. Тем более что девица оказалась отличным пассажиром: вела себя тихо, не перечила, а капитанские вечерние байки о былых временах в кои-то веки имели огромный успех.

Когда девчонка сходила на берег, Лестер, смущаясь, вручил ей подарок — бутылку крепчайшего рома. Анна взяла с капитана клятву, что он не станет болтать. Капитан заверил, что ни он, ни команда не промолвят о пассажирке ни словечка. К тому же он собирался загрузиться пряностями и отправиться на дальние острова. Расстались они почти друзьями, и Анна отправилась в поселение.

Некоторые искатели счастья оседали у стен Пшо. Выросли улицы, и даже храм тут был — небольшой, посвященный морским духам и богу удачи одновременно. Как-то умудрялись уживаться покровители поселка под хоть и красивой, но одной крышей. И, судя по благосостоянию населения, им здесь нравилось.

Местные наладили торговлю — тут оказался идеальный климат для некоторых сортов овощей, да и медные амулеты и редкие пряности очень ценились на той стороне залива. А те же амулеты можно было сторговать у жителей Пшо по хорошей цене. Да и ученым тоже что-то иногда требовалось. Много было в закрытом городе, но дерево, скажем, сюда доставлялось морем из самой Норвы. Предприимчивые поселяне оказывали посреднические услуги и жили хорошо.

В гостинице оказался вполне приличный номер, с пятью зеркалами и шелковым постельным бельем. Но на этом везение кончилось: у ворот стояли стражники. И вход был только по каким-то хитроумным пропускам. Огромные голубые глаза, за которые Анне всегда доставалось лишнее пирожное, а потом и восемнадцатая пара туфель, тут не помогали. Ворота оставались закрытыми: нет пропуска — нет входа.

Время в бараках летело и тянулось, его было много, и все оно было боем или передышкой между боями. Сначала Тимоти просто дрался, но веревка все глубже уходила в кожу. Вообще-то драться со связанными руками могли только очень сильные, ловкие бойцы, владеющие специальной «техникой арестанта». Тимоти никогда не сидел в тюрьме, и сейчас он вдруг подумал, что на запястьях останутся следы, как если бы сидел. Тут-то он и разо-злился в первый раз. И с тех пор больше не проигрывал.

Он поклялся себе выбраться отсюда. Его переселили в почти приличную комнату, стали давать деньги — правда, совсем гроши — и раз в неделю отпускали гулять. Можно было сбежать, а толку? От хозяина и его громил не скроешься.

На ринге все теперь зависело от Тимоти: он выходил и вглядывался в противника. Иногда сразу, иногда через пару минут он начинал видеть все его слабые места. После этого остановить парня было невозможно. Хозяин, Шабати, был доволен: охотников поглазеть на Тимоти Арестанта становилось все больше и доходы росли. Боец упивался победами.

У хозяина тоже было слабое место — его сын Джек, которому прощались любые капризы. И Тимоти стал следить. Грехов у сынка, в его шестнадцать лет, оказалось довольно много. Но это ничего не давало — пока не давало.

Хозяин богател, привыкал к комфорту и, как приличный человек, завел официальную любовницу. Завалил подарками, домик купил, даже предложение сделал. Она от-

казалась: женам такого внимания не достается. Судачили, что раньше она в публичном доме работала, но подобные разговоры Шабати быстро пресек...

Тимоти пришел в себя недалеко от Оружейного квартала. У него пересохло во рту, и он завернул в первый попавшийся трактир. В ожидании заказа бывший боец задумчиво потирал браслет. Когда принесли кружку кваса и здоровенное блюдо с мясными лепешками, Тимоти был уже бесстрастен, сосредоточен и о прошлом не думал. Что бы девица ни учудила, дело с кражей скоро закончится. Джек вон тоже считал, что непобедим...

12

У юных бойцов были простые желания, но, увы, в «Портовом рау» бесплатно не работали. Тимоти откладывал медяки до тех пор, пока не набралось достаточно, и теперь он мог — уже во второй раз! — отправиться в этот прекраснейший бордель. По дороге он насвистывал, обходя стороной слишком заманчивые прилавки с чужеземными товарами и перепрыгивая кучи мусора. Пригревало, солнце отражалось в медяшках на ближайшем лотке. Мимо спешили по своим делам торговцы. Хозяин заискивающе поздоровался: видел Тимоти в деле.

— Может, что показать, молодой господин?

Молодой господин пробурчал что-то отрицательное, утер припухший нос рукавом и пошел дальше.

— Надо было добавить «спасибо», — слышался звонкий женский голосок.

Тимоти повернулся и увидел даму, кругленькую и веселую. Она поправляла седеющие кудри, выбивающиеся из-под шляпы, и с улыбкой разглядывала бойца.

— Шли бы вы за покупками, сударыня, — неприветливо отозвался Тимоти.

— Так я и иду, — охотно закивала тетушка. — Ты не подсказешь, тут где-нибудь товарами из Пшо торгуют?

— Да везде, — пожал плечами Тимоти.

— Нет, — рассмеялась дама, — мне бы настоящие. Парень хмыкнул.

— У старого Салима спросите, вон он стоит. — Тимоти показал на давешнего торговца. Тот скучающе разглядывал матроса, который, икая и придерживаясь за стену лавки, пытался охмурить тощую брюнетку. Она хихикала и махала на матроса рукой. Нет, не согласится...

— Вот спасибо тебе, — обрадовалась тетушка. — Возьми.

И она протянула ему ароматную булку. Тимоти собрался уже возмущенно отвернуться, но почувствовал запах корицы и замер. Не так уж часто ему приходилось есть такое. Он с подозрением глянул на женщину. Та продолжала искренне улыбаться. Тимоти взял теплую булку и впился в нее зубами. А тетушка перехватила корзину поудобнее:

— До свиданья, мой мальчик. Не знаю, как тебя кличут, а я Кати.

— Спасибо, Кати, — неожиданно буркнул Тимоти с набитым ртом.

Кати звонко и совсем не обидно рассмеялась:

— Пожалуйста!

...Тимоти возвращался из борделя довольный: красотка Джинни была сегодня на высоте, насколько он мог судить. У прилавка Салима толпился народ. Телегой, что ли, кого переехало? Да вроде нет... Народу собралось немного, но галдели громко. Особенно возмущенная дама в центре. Знакомая... Тимоти раздвинул людей плечом:

— Что тут стряслось?

— Да я кошелек достала, чтобы амулет купить, а потом другой увидела, так я кошелек обратно положила, потом решила все же тот взять, хватать — а кошелек-то нет! — зататорила Кати.

Толпавокруг вяло зашумела: мол, да, нет кошелек-то.

Тимоти хмуро поглядел вокруг, и народу сразу стало меньше. Остались только участники событий и самые любопытные: Салим сулил клиентке скидку, если она сегодня же вернется за товаром, нетрезвый моряк, пользуясь случаем, пытался ухватить девицу под локоток, разевала рот торговка сладостями. Рядом с ней стоял Джек Шабати, сын хозяина ринга. Про него ходили слухи, что на досуге он развлекается мелкими кражами, но за руку его не ловили, да и с отцом связываться охотников не было. Тимоти потер переносицу, которая все еще ныла после последнего боя, и шагнул к Джеку. Тот как-то сразу поскутнел и засобирился по своим делам.

— Отойдем.

Джек независимо расправил худые плечи, но пошел. За углом было потише.

— Сам отдашь?

Парень ощерился:

— И что ты мне сделаешь? Ударишь? Отец узнает — тебя в живых не будет.

— С сопляками не дерусь, — равнодушно ответил Тимоти. — А вот рассказать твоему отцу, кто без спросу облегчает его кошелек, — могу.

— Да кто поверит бойцовому мясу, — ухмыльнулся Джек.

— Ты не дослушал. Надо иметь терпение. Папочка тебя даже, может, простит. Если не узнает один секрет...

Джек насторожился.

— Он же понятия не имеет, что деньги пошли на его бабу, да?

Тут золотой сынок дернулся, как от удара.

— Молчишь? Хорошо. Вот и я буду молчать.

— Что за это хочешь? — процедил Джек.

— Зачем тебе этот кошелек? У тебя и папочкиных денег хватает. И еще одно. Тебе же не надо, чтобы я к твоему отцу приближался? Вот ты ему и скажи, что меня не любишь. Тем более что это правда.

Секунду поразмыслив, Джек достал кошелек и швырнул его на землю.

— Иди. И не забудь про второе условие.

Джек Шабати с ненавистью поднял глаза:

— Не сомневайся.

* * *

Народ расходился. Кати расстроено отмахнулась от торговца и зашагала в сторону центра. Боец догнал ее и вручил кошелек:

— Он под прилавок упал, вы бы его и не нашли. Темно, крысы, я сам еле углядел.

Кати пораженно смотрела на юношу. Потом, не веря, взяла в руки пропажу. Да, это был ее кошелек — малиновый, расшитый бисером.

— Вот я дура! Могла бы и сама догадаться. Вечно, как заболтаюсь, такая рассеянная делаюсь...

— Ничего, бывает, — пожал плечами Тимоти и развернулся, чтобы уходить.

— Постой! Как же мне отблагодарить-то тебя?

— Булка была вкусная, — хмыкнул Тимоти.

Кати рассмеялась.

— Будешь на улице Медных Душ, заглядывай в магазинчик на углу. Скобяные и медные товары старика Шамона. А булочки я просто так пеку, в свободное время. И пироги с мясом. Редко, правда. Теперь буду чаще.

13

Когда мясные лепешки кончились, Тимоти хмуро рассчитался и покинул трактир. Пора бы и домой. По дороге к нему привязался монах, семенил рядом, бубнил — не то желал обратить в свою веру, не то денег просил. Тимоти довольно быстро это надоело, и он остановился. Приободрившись, монах громче забормотал про помощь богоугодному делу (все-таки, значит, деньги?), но Тимоти не слушал, ему проповедники всех мастей еще в порту надоели. Он просто повернулся так, чтобы свет фонаря падал на его лицо, и посмотрел на монаха. Молча. Монах как-то сбился с ритма и скоро замолчал. Тимоти развер-

нулся и пошел своей дорогой. Этот взгляд работал всегда; Кати говорила: «В душу смотришь». Видно, немало было пороков у святого человека, если от взгляда в душу ему нехорошо. Впрочем, действовало на всех. Разве что кроме Кати.

Дома он рухнул на кровать. Выспаться бы. Но стоило закрыть глаза и задремать, как снова явился старик и забубнил прямо в ухо: «Сколько можно тебе сниться? Помогаю, поддерживаю, а ты? Запомни...»

И стало темно.

Утром он поднялся с тяжелой головой и смутными предчувствиями. Выпил воды и констатировал, что совершенно не готов к работе. Значит, для начала надо как следует позавтракать.

До сих пор любые дела только увеличивали список его побед. Что в центре, что в порту, где в чести были только большие деньги и сильные руки. Надо уже отыскать девчонку. Тимоти, одеваясь, глянул на свои окна — многоцветные, витражные. Хороший выбор. Стоили невероятную сумму денег, но теперь даже и сумеречный свет, проходя через зеленые, желтые, красные кусочки слюды, становился теплым, леденцовым, ягодным. Тимоти с удовольствием вспомнил расследование, после которого он смог наконец позволить себе такую роскошь. Дело, к слову сказать, оказалось пустяковое. И вообще жизнь в ту пору была легка и прекрасна, и он даже позволял себе быть добрым, когда дело того не требовало. Хотя тогда уже начались кошмары.

...Это была его первая победа. Вокруг, будто в тумане, плавали лица, голоса, а новый противник, Дурында Смит, ухмылялся напротив. Злость постепенно затопила голову Тимоти — от уха до уха. Он перестал видеть перед собой человека — только кулаки, локти, колени, голову — большую, как мишень. Тимоти сделал шаг, и, видно, Смит что-то такое увидел в его глазах, инстинктивно дернулся, пытаясь прикрыть пах... и открывая голову. Тимоти пружинисто качнулся и пошел вперед. С этой минуты он уже ни на что не отвлекался, только бил, бил в раззявленную рожу Дурынды Смита, который становился все красивее, щедро поливая ринг собственной кровью.

Проклятье! Да сколько можно, уже третью ночь... Вот зачем, спрашивается, людям пять котов?.. Ор нечеловеческий.

Когда Тимоти пошел на противника, хозяин, лениво поглядывающий на табло, где мелом писали ставки, развернулся к рингу и так и застыл, разинув рот, у канатов. С последним ударом Смит лег. Хозяин встрепенулся, шагнул вперед, подал Тимоти полотенце. Толпа притихла. Шабати резко вздернул руки мальчишки вверх, и человеческая масса взорвалась многоголым воплем. Когда удалось опустить руки, Тимоти осторожно вытер лицо и бросил полотенце на тело Дурынды Смита, который, кажется, еще дышал.

Когда молодой мастер купил браслет и закрыл шрамы, ему казалось, что прошлое должно уйти из памяти. Зажил переломанный нос, на запястье уже через год остались только белые тонкие нити. Но боль стала стучаться в его сны. Днем Тимоти старался все это не вспоминать. Бывали и другие видения: он смотрел на себя спящего и слушал надтреснутый старческий голос; речи старика были туманны. Тимоти не вникал, просто отдышал от кошмаров. Как ни крути, это было лучше, чем всю ночь драться с воспоминаниями. Намного лучше.

Чья-то рука отодвинула лежащую в кресле одежду, и вот уже там сидит старик в темном одеянии, внимательно смотрит на спящего и что-то говорит, но слов не разобрать. Тимоти досадливо морщится, старик наклоняется к его руке, дотрагивается до браслета, и сон уходит.

Прямо с утра появилась новая клиентка. Тимоти и так не выспался, а тут еще она со своими всхлипами.

— Он просто исчез! — дама высморкалась в платочек с монограммой. — Я встаю утром, а его нет. Нигде нет!

Тимоти переждал очередную волну рыданий и задал наконец вопрос:

— Кто именно исчез?

— Лорд, разумеется, кто же еще! — Клиентка снова заплакала.

Обручального кольца нет, платье богатое, поджатые губы... Похожа на благоустроенную, но несколько заброшенную, как никому не нужное древнее поместье, старую деву. Значит, не муж. И не сын.

— И что же? — осторожно спросил Тимоти.

— Он мне очень дорог. Я все готова отдать, лишь бы вы его нашли! — Она умоляюще смотрела на мастера.

— Расскажите подробнее, что было вчера.

— Я, как всегда, легла спать рано. Он попил молока и тоже пошел. Его ложе стоит у меня в спальне.

— То есть обычно он спит там?

— Да. Он так любит свою атласную подушечку и бархатное одеяльце! Иногда, правда, ему хочется поспать в шкафу, но это редко. К тому же в шкафу ему неудобно — он такой большой, ему негде развернуться и вытянуть лапы!

Дело начинало проясняться.

— А сегодня... сегодня... Я уже и под столом, и в шкафу искала, и в кладовку заглянула! Пропал! Я: «Лордик! Лордик!» — а он даже не мяукнул.

Вот и дошли до сути. И тут кошки.

— Скажите, сударыня, почему вы обратились именно ко мне?

— Ах, мне говорили, что вы лучший специалист в городе.

— Но я занимаюсь деликатными делами. Возможно, вам просто стоит расспросить соседей?

— Что вы! Представляете, что тогда будет? Лордика я купила три года назад за огромные деньги! Он же из Пшо! Представляете, сколько он стоит сейчас?.. Его просто поймают и запрут и продадут кому-нибудь другому, а он... — Конец фразы потонул в новых рыданиях.

Да, она была права. Искать следовало быстро, иначе и Тимоти мог не уследить, кто купит породистого кота из Пшо.

— И приведите ко мне виновного! — Дама сжала платочек в кулаке. — Он у меня пожалеет!

Тимоти, поколебавшись, решил оставить браслет дома. Он еще не привык к нему.

Госпожа Мидора уединенно жила в богатом поместье в окружении трех слуг. Магическая защита была хоть куда, мастера ставили, так что чужие вряд ли отважились бы сюда полезть. Служанка отпадала: взяв два выходных, она отправилась к тетушке на именины. Тимоти не поленился сходить на другой конец города и проверить — обе на месте. Даже в домик заглядывать не надо: стены сотрясались от музыки и плясок. Тетушка явно любила веселье. Соседи подтвердили, что в доме вторые сутки пляшут и поют песни. Оставались дворецкий и жена его, кухарка. Дочку можно не считать: хилая, вечно болеющая, она практически не выходила из флигеля.

...Не успело солнце склониться к деревьям огромного цветущего сада, как у Тимоти было достаточно подозрений, чтобы завершить дело.

Дворецкий наводил идеальный порядок в блистающей чистотой кладовке.

— Что желает господин?

— Мне нужна ваша помощь. Мы не могли бы пройти к вам во флигель?

— Разумеется. — Дворецкий явно нервничал. — Я только предупрежу жену, вдруг она не совсем одета, вы понимаете...

Солнце заливало флигель теплым, яблочно-желтым светом. Тимоти усмехнулся, выждал минуту и распахнул дверь. Это был его любимый момент: они, конечно же, не успели. Да и трудно посадить огромного кота

в маленький шкаф, когда он этого не хочет. Не шкаф, разумеется, а кот.

— Не губите! — бухнулся на колени дворецкий. Жена, охнув, прижала руки к пунцовым щекам. Дверь в соседнюю комнату была плотно закрыта. Кот с длинной струящейся шерстью, недовольно отряхиваясь, вернулся обратно на кровать, с которой его явно только что стащили, и принялся умываться.

— Прямо сейчас вы его берете и возвращаете хозяйке, — негромко проговорил Хал.

Дворецкий поднялся с колен и забормотал, сокрушенно дергая себя за седеющий чуб:

— Вы только не думайте, что я из-за денег. У нас дочка болеет очень, все больше лежит. Ей скучно, мы же все время на службе... Вот она кошку и захотела. Так просила, так плакала... Ну я и подумал, хозяйка не заметит, если я Лорда позаимствую на часок, пусть поиграет. Некогда мне бегать по городу, котов искать. А дочка с ним расставаться отказалась, ну наотрез! Я уж не знал, что делать, думал — вот она заснет, я кота обратно и отнесу... Сударь, вы все-таки расскажете хозяйке?.. Лорду мы, право слово, ничего плохого не делали! Я же не по злому умыслу, мне дочку жалко стало, понимаете?

Тимоти, игнорируя последний вопрос, наблюдал в приоткрытую дверь, как солнечный луч путешествует по листьям деревьев. В конце концов, это выход.

— Пойдемте.

Жена дворецкого попыталась что-то сказать, но тот жестом остановил ее и, понутившись, отправился за Тимоти.

Они шли молча. Свернув на улицу Медных Душ, Тимоти косо глянул на дворецкого: по лицу было видно,

какие именно ужасные догадки приходят ему в голову в данный момент. «Хорошо быть знаменитым бойцом... а мастером по деликатным поручениям еще лучше: никто не знает, чего от тебя ждать». Хал улынулся собственным мыслям. Но вот они миновали его обиталище и остановились у соседнего дома. Открыла растрепанная баба с поварешкой в руках.

— Здравствуйте. Мы по поводу кошек.

Баба возбужденно всплеснула руками, и Тимоти отодвинулся от поварешки подальше.

— Ой да, знаю, опять они ночью орали. Совсем спать не дают? Но мы уж думали, думали... Их, когда четверо, еще ничего, а вот как пятый появился — дерутся, хотя он-то сам тихий, ласковый. Уж и не знаем, как быть. Вы нас простите великодушно.

— Я вам сейчас помогу. Вот этот господин, — Тимоти подтолкнул в спину дворецкого, — очень хочет взять вашего кота.

— Правда, что ли?

— Правда, сударыня, — поклонился дворецкий, успевший сообразить, что его, кажется, сегодня не казнят. — Я даже могу обещать, что с ним никто не будет драться.

— Вот хорошо-то! — обрадовалась баба. — Я его вам прямо сейчас и вынесу! Только вы о нем заботьтесь, а то мы его с улицы взяли, он и так намучился...

На обратном пути дворецкий со счастливой улыбкой прижимал к себе крупного серого кота. Тот не возражал. Кажется, ему даже нравилось, что его почесывают за ухом. И главное — никаких драк!

Семейство пришло в полный восторг, когда кот прошеествовал к миске с молоком. Тимоти вернул всех на

землю, напомним о Лорде: тот забился под стол и в ужасе взирал на серого пришельца. Дворецкий хлопнул себя по лбу:

— Хозяйка меня уволит!

— Нет, если вы ничего не расскажете.

— А как же...

Тимоти перебил дворецкого:

— Я попросил вас показать мне сад. Там мы и нашли Лорда. Видимо, он решил поохотиться на мышь. Да, на мышь. Вон на той яблоне. — Тимоти показал на раскидистое дерево, которое виднелось в дальнем конце сада. — Вам самому нипочем было не снять кота. И я вам помог.

Потеряв, видно, дар речи, дворецкий безропотно прошествовал за Тимоти к хозяйке. Та была совершенно счастлива: Лордик даже не покидал пределы поместья, ничем не заразился и не успел набраться вредных привычек! Она рассыпалась в любезностях и без единого возражения выложила оговоренную сумму.

Дворецкий догнал Тимоти на пороге и попытался, непрерывно кланяясь, выразить свою благодарность, но Хал спешил домой; он и так сделал больше, чем собирался. Дело закончено, поесть бы и — теперь уже было можно — выспаться. Кстати, надо взять на заметку отличное ругательство: «Ну ты, мышь на яблоне». На юных, скажем, воришек должно производить неизгладимое впечатление...

Вернувшись домой, Тимоти все-таки надел браслет, так почему-то было спокойней. И в ту же ночь снова явился старик. На этот раз он успел представиться: его звали Арье, и он, видите ли, хотел Тимоти помочь. Что-то

толковал про шрамы на душе, про силу чувств, но с первыми лучами солнца исчез.

С утра Тимоти опять был не в духе. Чего этот старик лезет в его сны? Помощь не требуется, всегда сам справлялся. Это, конечно, не кошмары, но... Ладно, хорошо хоть детство золотое сейчас не снится. Вот это было бы чересчур.

15

— Ужинать!

Мальчишка не реагировал. Камешек в его руке блестел, искрил на солнце, разгораясь цветными огоньками. Ни у кого таких нет, а он целый мешочек набрал. Сам.

— Кому говорю, мажье отродье! — Мать стояла в дверном проеме, широко расставив ноги, чтобы не упасть. — Иди сюда!

Тимоти засунул мешочек за пазуху и нехотя подошел к матери. Не в настроении она сегодня. Как обычно. Тимоти шмыгнул в комнату и украдкой поглядел на подоконник. Утром в бутылки оставалась еще половина... Но это утром.

— Я сколько раз говорила, чтоб ты шел, когда тебя зовут?

На звук пощечины выглянули сестры, а младший братишка зашелся ревом.

— Быстро за стол, сто раз приглашать не буду. Чтоб вы все пропали...

Мать швырнула на скатерть обшарпанную посуду, выставила горшок с супом, едва не опрокинув его на

Тимоти, пробурчала что-то себе под нос и удалилась. Через пять минут дом наполнился храпом. Суп опять жидкий и безвкусный... Теперь можно было разговаривать хоть в полный голос, но все сидели, уткнувшись в миски.

Их было пятеро у матери, но ее это не особенно заботило. По крайней мере сколько он себя помнил, мать обращалась к нему, только чтобы обругать или позвать обедать. Да и то не каждый день. Только старшая сестра иногда рассказывала малышам сказки о воителях, злых чародеях и ужасных морских чудовищах. Тимоти больше всего нравились истории про героев древности. Гордые и сильные, они никого не боялись, каждый день совершали подвиги и даже не просили награды. Хотя обычно ее, конечно, получали.

Тимоти потер щеку и сунул руку под рубашку — не выронил ли мешочек. Когда сестра начала собирать посуду, мальчик с облегчением выскочил из дома. Скоро мать уйдет, и будет совсем хорошо: в свободное от дешевого вина время она служила посудомойкой на соседней улице. Отца Тимоти не помнил.

16

Ужасно. Все это совершенно ужасно. Анна плюнулась на скамью и задумалась, как там поживает отец. О, опять кто-то мимо идет. Она проводила взглядом упитанного мужчину в расшитой одежде. Стражники его тоже заметили:

- До свиданья, сударь. Всего хорошего.
- И вам не болеть. Ну и погодка, верно?

— Верно, ветер так и свищет.

Весьма довольный торговец удалялся. На губах его расплывалась улыбка. Шутка ли — мешок монет за сушеные травы? Ну, скажем, часть сегодня осядет в карманах трактирщика...

— Сударь! Сударь? — Грезы были грубо прерваны воплями какой-то девицы. Ну вот, оторвала от важных размышлений — заказать пиво темное или светлое?

— Здравствуйте, сударь. Простите, вы не могли бы мне помочь?

— Чем же?

— Понимаете, мне очень нужно попасть в город. Очень.

— Ну, это всем нужно.

— Но мне по важнейшему делу!

— Вот и я говорю — всем по важнейшему делу.

— Но, понимаете, пропуск...

— Понимаю, милая, понимаю.

А плащ неплохой у девицы. Был когда-то. До чего довела хорошую вещь... Так светлое или темное?

— Не могли бы вы помочь мне с пропуском?

— Никак не могу, дорогая моя.

— Но вас ведь стражники уважают, я видела, как они с вами здоровались!

— А как же, конечно, не последний, чай, человек...

Пожалуй, темное.

— Помогите, пожалуйста, а?

— Да понимаешь, какая штука... — Торговец благодушно осклабился. — Я б тебе и соврать мог, да больно настроение у меня хорошее. Нет у меня пропуска-то.

— Как нет?..

— Да вот так и нет. Я товар у ворот и сдаю. Да с этой, с этой стороны. Человек приходит — я ему товар, а он мне — деньги.

Анна ссутулилась и замолчала. Торговец похлопал ее по плечу:

— Да ты не печалься, милая. А то хочешь, пошли со мной в трактир. Я такую сделку сегодня провернул! Посидим, выпьем, а? — Торговец пригляделся к девушке, поправил богато украшенный пояс и подмигнул.

— Нет, спасибо, — пробормотала девчонка и пошла прочь.

— Ну как знаешь. Передумаешь — я в «Пышечке», за углом!..

...Пришлось переехать в дешевую гостиницу. Нет горничной, вообще никаких слуг нет, горячей воды — и то не дождешься. Анна пыталась заговаривать с выходящими из города, но они только отмахивались. Что им худющая замарашка, в которую превратилась дочка лорда? Волосы висели сосульками, на лице выделялись одни глаза. И деньги на исходе, а стража по-прежнему неумолима.

— Скажите, — допытывалась она, — но ведь как-то же люди пропуск получают?

— Идите себе, барышня.

— Да что ж такое... А если я отниму у кого? — насканивала Анна. — Вот возьму да ограблю! Тогда пропустите?

Стражники рассмеялись:

— Девушка, да вы сами не знаете, куда хотите пройти. Пропуск в Пшо отнять невозможно. У нас тут всё, — стражник проговорил по слогам, как ребенку, — волшеб-но-е.

В гостинице ей сказали, что пропуска для свободного хождения выдают только жителям Пшо, а уж если возникает нужда внутрь кому чужому попасть, требуется разрешение от главы. Но это не так уж часто: почти все необходимое создавалось и выращивалось в пределах городских стен, а письма и кое-какие товары принимали у ворот.

Девушка каждое утро проходила мимо Морского храма, где молились и духам, и богу удачи. Через неделю она начала подумывать, не зайти ли тоже. Но гордость не позволяла: что, неужто она сама, без всяких там духов, не может попасть в город?! Снова и снова приходила она к городским воротам. И не перелезть: стена гладкая, высокая. А поверху, говорят, магическая защита — считай, все та же стена, только невидимая, были уже желающие проверить. Но Анна старалась не падать духом. Отправила с оказией отцу весточку, чтобы не волновался, и искала выход. Вернее — вход.

Когда и за дешевую гостиницу платить стало нечем, она переехала в комнатенку к какой-то старухе, которая брала постояльцев за пару монет. Но на еду оставалось совсем чуть, да и не привыкла дочка лорда жить впроголодь. Но и с этим смириться можно, если бы не отсутствие горячей воды. И не стадо старухиных внуков, которые будили ее воплями каждое утро. Противные мальчишки.

17

— Хорошие камешки.

Тимоти резво обернулся, пряча мешочек под рубаху. Интересно, и давно тут сосед стоит? Почти ровесники,

они здорово отличались внешне: по сравнению с Кулаком Тимоти казался просто мелкой сушеной рыбкой-поскакушкой.

— Продашь?

Тимоти замотал головой.

— Ножик за них дам. У отца возьму. — Веская фраза прозвучала совсем по-мальчишески: у парня ломался голос.

— Нет.

— Ну раз по-хорошему не хочешь...

Парень сплюнул в пыль и пошел вперед, засучивая рукава. Он вообще не дурак был подраться, не зря его прозвали Кулаком. Тимоти вспотел, но не двинулся с места. Еще не хватало убежать. Потом вся улица смеяться будет. Кулак неспешно шагал вперед, не ожидая сопротивления. И вдруг Тимоти неожиданно для самого себя замахнулся и с силой ткнул рукой в лицо противника. Как попало, но Кулак схватился за нос, недоуменно посмотрел на перепачканную ладонь и побледнел. «Да он крови боится!» Тимоти уже видел однажды такое лицо — у сестры, когда та углядела в комнате мышь. Можно подумать, редкость... Не дав противнику опомниться, Тимоти толчком сшиб его с ног и бросился вниз по улице.

Он никому ничего не сказал. Несколько дней ждал, что Кулак явится мстить, и не один. Раздумывал даже, не сбежать ли в порт? Или вообще в Пшо податься... Это были привычные мысли, но Кулак не появлялся. «В конце концов, никто же не видел, как мы дрались? — размышлял мальчик. — Значит, и позора никакого». И расслабился. Но когда через неделю он шел по Старому переулку, от стены отделилась знакомая тень.

— Ну, — насмешливо сказал Кулак, выщелкивая из ладони ножик, — и что ты теперь скажешь?

Тимоти что-то не помнил, чтобы раньше Кулак брал в руки нож. И вокруг никого.

— Теперь-то не сбежишь, — злорадно ухмыльнулся Кулак.

Не отводя глаз от блеснувшего лезвия, Тимоти набрал воздуха и затараторил:

— Не трогай меня, пожалуйста, ну пожалуйста, не трогай!

Кулак захихикал:

— Ой, не могу! Наш смелый красавчик подал голос!

Тимоти, медленно приближаясь к Кулаку, продолжал умолять:

— Я тебя очень прошу! Хочешь, я тебе камушки отдам? А хочешь, у матери деньги стащу?

Кулак, упиваясь победой, картинно потер подбородок, не выпуская ножа. Лезвие ткнулось в кожу, и Кулак отдернул руку. Тимоти рванулся и оказался у него за спиной. Кулак завертелся, как укушенный, но поздно: правая рука была уже заломлена за спину, и нож вывернулся из пальцев. Мальчишка попытался ударить ногой, но лезвие появилось у самого его лица. Он замер.

— Чувствуешь, Кулак? — хрипло сказал Тимоти, переводя нож ближе к горлу. — Посмотрим, какого цвета у тебя кровь? Обещаю, ты тоже увидишь.

Кулак что-то просипел.

— Не хочешь? Ну, говори! — Тимоти слегка отодвинул лезвие. Кулак рваным шепотом проговорил:

— Нет, отпусти!..

Тимоти отшвырнул парня к стене ближайшего дома.

— Помни: я знаю про тебя все. Будешь сидеть тихо — все будет хорошо. Не будешь — все будет плохо, хоть в Пшо сбеги. Усек?

Кулак сполз по стене и молча смотрел на Тимоти, сглатывая и не зная, чего ждать. Тимоти сделал шаг вперед.

— Я задал тебе вопрос.

— Усек, усек, — торопливо проговорил Кулак, поднимаясь, затравленно глянул на победителя и вдруг бросился наутек.

Тимоти, часто дыша, посмотрел ему вслед. А потом сунул нож в карман и дрожащей рукой вытер лицо.

18

Лорд заметно осунулся. Ему уже не казалась блестящей идея с мнимой болезнью. Ну и что, если девочка интересуется только танцами и верховой ездой? В ее возрасте это нормально. С другой стороны, лорд чувствовал, что прав. Но все равно корил себя за жестокость.

Попытка нанять мастера ни к чему не привела, зато пришло известие от Анны. Уже что-то. И лорд на некоторое время замкнулся в собственном мирке, полном больших денег и большой скуки.

* * *

...Все было зря. Самые ученые люди живут в Пшо, это всем известно, да только... Анна без сил сидела у ворот. Чего тут было в достатке — так это скамеек. Хотелось есть. Хотелось булочек! Пирожных! Ягодного десерта!!

Вчера она отдала за комнату последнее — бутылку рома, подаренную капитаном.

— Апчхи!! — Анна достала из кармана грязноватый кружевной платочек.

Стражники вели бесконечный диалог. Он не содержал ровно ничего интересного и постепенно уводил в дрему...

— И тут она, понимаешь, заявила: «Да я с тобой и говорить-то не хочу!»

— Ну а ты?

— А я ей: «Кто ж тебе разговаривать-то предлагает?»
Стражники заржали.

— Эх, хороша девица Аделина, да не по нашу душу.

— Может, и не по твою. Но у меня-то с ней сладится, дай только срок.

— Да ладно. Ты на нее смотрел?

Ветер усиливался, и девушка, кашляя, плотнее запахнула плащ.

— А как же! Волосы — чистая медь, глазищи — во! А уж все остальное...

— Ага. Думаешь, ей стражник нужен? Да она в два счета ученого какого окрутит — побогаче да поумнее. Куда нам с тобой, когда тут полно важных господ...

— Вот вечно так! Уж и помечтать нельзя! С таким подходом ты не то что Аделину, ты посудомойку из «Пышечки», ту, что в дверь не пролазит, не охмуришь...

Тело затекло и не слушалось. Девушка, дрожа, стала подниматься со скамьи, чтобы хоть немножко пройтись. Но голова закружилась, и ноги стали вдруг ватными. «Как небо близко...» Последнее, что слышала Анна, был негромкий смех стражников.

В это время из ворот вышел старик.

«Где это я?» Высоко над головой переплетались темные потолочные балки. Анна перевела взгляд на стену и зажмурилась: у нее слегка закружилась голова. То ли от мыслительных усилий, то ли от сложного разноцветья линий на ковре. Девушка повернулась на другой бок, зевнула и задремала.

На следующий день ее навестил старик-лекарь. Неизвестно, чем бы закончилось приключение, если бы он в тот день не вышел за травами. Это была огромная удача: он редко покидал город. Последний раз — уж и сам не помнил когда. Но понадобились ему кое-какие заморские ингредиенты (какой-то мох, какие-то летучие плавуны — Анна не поняла), и он пошел их заказать к торговцам в поселение. И первое, что увидел, выйдя за ворота, — лежащее на земле тело. Молодое, красивое, но основательно перепачканное и совершенно больное.

Веяло от девушки тяжелым теплом, при каждом вздохе слышались хрипы. Пульс не сулил ничего хорошего. Напрягшись, лекарь перетащил ее на лавку, выудил из сумки маленькую рубиновую бутылочку и влил пару капель в сжатые губы. Через минуту девица дышала уже ровнее.

У ворот попрощался с поставщиками очередной торговец. Целитель дождался, когда тот закончит, и окликнул его:

— Добрый день, судары!

Торговец кивнул и собрался уже пройти мимо, как взгляд его упал на лежащую без сознания девушку. Замедлив шаг, он перевел взгляд на старика, на раскрытую сумку с бутылочками и сушеными травами.

— Здравствуйте, господин лекарь.

Торговец Перес, довольно молодой, но хваткий, зарабатывал на жизнь, поставляя лекарям города редкие травы из Царфата и Норвы, а бывало, что и с далеких предгорий. Для особо важных клиентов ингредиенты доставлял сам. Его ценили.

Старик с трудом поднялся.

— Да, я лекарь, и меня зовут Арье. Вы не поможете донести ее до моего дома? Она в очень плохом состоянии. — Он достал из кармана золотистый пропуск.

— Почему нет, сударь, — не моргнув ответил Перес. Ему приходилось бывать внутри городских стен. Один раз, во сне. И он ни минуты не сомневался, что добрый поступок обернется хорошей прибылью. — Мое имя Перес, сударь. И я, конечно, вам помогу.

Золотистый пропуск позволял провести с собой двух чужаков. В данном случае — одного провести, а другую — пронести. Если бы не торговец, лекарю пришлось бы нелегко: Анна, по ее меркам, голодала, но и старик давно уже не был атлетом. Перес тащил барышню, стараясь не слишком глазеть по сторонам, и, пока дело было на мази, завел разговор:

— А зачем к нам пожаловали, в поселения?

— Да вот, — с досадой проговорил старик, поудобнее перехватывая руку девушки, — понадобился мне синий мох. Теперь еще раз идти придется, черт-те что.

— Сегодня удача вся ваша, сударь, — довольно улыбнулся Перес. — Я торгую синим мхом уже не первый год. Когда прикажете доставить?

Арье откровенно обрадовался, и они быстро договорились.

...Старик ворчал, пичкал больную горькими лекарствами, которые она с детства терпеть не могла, но Анна все ему простила, когда начала вставать и обнаружила умывальню. Вода в лохани даже подогревалась магическим способом, всего за пару минут! Тот факт, что умывальня, лекарь и она сама находились по другую сторону неприступной стены, Анна оценила несколько позже.

* * *

...Лорд выслушал торговца Переса и щедро оплатил совершенно не нужный ему мешочек с травами. Девочка в безопасности, оставалось только ждать.

20

Девица, которая отшила Брамса (а это не так просто), вполне могла остановиться у Мамаши Джил. Если рассуждать логически, она, конечно, должна была это место за три квартала обходить, но, похоже, логику надо было на время забыть. Или сменить. И желательно — еще тогда, пять лет назад. Впрочем, о прошлом жалеть глупо: не можешь исправить — забудь.

Это место приличные граждане обходили стороной, зато очень ценили все прочие. После рыжих фонарей и покатых булыжников улицы Медных Душ тесный проулок казался перенесенным с окраины города. Сюда забредали люди, которым хватало небольшого комфорта за небольшие деньги. И это было, пожалуй, слишком мягким определением.

У порога лежало тело. Когда Тимоти через него переступал, тело зашевелилось, распространяя аромат дешевого вина, и попыталось спеть куплет игривой портовой песни, но дальше первых двух слов не продвинулось и снова захрапело, уютно ткнувшись мордой в порожек.

Мамаша была занята — распекала постояльца. Тот бледнел и покачивался, стараясь не смотреть в лицо, украшенное усами — рыжими и пышными, как и сама хозяйка. Хал постучал в приоткрытую дверь.

— И чтобы плату — через час! — прогрохотала Мамаша напоследок и повернулась. Как только она расплылась в улыбке, постоялец воспользовался случаем и испарился.

— Какая встреча! С чем пожаловал?

— Девушка. Черный плащ. Побрякушки, — коротко изложил Тимоти.

— Как же, как же. Девушка боевая, не побоялась к нам зайти, — захихикала Мамаша, потряхивая двойным подбородком.

— Дома?

— Ушла. Подождешь? Может, вина? — ухмыльнулась хозяйка.

Мастер Хал как-то раз здорово ее выручил. Не то чтобы специально, но она подозревалась в убийстве, и все было против нее, а он просто работал на своего клиента и настоящего убийцу нашел. С тех пор Мамаша всегда готова была помочь. И, хотя мастер старательно этого не замечал, даже как-то робко с ним заигрывала.

Тимоти, как обычно, отказался от угощения и пообещал заглянуть позже.

В детстве Тимоти пару раз бывал на представлениях бродячих актеров. Там тоже иногда лилась кровь — бычья, с ближайшей бойни. Настоящие бои оказались куда грязнее. Тут и кровь своя, и ноги скользят по полу, а после удара не так-то просто встать и поклониться.

Чаки — крупнее. У него сбитые кулаки, и он запросто прикончит любого. Он медленно выходит из своего угла и кивает публике. Толпа кричит и смеется, она любит наглых. Чак не спешит: хватит и одного удара, и время еще не настало. Поклон. Начали! Тимоти закрывается, когда Чаки бросается вперед. Тимоти неуклюже отшатывается, и в полете к грязному полу его настигает кулак. Хозяин, грузный и жестокий Шабати, рывкает и машет рукой. Что-то взрывается в голове, и орущая толпа растворяется в серой дымке.

Если Тимоти Арестант начинал с поражений, то мастер Хал побеждал всегда. Только с Анной были проблемы: он с ног тогда сбился, но девчонка как в воду канула. В порту ее следы обрывались. Вот и думай — в море утонула или на небо взлетела, ведь никто не видел, чтобы она садилась на корабль, а так не бывает. Когда юная бунтарка прислала отцу весточку — дескать, «прости, дорогой папа, мое внезапное исчезновение, умоляю не беспокоиться, но отныне собираюсь жить сама», — вельможа вздохнул да и отменил поиски. Аванс оставил — за хлопоты и молчание. А сам пустил слух, что отправил дочь на учебу в дальнюю страну. Городские сплетники вполне самостоятельно решили, что Анна в Пшо. Сперва об

этом шептались, с опаской и уважением, а потом, как водится, забыли.

Что ж, можно было выкинуть дело из головы, но Тимоти не любил проигрывать. Ему вполне хватало тех поражений, которые чуть не каждую ночь приходилось заново переживать во сне. Хоть бы раз приснилась победа. Их ведь было куда больше, и не только в драках! И с Джеком расчет оказался верен. Почему это никогда не снится?

...Джек тогда месяц ходил за отцом и канючил, как ему не нравится этот мерзкий урод. Шабати и сам не слепой был, видел: стоило им столкнуться, сына аж передергивало. Поначалу хозяин отмахивался, советовал не обращать внимания, но в конце концов рассердился:

— Ну что, что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Выкинь его на улицу, папа!

— Да что ты говоришь-то? Он нам деньги приносит!

— Папа, да ты посмотри на него! Он ~~сдал~~ уже, он скоро ложиться начнет. Публике нужны новые бойцы! Он который год побеждает?

В это время мимо прошел Тимоти, и Шабати проводил его взглядом. Надо присмотреться. Может быть, сын прав?

В следующем бою Тимоти лег. Противник сам не понял, как это у него получилось завалить чемпиона. Но вот же, только что стоял, а теперь лежит, за голову держится. Правда, пока парень разевал рот, Тимоти встал и легко его срубил, но Шабати задумался.

Когда назавтра Арестант прилег чуть ли не в самом начале боя, хозяин принял решение. Они расстались мирно: хозяин при всех объявил, что чемпион получает

солидную сумму и свободу. Мальчишки восторженно смотрели на бойца. Теперь они будут драться вдвое лучше. Каждый. Тимоти поблагодарил хозяина, собрал вещи и покинул барак.

Конечно, в дареном кошельке оказалось совсем немного денег. Но на первое время хватит. Тимоти недолго думая пошел к Кати и нанялся к ней на работу. Надо же кому-то ящики таскать? А после расчистки кладовки там и место для спанья нашлось. И время снова полетело, но теперь все было по-другому.

22

Чей-то взгляд щекотал спину. Тимоти замедлил шаг. Что ж, ладно. Не оборачиваясь, он дошел до «Пшо» и занял место в углу, у окна. Ждать пришлось недолго. Когда напротив уселась девица в черном плаще, мастер не слишком удивился. А вот она волновалась.

— Простите за беспокойство, но не могли бы вы все-таки продать мне браслет?

— Лучше вы мне — бляшку, — спокойно сказал Тимоти.

Девица вскочила со стула, но тут же опустилась обратно.

— Вы!.. Вы ничего не понимаете!.. — с отчаянием прошептала она.

— А вы объясните, — предложил Тимоти и подозвал слугу: — Начнем с морса.

Барышня глубоко вздохнула, попросила стакан воды и приступила к рассказу. Когда она добралась до визита

к гадалке и принялась описывать свои метания, Тимоти усмехнулся и, не глядя в меню, заказал «Алый веер». Под претенциозным названием скрывалась приличная порция тушеного мяса с гарниром из красных овощей. Теперь можно и послушать. Мастера мало волновало, что за историю она припасла, чтобы вымолить браслет, но он в любом случае собирался выяснить, куда подевалась строптивая беглянка, которая умудрилась испортить список его побед.

— И тогда я совершила самый смелый поступок в своей жизни, — улыбнулась девушка и стала рассказывать о побеге, горделиво поглядывая на собеседника.

* * *

...Под присмотром строгого и внимательного лекаря болезнь уходила быстро. И через несколько дней старик приступил к расспросам.

— Теперь ты достаточно окрепла и, я надеюсь, можешь внятно отвечать. Расскажи, что с тобой случилось? Как дошла до такой жизни?

— Понимаете, — говорила Анна, старательно отводя глаза и вышагивая по комнате, — я хочу стать врачевательницей. Как вы!

Арье посмотрел на нее скептически.

Она торопливо продолжила:

— Мне очень нужно! А у нас в городе достойных учителей днем с огнем не сыщешь! Вот я и отправилась в Пшо.

Арье усмехнулся:

— Я так понял, ты не великая чародейка. Может, ты великий воин? Ты же собиралась штурмовать стену, я угадал?

Анна окончательно смутилась и оттого отвечала довольно сердито:

— Но ведь я попала, попала сюда!

— С моей помощью, — строго заметил старик.

— С вашей, — поспешно согласилась она. — И я вам очень-очень благодарна. А вы не могли бы взять меня в ученицы?

Лекарь думал. Он был уже стар. Все сложнее становилось содержать в порядке дом, даже с помощью соседки, лечебные снадобья давно пора разобрать, да и на рынок стало трудно ходить. Конечно, от учеников одни беды, но...

Анна, боясь нарушить его размышления, ступала как можно тише. Арье поднял глаза и сурово сказал:

— Прекрати бегать.

Она немедленно присела на стул. Слушается. Можно рискнуть, вдруг окажется полезной.

— Хорошо. Но имей в виду...

Анна вскочила и захлопала в ладоши.

— Прекрати скакать, я тебя просил!

23

...Тимоти слушал, не перебивая и не торопя. Дочь лорда не слишком повзрослела за последние пять лет, где бы она их ни провела. Когда она перешла к путешествию, мастер мысленно скривился: «Заклинание забве-

ния... Мог бы и догадаться». Он поднялся из-за стола и приоткрыл окно. Анна плела какую-то сентиментальную чепуху про спасение отца, а мимо трактира, покачивая бедрами, прошла Роза. Надо будет потом посетить «салон». Сто лет не заглядывал.

* * *

С Розой он познакомился в то прекрасное время, когда до многих уже дошло: иногда надо звать именно мастера Хала и платить не споря. Вот и торговец пряностями это понял. И теперь, радуясь, что не только жив остался, но и получил обратно свои драгоценные мешки, все кланялся и кланялся. А Тимоти мысленно вычеркнул дело из списка, взял гонорар и отправился в «Букет наслаждений».

Джинни, Карлита и прочие обитательницы «Портового рая», с их манерой ковырять в носу и болтать о тряпках прямо в процессе, остались в прошлом. Здесь цены были существенно выше, но и обслуживали куда лучше: за десяток монет можно было получить чистое белье, вежливость до и, хотя на взгляд Тимоти без этого вполне можно было обойтись, цветочный чай после. И девушки тут старались.

Нет, эта не подойдет... И эта... Он холодно оглядел всех и выбрал новенькую, Розу. Она приехала сюда «из далекой горной деревни». Какая разница? Главное — здоровый цвет лица, отличная фигура и все положенные умения.

Роза его не разочаровала. А когда Тимоти перешел к чаю, вытащила из шкафчика трогательную коробочку

леденцов, взбила подушки и завела светскую беседу. Расслабленный Тимоти слушал вполуха. И чуть не взвыл, когда девица с жаром заявила, что «в порту третьего дня прямо у всех на глазах в воздухе растворились десять мешков с золотом». Во-первых, не десять, а всего два. Во-вторых, не с золотом, а с пряностями, правда, дорогими. В-третьих, это, конечно, было у всех на глазах, но никто не заметил, кто огрел торговца по темечку и куда подевались мешки. Вор где-то достал редкое закливание забвения. Тимоти пришлось бы нелегко, если бы этот идиот не напился вусмерть и не рассказал обо всем первой попавшейся проститутке, Карлите. А она поделилась со старым знакомым.

Роза подарила клиенту томный взгляд из-под ресниц и захрустела лимонным леденцом. Тимоти не стал делиться с ней своей версией событий — с чего бы? Натянул штаны, куртку, потрепал девушку по щеке и отправился домой. Выйдя за порог, он мгновенно выбросив из головы салон, Розу, пряности и торговца. Его ждали новые таинственные дела.

24

...Первое время Анна была не слишком полезна. Готовить она не умела совсем, а веник и тряпка ее пугали не меньше летучих плавунцов. От плавунцов она шарahalась месяца три, даром что они были размером с муху и хранились в сушеном виде. С готовкой дело шло быстрее, но ненамного.

— Откуда ты свалилась на мою голову, — ворчал Арье и звал Марию, соседку, которая раньше помогала

ему по хозяйству. Несколько уроков, и вот уже девица, сияя, поставила перед лекарем собственноручно приготовленный завтрак.

Арье посмотрел на источающее пар месиво и ехидно поинтересовался:

— Могу я узнать, что это?

— Яичница, — радостно ответила девчонка. — С овощами.

— Вот это, — Арье неопределенно пошевелил пальцами над миской, — яичница?

— Да.

— Деточка, съешь это сама. И попроси Марию, пусть она тебе разъяснит: яичницу готовят без скорлупы.

Тело к домашней работе приспособлено не было. Но Анна старалась не реветь, даже когда ломались ногти и руки загрубели, как у простолюдинки. Ногти можно обрезать покороче, руки — намазать маслом. Ученица с большим рвением принялась за раскладывание трав, притираний и микстур. А как ее манила библиотека! Всякий раз, делая там уборку, жадно поглядывала на стеллажи с таинственными манускриптами, но Арье строго-настрого велел начинать с основ.

Шли дни, и девушка как-то незаметно научилась и веник, и тряпку в руках держать. Ведь если не сотрешь пыль, как понять, что за зелье перед тобой?

— Я думаю, ты уже должна их различать. Которое от кашля? — Арье показывал пальцем на две стоящие в стороне кварцевые бутылочки. Анна положила тряпку. Какого цвета была та горькая жидкость, которой поил ее лекарь?..

— Хорошо, а от ломоты в костях?

Хм, бутылочки похожи как две капли воды. В одной что-то серое... и в другой тоже, только чуть потемнее.

— Ты вроде опять кашляла сегодня? Не угадаешь, заставлю на себе пробовать. Надо же тебе лечиться, — хихикнул Арье.

Она нерешительно дотронулась до бутылочек. На пальцах остались серые следы. Девушка взяла тряпку, которой протирала подоконник, когда ее позвал Арье, стерла пыль, и бутылочки засияли — одна синим, а другая — рубиновым светом.

— Красная! Красная! — завопила Анна и закашлялась. Видимо, сказывалась уборка, которой она занималась со вчерашнего дня, распахнув окна.

— Рубиновая, — назидательно поправил лекарь. — Вот и выпей три капли, чего стоишь?..

Что-что, а скучать не приходилось. Знания сыпались из уст Арье, перемежаясь язвительными замечаниями. Иногда, правда, он кричал, что ему все надоело, и требовал, чтобы глупая девица убиралась немедленно. Тогда действительно было трудно. И жалобный взгляд, который всегда помогал дома, тут почему-то не действовал. Приходилось бежать за успокаивающим. Уж это snadо-бье Анна научилась смешивать очень быстро.

25

Он не всегда был таким. Первые сто пятьдесят лет своей долгой даже для Пшо жизни Арье слыл милейшим человеком. Он охотно помогал любому, кто приходил за помощью или советом, торговки на рынке знали

его как словоохотливого и веселого господина. Он любил вкусно поест и вкусно пошутить. А еще он любил знания. Читал уйму книг, и даже когда поглощал индейку под белым соусом, листал фолианты. И постоянно задавался вопросами. Как улучшить порошок для поло-сканий? Что добавить в настой крапчатой герани, чтобы полезные свойства не исчезли и через двадцать лет? Его снадобья ценились в городе, многие врачеватели жаждали перенять опыт. Арье охотно делился знаниями — он считал, что источник их неисчерпаем и каждый может лечить, как он.

Но ученики постигали основы, выучивали состав притираний и удалялись, довольные собой. Многие использовали полученное для блага, некоторые могли повторить рецепты учителя, но никому не удавалось так талантливо создавать новое и подвергать сомнению общеизвестное. Даже мудрые старшие лекари признавали, что смелость Арье приносит только пользу. Кто, например, еще в юности придумал добавлять крылья бабочек в лекарства для стариков — для долголетия? Арье. А потом и нашел особый вид насекомых, которые при должном кормлении сбрасывали крылья и отращивали новые без вреда для себя. И это было не единственное новшество. Когда лекаря интересовали полезные свойства меди, все врачеватели, чародеи и маги города стали ожидать открытий, хотя считалось, что местная медь давным-давно изучена, особенности ее перечислены и известны всем мало-мальски ученым людям.

Как-то раз Арье рылся в собственной неисчерпаемой библиотеке и обнаружил свиток, заполненный причудливыми символами. Лекарю были отчасти знакомы эти

письмена. Его покойный прадед был родом из легендарной страны Латинии, где говорили гортанно и долго, где царствовала нега и под сенью вековых дубов создавались магические традиции. Многие из этих традиций на тысячелетие пережили своих создателей: Латиния давным-давно была разгромлена соседями при помощи обыкновенных мечей и постепенно исчезла — не только с карт, но и из людской памяти.

И вот пожалуйста. С трудом разбирая текст, Арье понял, что перед ним хитроумный рецепт изготовления медных амулетов. Не все поддавалось расшифровке, буквы расплылись от старости, но разве это могло оставить ученого лекаря?

Только на расшифровку рукописи ушел год, а потом началась настоящая работа. Потратив на опыты несколько лет, множество усилий и гору сырья, Арье получил небольшой кусок меди. На первый взгляд, медь как медь. Такую, например, применяют для усиления внимания. Арье поломал голову и позвал на помощь лекарей и чародеев. Разбирались долго, разобравшись — схватились за головы.

Эта медь упоминалась в древних книгах. Сделанный из нее амулет усиливал способности, заложенные в человеке. Более того, со временем в него могла частично переселиться душа хозяина. Исчерпываются ли этим свойства меди, не знал никто из ныне живущих.

...Для Анны ученый лекарь оставался, конечно, уважаемым, но ужасно вредным старикашкой. И уж конечно, она не задумывалась над тем, что лекари не только лому в костях лечат. Серьезные проблемы решались на совете врачей-лечителей, но Арье этим больше не занимался, а другие лекари ее не волновали.

Глава города, и сам в прошлом чародей из великих, возглавлял совет и во времена «медных» изысканий.

Выслушав всех, он помрачнел:

— Я настоятельно рекомендую хранить рецепт в секрете.

— Но ведь это великое открытие! Оно прославит наш город! — вскричал юный лекарь Варим. Любимый ученик Арье, он был милостиво допущен на совет с позволения учителя.

— Оно же его и уничтожит, — отрезал глава.

Лекари дружно закивали: никто не узнает покоя, если открытие перестанет быть тайной. Но Варим волновался: ему казалось, что скрывать такое недопустимо.

— Я приведу тебе пример, который ты сможешь понять, — сказал глава. — Представь, что будет, если любой крестьянин узнает, как получить мудрость и силу своего соседа — прославленного лекаря?

Варим хмурился. Да-да, осторожность не бывает излишней. И глава не зря занимает пост правителя могущественного города. Ученик все понимал. Но его страстная натура требовала бурной деятельности и великой славы. Не для себя — для города, для учителя, в конце концов!

Все согласились с главой, и Варим промолчал. Но не сдался и остался рядом с Арье. Лекарь уединился, чтобы изучить свойства новой меди. Перестал принимать гостей, больных спровадил к другим врачевателям, а последователям велел начинать свою практику. Разве что Варима допускал в дом: все-таки любимый ученик.

Чтобы узнать все тайны меди, нужно было проверить ее в деле. Арье решил. Вызвав мастера, давнего знакомого, он заказал простой магический амулет в виде браслета — кожа, медь, заклинание. Мастер получил чертеж, пожал плечами и заказ исполнил.

Браслет усиливал не только внимание, как многие другие амулеты, но и память и лечебные умения — все то, что Арье было присуще. С душой было сложнее. Никаких особенных «душевных» ощущений лекарь не испытывал и заключил, что пока ничего никуда не переселилось. Интересно, как происходит переход? В результате смерти? Или достаточно сменить владельца? Арье перечитал все книги по теме и выяснил по крайней мере, что в амулет должна переходить часть души только первого хозяина. А как? И потом, как она будет взаимодействовать, скажем, со вторым? И будет ли?..

26

Уборка, зелья, магические книги, амулеты — это, конечно, прекрасно. Тимоти не понимал одного: зачем Анне понадобился его браслет. Вещь хорошая, успокаивает, но таких у любого торговца навалом.

* * *

— Я думаю, молодой господин желает что-то купить. — Фалькон невозмутимо набивал трубочку, древнюю, как все то, чем он торговал.

Тимоти в нерешительности стоял у прилавка. Груды одежды, разноцветные бусы, левая кожаная перчатка тонкой работы... Глаза разбегались, но первый серьезный гонорар стоило потратить на что-нибудь полезное. Посуда есть, штаны тоже... Плащ еще один не помешает... Вот домик пока толком не обустроен, это да. И амулеты быгодились. А тут старьевщик. С одной стороны, на прилавке лежали ненужные мелочи, а с другой — кто его знает, этого Фалькона. По словам Кати, у него и волшебные вещи попадаютс.

— А откуда ты все это берешь? — спросил Тимоти, крутя в руках небольшой медный подсвечник.

— По-разному. — Фалькон уселся поудобней. — Нахожу, отдают, продают... иногда и сам не знаю.

— Это как?

— Ну вот подсвечник, который ты взял. Он тебе не нужен, кстати. Я как-то товары разбираю, гляжу — а он среди бус валяется.

— Сам, что ли, вырос?

— Выходит, так. И кольцо тебе это не понадобится, я знаю, что говорю. Ты лучше сюда посмотри.

Фалькон покопался в груди украшений и достал крупный кожаный браслет.

— Вот. Это явно твоя вещь.

Толстая кожа, медные бляшки. То ли оружие, то ли украшение. Скорее, и то и другое.

— С чего ты взял, что он мне нужен?

— Просто знаю и все. У меня бывает. Иначе как, ты думаешь, я бы жил? Я знаю, кому что пригодится. И никогда не ошибаюсь.

— Да он на меня не налезет.

— А ты примерь.

Тимоти защелкнул застежку. Кожа плотно охватила запястье, будто своя. И полностью закрыла шрамы.

— Подходит...

— Ну вот. Он только тебя и ждал.

Тимоти потрогал браслет. От кожи исходило едва заметное успокаивающее тепло.

— Беру, — решил он. — Сколько просишь?

— Шесть золотых.

— Много.

— Зато такого ты нигде не найдешь.

Тимоти глянул на руку. Что ж...

— Уговорил. Держи.

Сначала он снимал браслет на ночь. Потом перестал. Стоило оголить запястье, как невозмутимый, уравновешенный мастер деликатных поручений становился раздражительным и беспокойным. Ему будто чего-то не хватало. Когда браслет возвращался на место, сразу становилось легче. Кошмары, правда, никуда не уходили, а потом еще и бубнящий старик стал являться. Зато днем можно было сосредоточиться, не отвлекаясь на шум, обрывки слов, эмоции, всплески гнева и слезы — досадные помехи в работе.

Вот и сейчас Анна сверкала глазами, руками размахивала, а Тимоти помешивал кофе, кивал, отмечая важные детали, и терпеливо ждал финала. Все-таки история и его касалась, и не только из-за «ограбления» Кати. Но пока слишком многое оставалось неясным.

Лето в городе Пшо сменилось осенью, осень — зимой. И вот наступила весна, а за ней — новое лето.

— Здравствуй, Анна!

— Доброе утро! Такое чудесное, правда?

Мария стояла на пороге и вытирала руки полотенцем.

— Конечно. Как там дела у вас?

— Да все хорошо, — улыбнулась Анна, приостановившись у калитки. — Я вчера библиотеку разбирала.

— Молодец, а то у меня все руки не доходили. Спасибо тебе, что от хозяйства меня освободила. А то ж у меня вот... — Мария махнула рукой в сторону.

По двору бегали трое ребятишек, нестройно распевая любимую считалку. Анна давно выучила ее наизусть: «Раз-два-три-четыре-пять, вышли маги погулять...» Вокруг носилась крупная кошка с длинной, до земли, шерстью. В Пшо почему-то все кошки были такими.

— За внуками поди уследи, да обед сготовь, да рубашку зашей.

— Хорошие они у тебя. А как муж поживает?

— Болеть стал. Спину вон как гнет.

Муж Марии выращивал прекрасные вечно живые орхидеи. Анне один раз такую на именины подарили, давным-давно, в прошлой жизни. Орхидею из Пшо! Как она тогда прыгала...

— Так пусть заходит!

— А чего по пустякам беспокоить? Мы как-нибудь сами. Да и полегче ему.

— Ну смотри. Арье сейчас не очень занят. Я его попрошу, если что...

Распрощавшись с Марией, Анна пошла дальше, помахивая пустой корзинкой. Надо успеть на рынок: кончились сушеные крылья бабочек. А как без них пожилых людей лечить? Да никак — они же почти везде в таких случаях добавляются. Мало ли что Арье редко выходит, вдруг кого прямо сегодня надо будет на ноги поставить? А она тогда — р-раз, и вручит ему коробочку с крыльями.

— Доброе утро!

— Доброел

Торговки приветливо улыбались ранней покупательнице. Приятная девушка, всегда поговорит, всегда улыбнется. Городской-то народ, все эти ученые, они же тихие, на улицу нос без нужды не кажут, уединение любят, не просто же так от мира закрылись — чтобы никто не мешал.

Азартно поторговавшись, Анна получила в полное свое распоряжение коробочку крыльев и отправилась обратно, тихонько напевая себе под нос: «Раз-два-три-четыре-пять... Раз — это крылья; два — это свежевывитые, все в капельках, нежно-зеленые стебли поющего тростника; три — а тут продают медные кольца и браслеты, но сегодня они нам не нужны... Может, рыбы купить?» Старый Сальхар, настоящий лорд рыбных рядов, уже разложил свой товар...

Как минимум половина жителей города занималась «волшебством», как раньше бы она это назвала. Хотя хватало, конечно, и торговцев, и ремесленников. Но и от самых простых вещей здесь за версту веет магией. Многие делали медные амулеты на продажу. Кое-кто, как муж Марии, выращивал сады, где росли прекрасные цветы и фрукты, каких не было больше в мире: подвод-

ные груши, сон-трава, желтые пушелки с восемнадцатью лепестками (семнадцатилепестковые считались браком — такие не станут поворачиваться за человеком, а ведь в этом весь смысл). Раньше бы Анна весь город обежала, все бы перепробовала, везде бы от восторга вопила... А сейчас если выходила куда, так только по делу. И давно уже не удивлялась при виде поющих сандалий или медных сережек тонкой работы, продлевающих, между прочим, жизнь владелице. Да и зачем они ей?

Торговцы медью вальяжно обсуждали поставки медных охренок за пределы города: на той стороне залива изменились законы, и это было хорошо. У Анны всколыхнулась было тоска по дому, но она приказала себе об этом не думать. Всего раз в неделю она выбиралась на улицу за покупками, и следовало торопиться. За городские ворота Анна вообще практически не выходила: еще не все труды прочитаны, не все рецепты освоены, скорей-скорей!

Она старалась угодить Арье: в хорошем расположении духа он готов был часами рассказывать о лекарственных тайнах. Иногда, правда, увлекался и начинал вещать на восемнадцати языках сразу, включая четыре мертвых. Когда ученица в очередной раз запуталась и попросила его пояснить, что имелось в виду, он раздраженно послал ее в библиотеку. Анна зарылась в книги, иногда даже не слышала, как лекарь зовет. Бывало, что и засыпала прямо на полу у стеллажей, подложив под голову коробку или фолиант потолще.

Тут были рецепты зелий, написанные на обрывках кожи, книги магические и книги древние, тонкие свитки, исписанные странными знаками. Некоторые фоли-

анты, похоже, сами перемещались по полкам: стоило оставить какой-то из них поближе к краю, чтобы завтра продолжить чтение, как с утра он мог обнаружиться на самом верху, так что без лестницы и не достать. Тяжеленного пятитомника «Ужасные последствия магических ошибок» Анна даже побаивалась: он то и дело норовил свалиться на нее откуда-то с потолка. На Арье-то даже первый, особенно вредный том никогда не падал!

Ученица с удовольствием копалась в свитках. Самую главную тайну она уже постигла: нельзя все делить на волшебное и не волшебное. Да и было ли волшебство в том, что медь, скажем, обладает и охранными свойствами, и лечебными? Кошка и та лечит, без всякого волшебства...

Болели в городе не так чтобы часто, но все же болели. В тяжелых случаях приглашали Арье, и он стал брать с собой ученицу. Анна таскала тяжеленную лекарскую сумку и старалась запомнить побольше. А когда готовила обед (больше она уже не пыталась поджарить скорлупу вместе с яйцами), приноровилась одновременно читать книжку. Зато совсем забросила старые привычки и толком перестала за собой следить. Разве что горячую воду не разлюбила. Зато никаких сложностей с прической, никаких завивок и укладок: волосы мешают? ножницами махнул — и готово.

И чем дальше шло ученичество, тем больше Анна узнавала о том, как лечить болезни горла, что помогает при ушибах и как часто можно принимать отвар синего мха. Но сколько ни рылась она в библиотеке, сколько ни расспрашивала старика, ни разу не приблизилась к ответу на вопрос, что же ей делать с главной проблемой. До девушки

стало доходить: убегая из дома, она забыла выяснить, что за болезнь постигла ее отца. И о чем она раньше думала... На всякий случай Анна постаралась как следует изучить все тяжелые болезни...

...Тимоти только головой покачал. Быстро же до нее доходит. Удивительно, как он ее вообще в первый раз упустил: с таким умом она и на корабль-то сесть не должна была. Надо же, какое везение у барышни. Почти как у него. Или не почти. Нет, все же «почти», иначе браслет давно переместился бы на ее запястье. Он-то его отдавать не собирался, мало ли что девица там придумала. Ему не так давно уже пришлось оценить, каково это — остаться вдруг без браслета.

28

Сточную канаву прикрывали чахлые кусты каких-то чересчур колючих растений. Два часа — мордой в грязь: те, за кем он следил, вели переговоры в пустынном портовом проулке, и больше укрыться было негде. На город медленно опускался вечер, и ощутимо свежело. Когда переговоры закончились, стало уже совсем темно, и Тимоти мрачно пошел домой. Дорогое заклинание чистоты, похоже, оказалось поддельным.

Дома он с отвращением стащил с себя одежду, швырнул ее в корзину и с сомнением посмотрел на запястье. Браслет снимать не хотелось, но вымыться следовало по-человечески. А еще он здорово расцарапал руку, пока продирался через кусты. Тимоти нагрел воды, пересилив себя, расстегнул браслет и со стоном забрался в лохань.

Мыло попадало на царапины и зверски щипало, но это было уже совершенно неважно. Когда через полчаса он вяло начал подумывать, не поспать ли в более комфортных условиях, в дверь постучали.

— Иду!

Тимоти неспешно вылез, завернулся в новый синий бархатный халат и распахнул дверь. На пороге стояла Кати. Вид у нее был чуть ли не испуганный — для нее дело немыслимое. Хал поднял бровь, пропустил торговку в дом и поинтересовался, что привело ее в такой поздний час. Обычно она ложилась рано.

— Понимаешь, какое дело, — расстроено сказала Кати, — за мной кто-то следит.

— Прямо день слезки. Тебе не почудилось?

— Ой, ты же знаешь, какая я рассеянная. Я бы в жизни не заметила, но, к сожалению, это так и есть. Весь день за мной ходит какой-то... И вчера тоже.

— Разглядеть успела?

— Не много. Мужчина в темном плаще, таких пруд пруди. Но, куда ни пойду, он там же оказывается. А последние дни я как раз по городу носилась, ну, улаживала всякие дела с разрешениями. Сегодня, кстати, закончила, так что можешь заодно поздравить.

Всем торговцам города пришлось последнее время побегать: вышел новый указ, требующий какого-то очередного разрешения на торговлю. Формально — для упорядочивания процесса, на самом деле — чтобы город смог заработать хорошую сумму денег. Точнее, некоторые представители городской верхушки. Все суетились, Кати в том числе. Правда, она-то все улаживала быстро: ей обычно никто не мог отказать.

— Ты не мог бы с ним разобраться? А то у меня как-то сердце не на месте. Знаешь, очень отвлекает. Да и мало ли что...

— Он и сюда за тобой дошел? — Тимоти отломил краюху хлеба и плеснул себе морсу.

— Мне кажется, да.

— Ладно, сейчас посмотрим.

— Только ты не зверствуй, я тебя умоляю, узнай хоть сначала, чего хотел. И вот еще, мальчик мой, — строгий голос Кати донесся до Тимоти, который отправился в соседнюю комнату, надеть что-нибудь потеплей халата. — Ты не думай, что я тебя среди ночи бесплатно отвлекать буду.

— Да ладно тебе, — проворчал Тимоти, возвращаясь в комнату уже полностью одетым. — Что ж я, просто так помочь не могу?

— Дружба дружбой, а работа работой, — несколько удивленно ответила Кати. Раньше у Тимоти таких порывов не наблюдалось.

— Хорошо, потом разберемся. Посиди у меня, морсу вон выпей. Сейчас вернусь.

Оставив Кати изумленно качать головой — она прекрасно знала, что парень терпеть не может, когда в доме долго торчат посторонние, даже прислугу себе не берет, все сам, разве что одежду прачке носит, — Тимоти вышел и огляделся. Где-то вдалеке грохотал сапогами ночной патруль, на задворках сильно нетрезвый голос пел о привольном ветре и жене его, морской буре. «Да, — мысленно согласился мастер. — Погода не ах». Соглядатай жался к стене под вывеской ювелирной лавки и просматривался отовсюду. «Прямо даже жалко беднягу».

Тимоти запахнул плащ и быстрыми шагами пересек улицу.

Незадачливый «хвост» и охнуть не успел, как земля вдруг ушла из-под ног. Бывший боец небрежно приподнял его на вытянутой руке и аккуратно приложил об стену. Человек издал придушенный писк и, сделав попытку освободиться, провякал:

— Позвольте!

— Не позволю.

— Но по какому праву?..

— Не люблю, знаешь ли, когда подозрительные личности шляются по моей улице.

— Но я просто разглядывал вывеску!

— Ночью? В такую погоду? Или ты сейчас же рассказываешь мне, что тут делаешь, или я из тебя душу вытрясу!

— Хорошо! Хорошо!

Тимоти на всякий случай еще разок встряхнул сговорчивого собеседника и поставил его на место. Тот шарахнулся, но сзади оказался дом. «Какая незадача». Человек поправил сбившийся воротник и с достоинством откашлялся:

— Я... простите... торгую амулетами. Ну, там, внимание, память, обострение чувств...

— Сегодня амулеты тебе не понадобятся. Ближе к делу. Следил?..

— Нет, нет... Да!.. Только не надо снова меня трясти! Я все объясню!

Торговец протестующе помахал руками и продолжил:

— Понимаете, я недавно начал торговать... раньше вообще другим занимался. И тут этот указ! А я в этом

ничего не понимаю! И терплю чудовищные убытки! Ну... я решил посмотреть, как другие улаживают это дело. И вдруг вижу: дама, что сейчас к вам зашла, уложилась буквально в три дня! Вчера у нее уже половина была готова, а сегодня — вообще все. А у других-то нет! Ну я и подумал — вдруг она секрет какой знает или амулет у нее есть. В любом случае терять мне было нечего... Я просто решил за ней походить. Сознаю, глупо, но уж как есть. Мне больше ничего в голову не пришло.

Тимоти неожиданно рассмеялся. Торговец робко улыбнулся в ответ и подышал на замерзшие руки. Это смутно напомнило о чем-то важном, о чем-то совершенно другом, но Хал сам себя перебил:

— Послушай, я знаю, как тебе быть.

— И как? — Торговец с надеждой посмотрел на собеседника.

— Купи завтра шоколадных пирожных. С корицей. Лучше в кондитерской мадам Лили. И навести Кати. Но много не бери: она сладкое любит, а располнеть боится. И расскажи все как есть. Нет у нее никаких особых амулетов, она только охранки и признает. Зато, может, подскажет, как тебе быстрее дела уладить.

— Я как-то не подумал, — смущенно проговорил торговец, — что есть такой простой способ.

— В следующий раз подумай. Неплохое занятие, рекомендую. А теперь отправляйся-ка ты домой, а то замерзнешь еще.

Торговец, бормоча благодарности, удалился. Тимоти хмыкнул и вернулся в дом, удивляясь сам себе. Кати успела выпить морсу и задумчиво теребила бахрому на скатерти.

— Все, закончилась твоя слезка. — Тимоти с удовольствием потянулся.

— Ой! Спасибо тебе! Но кто ж это был? И чего хотел?

— Не бери в голову. А, да, завтра жди гостей, придет твой соглядатай сдаваться. Ты уж его не обижай. Он дурак, конечно, но ничего плохого не замышлял.

Кати разглядывала его, будто видела впервые. Никак подменили мальчика?

— Ладно... Ох, что-то засиделась я совсем, пора мне домой... Сколько я тебе за хлопоты должна?

— Да нисколько, дел-то на пару минут.

— Но, может, все-таки...

Тимоти было как-то не по себе. И не из-за Кати вовсе. Он налил себе морсу и привычным жестом потянулся к запястью. Браслет-то! Он метнулся в умывальню и защелкнул еще не обсохший браслет. Жесткая мокрая кожа привычно обхватила руку, и Хал вернулся в гостиную. Кати, рассеянно наблюдая за его перемещениями, достала кошелек:

— Так как?

— В этот раз можешь не платить, дело действительно было пустяковое. — Он поправил скатерть и нахмурился. Тревога ушла, и теперь он уже не понимал, а почему, собственно, он возился с тем мужиком. Советы еще давал...

— Что ж, тогда заходи на пироги. А в следующий раз, если вдруг чего, непременно бери плату — это все же твоя работа, мой мальчик.

— Договорились.

Тимоти закрыл дверь за Кати, впавшей в глубокую задумчивость, погладил браслет, одним глотком допил морс и повалился в постель.

Старик сурово погрозил пальцем: «Браслет тебе уже мешает! Ты понимаешь?» «Почему мешает? — возмутился Тимоти. — Наоборот, я без него мягчею не по делу». Но старик покачал головой, и мастер уснул теперь уже без сновидений.

Он по-прежнему не придавал значения снам. Еще не хватало.

29

Пока Тимоти учился разыскивать невозможное и справляться с эмоциями, Анна изучала науку врачевания. Про медь, изготовленную в стенах города, девушка узнала всякие чудесные вещи, когда Арье рассказывал о действии разных амулетов, хотя травам и настойкам он уделял куда больше внимания — наверное, это ему казалось более важным. Пару раз в разговорах всплывал некий браслет.

— Да, был у меня такой... — Старик в такие моменты будто смотрел внутрь себя. — Сильный амулет... А скоро, наверное, станет еще сильнее...

Амулет наверняка был напитан силой хозяина — Анна слышала, что у магов это случается. Впрочем, в подробности Арье не вдавался. Ей сначала страсть как было любопытно, но Арье завалил ее заданиями, и стало не до того.

Ученица скоблила, драила, читала, носила, бегала, скучала по танцам, по вечерам любовалась на живую изгородь из фигурных кустов тумана, окаймлявшую двор...

и знать не знала, кого вспоминает Арье, когда смотрит на нее так мрачно. Бывает же у людей плохой характер? Ничего не поделаешь... В простодушии своем Анна ни разу не поинтересовалась, где другие его ученики, неужто она одна удостоилась чести? Да, целитель выбрал хорошую ученицу: она не задавалась слишком сложными вопросами. Варим был иным.

* * *

Он совершенно измучил себя: как помочь учителю и при этом прославить город? И противоречит ли одно другому? Места себе не находил, глядя, как Арье бьется над загадкой перехода души. Может быть, все тот же браслет помог бы ученику что-нибудь понять? Но учитель либо носил амулет сам, либо запирал в ларце. Использовать что-нибудь еще для повышения интуиции Вариму в голову не пришло: для него к этому моменту существовал только один амулет — тот, о котором он думал все время.

Как-то раз лекарь, утомленный изысканиями, лег спать, а Варим разыскивал в завалах Арье средство от головной боли и наткнулся на небольшую бутылочку. Голубая жидкость внутри слабо светилась. Кто-то из молодых лекарей рассказывал ему об этом чудодейственном средстве: человек, не знающий ответа на какой-то вопрос, мог выпить буквально несколько капель и быстро прийти к решению. Верного ответа не обещалось, но такое «ускорение ума» позволяло умным людям в краткий срок решать важные задачи. Главное было — правильно сформулировать вопрос.

Торопливо, чтобы не передумать, Варим глотнул зелья. Но сгоряча плеснул в рот слишком много. «Теперь-то я узнаю, как оно там происходит». Через минуту он почувствовал легкое головокружение и внезапно понял, что надо делать. Он был способным учеником, и магическая защита ларца поддалась довольно быстро...

Боясь погони, он выбежал за стены города. Поплутал по темным переулкам, спугнул какую-то парочку и обнаружил себя на пороге одной из невзрачных портовых гостиниц. И заплатил за сутки, не зная, что жить ему осталось всего несколько часов.

Доза выпитого зелья превышала нормальную примерно раз в десять. К утру Варим соображал уже плохо: бедная его голова не выдержала. И когда на рассвете непутевый ученик, покачиваясь, вышел из гостиницы и побрел по улице, сжимая браслет в руке и силясь остудить горячий лоб морским ветром, его без всяких усилий оглушил и обобрал местный воришка. Привлеченная шумом, появилась стража. Вор убежал, но одного удара Вариму оказалось достаточно...

Когда Арье проснулся, то ощутил смутное беспокойство. Он списал волнение на тяжелый вчерашний день и заставил себя, как положено, для начала умыться, выпить кофе, съесть пару кусочков ветчины — не годится настолько погружаться в работу, чтобы обо всем остальном забывать. И только потом подошел к ларцу. Там было пусто. И эта пустота, казалось, взорвалась у Арье внутри, заполнила его целиком... и осталась. Тогда он еще не понимал, в чем дело. Просто видел, что браслет исчез.

Лекарь начал лихорадочно соображать, что же случилось. Но тут в дверь постучали. Равнодушный стражник сообщил, что Варим найден мертвым за городскими воротами.

* * *

Целитель клял себя последними словами: не пресек вовремя излишнюю пытливость ученика, не образумил и не объяснил. Мало ли какие воздушные замки мог нагородить мальчик в своем воображении? Теперь на совести Арье была как минимум одна смерть. Он чувствовал, что вместе с учеником из его жизни ушло что-то важное. Или вместе с браслетом? Но Арье приказал себе об этом не думать — чего уж, когда такая беда. Да и поделом.

Он забросил все и превратился в угрюмого затворника. Когда в гости зашел один из старейших лекарей города, обеспокоенный исчезновением коллеги, Арье резко ответил, что больше глупостями не занимается, и выпроводил визитера. Вскоре навещать его перестали, да и он не выходил из дома. Ладил только с Марией, соседкой, — ей дела не было до врачебных тайн, интересовала ее только уборка. Но и Марию лекарь допускал до холостяцкого своего беспорядка не чаще раза в неделю.

Спустя несколько лет по городу прокатилась эпидемия простуд с тяжелыми осложнениями: больной взмывал в воздух, невысоко, всего на полметра, но терял ориентацию в пространстве и, чихая, падал; нередко дело заканчивалось травмами. Знахари бились с болезнью не покладая рук, но просто не успевали. К Арье пришел сам

глава и умолял помочь. Целитель нехотя уступил. Хворь словно боялась одного его вида, и вскоре эпидемия сошла на нет. С тех пор он все-таки стал иногда принимать больных. Но к нему отваживались обращаться далеко не все: не так-то просто было поладить с угрюмым и желчным стариком.

Он утратил обычную живость и постепенно дряхлел. И тут появилась Анна. Лекарь впервые за долгое время задумался об ученике и помощнике. Она стала его правой рукой: разбирала книги, ходила с ним к больным, готовила, носилась по всему дому, не задавала лишних вопросов и очень забавно обижалась. Арье стало казаться, что даже смерть перестала дышать ему в затылок.

30

Год сменялся другим. Анна отказывалась верить глазам, но вечно обманывать себя было невозможно: Арье умирал. Последнюю неделю он лежал не вставая. Она целыми днями сидела у его постели и иногда даже плакала — успела привязаться к старому ворчуну. «И зачем я вообще сюда приехала...» — терялась девушка. К этому моменту она успела себя убедить, что в Пшо оказалась совершенно самостоятельно.

Глядя на лекаря, слабеющего, тающего как воск, она вспоминала отца. «Как он там? Волнуется, наверное... А я-то хороша: сколько времени в Пшо провела, а так ничего и не узнала». Анна даже учителю не рассказывала свою историю целиком, отделялась общими фразами.

Перед смертью Арье говорил бессвязно, но как-то раз пришел в себя, и голос его прояснился.

— Мне жаль, девочка, что мой браслет украли давным-давно. Может быть, он бы тебе помог...

Настало время, и глаза его закрылись. Девушка плакала, держа руку Арье, но он этого уже не чувствовал. Плакала, не понимая отчего: то ли от боли первой своей утраты, то ли потому, что часть ее жизни ушла навсегда, не принеся ответа...

Арье оставил ученице все: дом, снадобья, книги. И немного денег. После похорон Анна решила привести в порядок лекарское хозяйство. Что еще она могла сделать?.. Так и попал ей в руки незнакомый свиток с рабочими записями Арье...

— Там были и чертежи. — Анна кивнула на браслет. — Амулет усиливает и развивает то, что заложено в человеке... А еще было написано, что в него может переходить душа хозяина.

...Тимоти очнулся и перевел взгляд с давно опустевшей чашки на свою руку. Что у него развито? Чутье на людей? С этим и до браслета было неплохо. А душа... Чушь. Слишком отдает легендами. «Интересно, что бы сказали церковники Храмового квартала? Передрались бы, не иначе, — такой повод». А девица вообразила целый мир на пустом месте, это она, похоже, умеет лучше всего.

* * *

...Пусто стало в доме. Анна, как всегда в минуты волнения, бродила по комнатам. «Ах как не вовремя умер лекарь... Но ведь браслет-то, браслет где-то существует? Не зря же Арье его поминал, значит, помочь хотел! Да

с таким амулетом я папу от любой болезни вылечу! Надо просто браслет отыскать. Всего-то...» Но радость быстро сменилась отчаянием: нет браслета и не найти его. Выхода нет. Но и оставаться дольше в Пшо Анна не могла: мало ли что там с отцом приключиться может, пока она тут сидит. Девушка взяла с полки небольшое овальное зеркало, заброшенное и пыльное, взглянула на свое растрепанное отражение и вдруг осознала, что прошло почти пять лет.

31

На будущей неделе в местный порт зайдет корабль капитана Лестера. А за домом, как когда-то, последит Мария. Все будет в порядке. Анна думал об отце, старом лекаре и паковала вещи.

Наступил ее последний день в Пшо. Странно было вот так взять и поехать домой. По правую руку привычно тянулась городская стена, туманные изгороди источали аромат меда и сырости. Прохожие, спешащие по своим делам, приветливо раскланивались с девушкой — и когда она успела завести столько знакомств? Анна провела рукой по стене, едва касаясь пальцами теплых камней. Почти пять лет назад она сидела по другую сторону, без сил, без денег и без надежды. Если бы не Арье, кто знает, чем закончилась бы история? Как рано он умер, слишком, слишком рано... Снова одна, все тот же ветер с моря и тот же вопрос: что же делать? Но сейчас у нее есть теплый плащ, деньги, амулеты, есть все то, чему она успела научиться. И значит, теперь есть надежда. И везе-

ние! Ведь вышел Арье из городских ворот, когда она потеряла сознание? Значит, и сейчас повезет, внезапно решилась упрямая ученица лекаря, не может не повезти.

Капитан рад был встрече, тем более что стала девушка ни много ни мало чародейкой. Это же сразу видно, иначе с чего бы на ней висело столько амулетов? Он окончательно утвердился в своем мнении, когда девица с видом знатока накапала ему в стакан какой-то красной дряни; Лестер выпил — и прошел его застарелый кашель. Когда Брамс вздумал намеки делать, капитан его осадил: нечего тут. И окончательно растаял, когда Анна не только оплатила дорогу, но и талисман подарила, защищающий от штормов. Да не простой, каких у торговцев хватало, а долгий: не месяц — много лет прослужит.

В порту Анна об отце ничего не узнала и отправилась к Мамаше Джил — капитан немало про ночлежку рассказывал. Правда, он же и говорил, что место не ахти. Зато, мол, там чужими делами никто не интересуется.

Мастер Хал ухмыльнулся, представив себе Анну с ее манерами в притоне Мамаша. Ему нередко приходилось там бывать, и хозяйка не зря смотрела на него с восторгом — были причины.

32

Как-то утром в дверь Тимоти постучал человек. Лицо его было скрыто капюшоном. Посетитель, не отвлекаясь на разговоры о погоде, с которых часто начинали перешителные клиенты, заявил:

— Убили моего брата. Назовите мне того, кто это сделал.

Мастер спокойно кивнул:

— Детали?

Человек, не пожелавший представиться, скупно сообщил:

— Ахрам занимался продажей краденого. Два дня назад он получил большую сумму денег и остановился у Мамаша Джил. Его никто не видел, кроме хозяйки. Утром тело нашли в комнате. Его зарезали. Дверь была заперта.

— Городская стража в курсе этого дела. — Тимоти не спрашивал. Он знал.

Об этом говорили. Стража на многое закрывала глаза, но недавно вышел негласный указ, и особо обнаглевших преступников арестовали. Собирались посадить за решетку и Ахрама, но накануне он успел помешать кому-то еще. Убийство наделало в городе много шума — еще бы, подозревалась сама Мамаша Джил! И все было против нее.

— Я чувствую, что хозяйка не имеет к этому никакого отношения. Ваша задача — привести ко мне убийцу.

— Цена?

Клиент назвал сумму. Она оказалась достаточно большой, чтобы не раздумывать.

Раньше Тимоти и Стража не пересекались. Ну, по крайней мере, по работе. Мастер обычно занимался частными делами, о которых и знают-то, как правило, два человека — он да клиент. На этот раз дело обстояло иначе, и, проведив посетителя, Тимоти решил навестить одного старого знакомого...

...Пилькун рос хлипким ребенком, да и повзрослев, не изменился: худой, невысокого роста, ножки и ручки

тоненькие. Он в жизни бы не поднял ничего тяжелее чернильницы, а в детстве с ним даже в догонялки не играли — никакого интереса, все равно он всегда проигрывал. Но у него была мечта, как водится, недостижимая: он хотел служить в Городской страже. Искать и настигать, охранять покой и маршировать по улицам в шикарном мундире, небрежно кивая на поклоны торговцев. В конце концов, он хотел драться! Но мог только запоминать и записывать, хранить и опознавать — хилый организм оказался носителем абсолютной памяти. И, приложив невероятные усилия, Пилькун все-таки стал работать в Городской страже на новой, совсем недавно образовавшейся должности — хранителем архива. Он помнил всё: имена, даты, куда класть синюю папку и как трактовать последний указ. Иначе говоря, он был незаменим и счастлив.

Однажды Тимоти помог ему выпутаться из неразрешимой ситуации — разыскать завещание его покойной тещи. При жизни старуха никому не доверяла, измотала Пилькуна капризами, да еще и упрятала бумагу так, что никто не мог ее найти. Все бы ничего, но архивариус недавно выкупил домик, в котором жил с женой и двумя ребятишками, весь был в долгах, а теща всегда говорила, что он в завещании значится. Была у него надежда, что это правда.

Пропажа нашлась в сундуке, под старым хламом. Текст был начертан невидимыми магическими чернилами. Такие проявлялись, стоило только вслух произнести полное имя написавшего. В этом-то и была загвоздка: отец покойной когда-то бывал в стране, где считалось, что сложное имя должно защищать ребенка от злых

духов. Отец тогда просто в восторг пришел и, вернувшись, назвал дочку без затей: Мария-Хальдегерда-Ханна-Фрида-Авитель. Обычно ее звали просто «тетя Ави». Никто, кроме нее, уж и не помнил, что за имя она носила при рождении. Но Тимоти разыскал ее подругу детства, которая, несмотря на весьма преклонный возраст, вспомнила полное имя «малышки Ави» (она была на целый месяц старше пилькунской тещи и всю жизнь поглядывала на нее свысока). Подруга получила по завещанию от «малышки» одно серебряное кольцо, даже и без магических свойств и слишком большого размера. А вот Пилькун мгновенно раздал долги — теща все-таки не была, как он каждые две недели отпрашивался со службы, чтобы купить ей говорящую белку, отнести гору белья прачке или перевесить картину. Архивариус был в восторге от талантов мастера и обещал оказать любую помощь, если, конечно, когда-нибудь она потребуется.

Кажется, это был тот самый момент.

Пилькун был на месте и с готовностью поведал Тимоти обо всем, что знал. Мамашу ждала виселица, это было только вопросом времени. В комнате, где нашли убитого, замок был магический — не лишняя предосторожность для такого места — и открывался на два голоса — постояльца и хозяйки. Денег в помещении не оказалось. Исчез и золотой перстень с руки убитого.

Пока Мамаша отдыхала в тюрьме, обязанности хозяйки выполняла ее дочка — юная, но уже вполне необъятная. Услышав об убийстве, девица залилась слезами. Матушка была, конечно, не сахар, но сиротская участь еще хуже. Когда Тимоти подчеркнул, что ищет настоящего убийцу, девица с готовностью показала ему комнату.

Замки такого типа можно открыть голосом либо уж выломать из двери. Но дверь цела, и дочь хозяйки утверждала, что это ровно тот же замок. Может, какая-нибудь новая магия? По крайней мере, раньше Тимоти с подобным не сталкивался.

Никто ничего не видел, эго он уже знал от Пилькуна. В ту ночь в притоне из постояльцев были кроме неудачливого торговца Ахмара только двое пьяных матросов да портовая девица; ночь они проводили бурно и на мелочи не отвлекались. Так что Стража просто забрала Мамашу и успокоилась. Дело верное, чего бегать-то?

Но оставались соседи.

Дом слева пустовал. Зато в доме справа много лет жила непьющая посудомойка. Она, правда, все равно никак не могла вспомнить нужный день, для нее они все были одинаковыми. К счастью, Тимоти, уходя, споткнулся о корзину с овощами. Тут женщину и осенило: в тот день был выходной, она как раз собиралась на рынок, но пришлось заменить напарницу. Ночью, когда возвращалась, видела хозяина лавки, торгующего зельями в квартале отсюда. Еще подумала, что он-то небось спешит на ужин, а у нее — шаром покати.

Тимоти знал это место: под гордой вывеской «Снадобья радости» почти открыто торговали контрабандой.

* * *

За стойкой, заваленной мелким товаром, скучал хозяин. Днем тут было тихо. Не отбрасывая капюшона, Тимоти приценился к паре мелочей и завел разговор об

убийстве. Торговец икнул и заявил, что знать не знает, что там было:

— Ясно же, кто убийца, и весь сказ!

Глаза хозяина нездорово блестели, кожа отливала зеленью. Похоже, зельями для увеселений он не только торговал. Это хорошо.

— Тебе-то она чем насолила?

— Да ничем. Вы на бабу-то эту гляньте! Там и доказывать ничего не надо, руки у нее загребушие!

— А как дела у тебя в лавке идут? — сменил тему Тимоти.

Торговец, покачиваясь, силился переключиться:

— Дела-то... Дела идут. А сейчас еще лучше пойдут.

— А что так?

— Сделку выгодную заключил, — ощерился торговец.

— Что ж... Есть у тебя что-нибудь интересное для меня?

— Разное есть, смотря что господину надо. Я смотрю, как-то вы не решитесь, о пустяках все.

— Так и есть. Не знаю, сможешь ли достать.

— Говорите.

— Перстень хочу. Золотой, — наугад бросил Тимоти.

— Так что ж ювелиру не закажете? — усмехнулся хозяин.

— Я старинный хочу. И чтоб из дальних стран.

— Что ж, посмотрим, что у нас есть...

Торговец достал из-под прилавка коробку с перстнями. Сделанные из самых разных металлов, новые и довольно древние, они могли привлечь какого другого покупателя, но, увы, перстня Ахмара среди них не было. Что ж, такие вещи у себя оставляют редко.

— Нет, мне не нравится. Найдешь вещь, достойную меня, — скажи. Полсотни выложу.

— За древний перстень?!

— Ты найди сначала, а там поговорим.

— Непременно. Больше господин ничего не желает? — Торговец икнул и попытался сфокусироваться. Со второй попытки это ему удалось, но он все никак не мог вспомнить, где же он видел этого господина. В порту, что ли?..

Тимоти решил рискнуть:

— Желаю. Мне средство нужно, чтобы голос запоминало. Говорящее письмо хочу отправить.

— Скажете тоже... Такие если только в Пшо есть.

— Неужто достать не сможешь?

— Могу поспрашивать, конечно, но где ж тут обещать...

— Три сотни золотом.

— Даже не знаю...

— Пять.

У торговца на лице отразилась работа мысли. С одной стороны, опасная сделка, этот господин тут раньше не показывался. А с другой — пять сотен...

— Шесть, — выдавил торговец.

Тимоти подумал. Это было много. И если не выгорит... Он украдкой, через рукав плаща, дотронулся до браслета.

— По рукам. Когда?

— Сегодня приходите, после заката.

К вечеру Тимоти вернулся в «Снадобья радости», спугнув пару м-шанов. Эти-то чего здесь забыли? Тоже решили повеселиться? Вообще-то они обычно такими вещами не интересуются. Ну, значит, начали. Главное, чтобы с непривычки с лодок не попадали, хлебнув какого-нибудь «муравьиного сока». Впрочем, неважно.

Лицо хозяина переливалось уже всеми цветами радуги.

— Готов заказ, готов... — Слегка покачиваясь, торговец принес из задней комнаты сверток. В нем оказался бугристый зеленый камень. Что-то совсем новое, раньше о таком даже и в порту не судачили.

— И как это работает?

— Очень просто, — забубнил хозяин, — сжимаете камень в руке и говорите. А потом еще раз сжимаете — голос ваш и звучит.

— Покажи.

— Да он пустой сейчас.

— Так прямо сейчас пусть и запомнит.

Торговец не тронулся с места.

— Я, конечно, могу, но вы ж сами его потом не возьмете. Он неделю голос помнит. Пока не забудет, ничего другого вы от него не добьетесь.

Тимоти изобразил муки выбора, после чего махнул рукой:

— Должен же я знать, что покупаю. А вдруг ты меня надул?..

Торговец что-то пробурчал о чересчур разборчивых клиентах.

— Впрочем, постой. Вот, допустим, захочу я... через неделю, ты сказал?.. так вот, захочу я через неделю, чтобы он мой голос запомнил. Твой-то оттуда точно исчезнет? Мне он ни к чему. Не останется твой, нет?

— Не должен. — Торговец почесал в затылке и решительно закончил: — Нет, точно.

Тимоти быстро прикинул: даже если в ближайшие дни больше ничего выяснить не удастся, откладывать встречу с клиентом не стоит.

— Ладно, тогда показывай. Сам давай, а то мало ли что эта штуковина делает...

— Скажете тоже... Вот, глядите... — Торговец сжал камень: — Это я, — и нажал снова. Раздался его же голос, но на этот раз — из камня: «Это я».

— Хорошая вещь. Значит, неделю продержится?

— Ну да. Даже тише не станет. Только на седьмой день — р-раз, и все. Сами увидите.

— Хорошо... А знаешь, я бы еще взял, ну, чтоб сразу использовать.

Хозяин потер висок.

— Нет. В городе такой один, — с сожалением сказал он, отводя глаза.

— Жаль. Но если попадется — ты мне скажи. Я еще, может, завтра зайду. В два раза больше дам, если найдешь!

Мастер расплатился и вышел. Полдела сделано.

...Ночь была душной, и окно в задней комнате осталось открытым. Торговец принимал посетителей, то и дело отбегая приложиться к бутылке. Что в ней было, Тимоти не слишком интересовало — мало ли снадобий попадает в порт? Здесь каждый имел возмож-

ность употреблять все, что заблагорассудится, от вина до настойки черных грибов. Когда перевалило за полночь, хозяин запер лавку и погасил все свечи, кроме одной. Пройдя в дальнюю комнату, он повозился у полки со всякой дребеденью и достал из тайника небольшой сверток. Нерешительно потоптался, но помотал головой, сунул сверток обратно и ушел наверх, в спальню.

Тимоти прислушался. Ни шороха. Влезть в окно было нетрудно. Когда мастер, в полутьме ощупывая стену, нашарил нужный выступ, замок неприятным, но, к счастью, довольно тихим голосом осведомился: «Кто здесь?» Тимоти усмехнулся и достал из кармана собственный сверток. Какой легкий вопрос...

И нажал на камень.

* * *

«Откройся, зараза» — басовитый рык Мамаши Джил трудно спутать с каким-то другим. Полюбовавшись на зеленый бугристый камень, клиент думал недолго. Мастер получил свое и удалился.

С утра город шумел: Мамаша Джил на свободе! Настоящий убийца найден! За обедом Кати пересказала Тимоти слухи: оказывается, в участок Городской стражи ночью подбросили магический камень, которые только в Пшо и делают. А в камне был голос Мамаши Джил. Прилагалось и письмо, написанное хозяином «Снадобіі радости» (проверили, почерк его), где он во всем признавался: как голос камнем запомнил, как убил. Вот только писавшего нигде не было. Но за ночь ушло в море не-

сколько кораблей... Городская стража «преступницу» выпустила, сдала закрытое дело на хранение Пилькуну и впала в обычную спячку.

Каким-то образом Мамаша Джил догадалась, кто вытащил ее из тюрьмы, благодарить прибежала, но Тимоти ее выпроводил. Свое он заработал, волшебный камень занял место рядом с прочими полезными вещами в кладовке, а бесплатно ахи и вздохи он выслушивать не собирался. Но с тех пор Мамаша готова была на Тимоти молиться, и это было очень полезно для дела.

С Анной Мамаша держалась, разумеется, совершенно иначе.

33

— Это кто к нам тут зашел? Вы, сударыня, часом, адрес не перепутали? — Нависая над посетительницей, хозяйка насмешливо крутила рыжий ус.

Анна глянула из-под капюшона и молча бросила на стойку увесистый мешочек с монетами.

Мамаша приподняла бровь. Чародейка, что ль? Вся в амулетах... Девушка молча ждала.

— Тысяча чертей! — Мамаша взвесила мешочек в руке. Неплохо. — Ну, выкладывайте.

— Комнату. Приличную. На неделю.

— Ну что ж... — Мамаша задумчиво ковырнула ногтем в зубах. Интересно, и что это чародейке тут понадобилось? — Есть одна, да только вот не знаю, подойдет ли.

— Показывайте.

Комната была на втором этаже. Ее держали для особых гостей: на кровати даже виднелось грязноватое подобие постельного белья.

— Горячая вода есть? — с некоторой безнадежностью в голосе спросила девушка.

— Лишнего не держим. — Мамаша жутковато улыбнулась. Анна покорно вложила в руку хозяйки еще пять монет. — Но для вас, пожалуй, найдется. Как приспичит, на кухне возьмете. Хоть целое ведро. Скажете, я велела.

Мамаша ушла, скрипя ступеньками и что-то бормоча себе под нос. Анна огляделась. В конце концов, обязательно здесь жить целую неделю. Надо только немножко подумать.

За стенкой слышалась отборная ругань. Да и вещи здесь особенно не бросишь... Анна замерла перед раскрытой сумкой и досадливо махнула рукой. Вот ведь, охранку-то с собой не захватила. Одежда... лечебные снадобья, травы, амулеты... для повышения внимания... от головных болей... «ночная бодрость»... кольцо скрытности... «штормовку» капитану отдала... Сумка отправилась в шкаф, кошелек — в карман, на шее разместились пара амулетов. Без охраны нельзя.

В двери даже был замок! Очень смешно, если учесть, кто здесь останавливается. Реагировал, правда, на голос, так лучше. Анна тихонько сказала пару слов, язычок щелкнул, и она спустилась по лестнице, поправляя на ходу волосы. Интересно, как долго замок продержится в закрытом состоянии?

Вечернее солнце тонуло в огромной туче, наползающей с моря, накрапывал мелкий дождь. Но один упрямый лучик все-таки выбрался из темноты и заиграл на цветных кусочках слюды в доме напротив. Анна засмеялась и тут же себя одернула: охранка сама не появится, надо бежать в лавку.

Дорогу ей объяснил первый же прохожий, но идти, ни на что не отвлекаясь, было невозможно. Сколько же появилось новых лавочек и кафе! «А дома какие у них здесь красивые!» — подумала Анна, шагая по улице, и поправилась: «Здесь, у нас». Приезжему человеку было на что посмотреть, даже и в пасмурный день: разноцветные дома, резные наличники, блестящие дверные ручки — медные, берегущие жилище от сглаза, маленькие колокольчики у дверей...

Ух ты! На большом доме из прекрасно обработанного камня, желтого и зеленого, красовалась нарочито потертая вывеска со знакомыми воротами. Нарисовано не слишком талантливо, но узнать можно. Сверху надпись: «Пшо». И ворота на вывеске приоткрыты. Девушка заулыбалась и с любопытством потянула на себя массивную дверь. Она не помнила такого заведения. Точно, трактир. В животе отчетливо заурчало. Ну конечно, с самого корабля ничего не ела. И ветер какой холодный... После недолгого колебания девушка решительно вошла в зал.

Суп из голубой фасоли оказался недурен. Но вот красные звездочки повар положить забыл. И зря, они же оттеняют вкус! За стенами трактира шумел ливень. Значит, можно пока никуда не бежать, а поесть как следует. «Так... „новый десерт“. Ха, с пушелками! Нет уж, пушелки пусть сами едят, знаем мы, как они лепестками двигают, того и гляди — во рту начнут шевелиться». То есть не должны, конечно, во рту-то, но Анна на всякий случай и в Пшо-то их не ела, а тут мало ли какие пушелки?.. Она выбрала ягодное желе, которое вело себя

мирно, не прыгало, лепестков не имело и вообще было исключительно прекрасно.

Молодой господин, сидящий с кудрявой дамой, как раз заказал десерт с пушелкой. Анна с любопытством наблюдала, как он пытается добраться до фруктов, минув живой цветок, когда вдруг... Человек поднял руку, подзывая слугу. На запястье блеснул медью браслет. Как такое может быть? Она вытянула шею, пытаясь разглядеть. Кажется, да. Девушка разволновалась не на шутку. Что сказать-то? В голову ничего не шло, кроме глупого: «Здравствуйте. Отдайте, пожалуйста, браслет!»

Когда спутница Тимоти ушла, Анна быстро, чтобы не передумать, встала и подошла к незнакомому человеку.

...Получив отказ и так и не догнав Тимоти, она вздохнула, расплатилась и поплелась покупать охранку. Надо же сделать хоть одно дело! Хорошо хоть с неба лить перестало. Анна зашлепала по лужам в поисках кого-нибудь, кто знает, как отсюда попасть к лавке. Но события на этом не кончились.

34

Тимоти слушал историю «хитроумного ограбления» и мысленно ругал беспечную Кати. И себя заодно.

...Лавки запирались редко — с такими-то амулетами, поэтому, когда Анна вернулась, ей надо было просто толкнуть дверь. Анна зашла и обнаружила, что никого нет. Вспомнила, что хозяйка брала ключи из-за стойки, и нащарила их в полутьме.

— Я ни о чем таком не думала... Хотела только с хозяйкой поговорить, но она ушла, — шептала Анна. —

Я наткнулась сначала на монетку, покрутила... Испугалась, что это какая-то другая связка, но все равно ее взяла.

...С утра, сунув ненужные ключи в карман, она попыталась почувствовать заключенную в медном кругляше силу. Но без браслета бляшка не работала.

Боги будто смеялись над Анной: когда она по обыкновению бродила по улицам, ей показалось, что вдалеке мелькнул тот самый человек из трактира, но именно в эту секунду дорогу преградила пьяная компания. Пока моряки, заслоняя проход широкими спинами, шумно выясняли, куда бы им направиться дальше и какую девицу они могли бы снять, если бы еще помнили, что это такое, Тимоти уже скрылся из виду. В следующий раз они почти столкнулись у притона Мамаши Джил. Анне и в голову не могло прийти, что Тимоти тоже ищет ее. Она просто пошла за ним и опять оказалась здесь.

— И вот я снова прошу вас продать браслет. Ведь мне так нужно вылечить отца! Теперь вы все знаете, — закончила девушка, комкая салфетку.

Тимоти покачал головой:

— Для начала верните ключи. Я передам их хозяйке.

Анна нервно полезла в карман, достала ключи и положила их на столик.

— Это не всё.

Девушка прерывисто вздохнула, бросила на стол бляшку и прошипела:

— Нет у вас совести, жалости, понимания, разума — ничего у вас нет!

Тимоти убрал связку в карман и взял в руки медяшку. Подумал и приложил ее к браслету. Да, похоже, действительно отсюда. Секунду ничего не происходило,

только всхлипывала глупенькая дочка лорда. А потом нахлынуло.

...После всех бесконечных боев в порту он выжил. А следы на запястье остались. Его еще долго звали Тимоти Арестант. Когда он стал мастером по деликатным поручениям, клиентам пришлось усвоить: этот парень может выполнить что угодно, но о следах на запястье его спрашивать бесполезно — не ответит. А потом он и браслет купил. Шрамы хранили боль, а браслет не позволял ей выбраться наружу...

Десяток лет он провел на улице Медных Душ. Здесь был этот прекрасный трактир и еще множество других, лавка Кати и совсем рядом — его дом. Здесь продавали лучшие плащи в городе, нежнейшие духи и затейливые ювелирные украшения. Ему казалось, что он словно и не сходил никогда с теплых камней мостовой, нигде больше не был, нигде и никем. Всегда был мастером, хладнокровным и уравновешенным. Как древний герой, ежедневно срубающий пару вражеских голов до завтрака.

Он отправился в порт в день своего пятинадцатилетия. Раньше он здесь бывал, но всегда недолго: малышню гоняли. А с сегодняшнего дня он по всем законам считался взрослым. И искать его никто не будет... На причале шумно ссорились торговки телом. Голоса со всех сторон призывали поглядеть на диковинные товары, купить говорящую сову, выпить янтарного пива... Пахло рыбой, гарью и еще чем-то терпким и пряным. По сравнению с мамашей порт был прекрасен.

Мальчишки постарше рассказывали всякие жуткие байки об этом месте. Кое-что было правдой. Шумные торговцы с недобрым взглядом не только продавали рыбу, пряности, веселящие зелья, но и с прочими развлечениями готовы были помочь за определенную плату. Поговаривали, что есть здесь и торговцы рабами, знакомящие красивых мальчиков, которые разевают рты на заморские чудеса, с некоторыми капитанами. Поэтому как парню ни хотелось увидеть побольше, он старался все-таки смотреть, куда идет... А вокруг было здорово. Может, удастся наняться на какой-нибудь корабль? В Пио уехать...

«Во что человек верит, то он и видит... — Чужой голос будто заслонил прошлое; порт затуманился и отступил обратно в дальний угол памяти. — А прочее не имеет значения. Не надо бояться. Бой кончился. Все это больше тебе не понадобится».

Часть Тимоти осталась в порту, та часть, о которой он старался забыть: страх и ненависть, жестокость Шабати и боль в запястьях. Жизнь стала куда интереснее, комфортней, богаче... бесцельней. Ведь и страстные эмоции, и сильные желания тоже ушли в прошлое. Остался только набор умений и длинный список побед. Думал, победил? Думал, герой? Дур-рак.

Тимоти Арестант смотрел на дочь лорда. Та сидела на краешке стула со смесью злости и тоски на лице. Белая прядь, выбившаяся из встрепанной прически, то и дело падала ей на глаза, и девушка механически убирала ее за ухо. «Она считает, что амулет ей поможет. Что ж, может быть».

Тимоти медленно расстегнул браслет и протянул его Анне вместе с бляшкой. Та, не веря своим глазам, схватила, стала подниматься из-за стола, одновременно пытаясь справиться с застежкой... Наконец ей это удалось. Но почему-то вместо того чтобы бежать к отцу, она опустилась обратно на стул.

Туман в глазах Тимоти еще не совсем рассеялся, когда девушка начала смеяться. Смеялась она так долго, что Хал пришел в себя и махнул слуге, чтобы принес воды.

— Что случилось? — спросил Тимоти и сам усмехнулся такому вопросу.

— Ничего особенного. Просто я только что поняла, что мой отец совершенно здоров.

— Выздоровел? — думая о своем, переспросил Тимоти.

— И даже не болел. Вся эта история с его болезнью... Он просто ее придумал. Чтобы мне было... чтобы мне было к чему стремиться, — решительно закончила Анна и криво улыбнулась: — По-моему, нам с ним есть о чем поговорить.

— Но ведь он добился своего?

— Пожалуй, да, — помолчав, ответила Анна.

Тимоти посмотрел на голую руку. Отвел взгляд, а потом посмотрел еще раз.

Шрамы исчезли. Теперь ему предстояло учиться жить не только без браслета.

Улица Медных Душ находится в самом центре портового города. Леденцово-желтые фонари освещают уютные дома, лавочки и питейные заведения. Покатые

бульжники мостовой нагреваются за день и ночью остаются теплыми. Здесь приятно гулять, заходя в небольшие кафе и шумные трактиры, покупать всякую мелочь у приветливых торговек или, если будет на то желание, повеселиться любым другим способом. В сумерках на улице Медных Душ сбудутся ваши мечты и желания... Может быть, вам даже удастся не слишком много за них заплатить.

«ТриП», сказать по правде, означает в данном случае «три повести», то есть название сборника — просто дань стремлению составителя называть вещи своими именами. Кто скажет, будто повестей в сборнике две или, к примеру, четыре, пусть бросит в меня столько камней, сколько душе угодно.

Но, конечно, и тот *trip*, который в переводе с английского «путешествие», — не просто забавный дополнительный смысловой оттенок, а, как всякий хороший каламбур, помогает прояснить истинное положение дел, разобраться, как в школьном сочинении, что хотел сказать автор — не составитель сборника, разумеется, и не кто-то из авторов повестей, и даже не все вместе, а подлинный, непостижимый Автор, придумавший всех нас. Что хотел сказать он нам, сочиняя, к примеру, английский язык, в котором одно и то же слово используется для обозначения странствия по земле и наркотического тура по внутреннему космосу? (Да, я знаю, это просто сленг. А все равно.)

Кстати, что в данном случае хотел сказать Автор, это как раз, по-моему, вполне ясно. Всякое подлинное путешествие — путешествие сознания или, если угодно, духа; другое дело, что ни билет на самолет, ни покупка килограмма запретных плодов не гарантируют, что наше путешествие будет именно подлинным. В таком деле требуется самоотверженность, расслабленного потребителя неизбежно ждет разочарование — как и во всяком другом деле, впрочем.

Чтение — простой, доступный и совершенно легальный *trip*, то есть способ изменения сознания, если угодно, сновидение наяву. (А вот это хотел сказать уже совсем другой автор, с маленькой буквы, автор этого послесловия, то есть составитель сборника, в смысле — я.) Но даже такое простое и приятное путешествие требует от читателя известной самоотверженности. Мне очень нравится это слово, о да, потому что, не отказавшись от себя, путешественник так и не выйдет из комнаты смеха, где нет ничего, кроме его собственных отражений, часто искаженных до неузнаваемости, а все-таки. Хоть на край света билет покупай, хоть тонну героина, хоть библиотеку в сто тысяч томов. Плата за всякое настоящее путешествие — самоотверженность, так уж все устроено, и лучше бы это учитывать.

Три повести, опубликованные в сборнике, — три билета в путешествие, они подходят для этого ничуть не меньше, чем любой другой увлекательный текст. Слово «увлекательный» мне тоже очень нравится, понятно почему. Хватает за шкурку и влечет, волочит то есть, за собой, — чего ж нам еще?

Почему именно эти три повести, спросите вы. Постоянные читатели уже знают, я всегда в таких случаях

отвечаю: «Так получилось», — и не потому, что выкручиваюсь, просто правда выглядит именно так, хотим мы этого или нет.

Повесть «Экзорцисты» мне когда-то посчастливилось выслушать в устном исполнении автора, вернее, не повесть, конечно, а ее развернутый план. Разговор этот происходил в питерском кафе «Черное и белое», что на Васильевском острове; название заведения временно примирило меня с концепцией существования Добра и Зла. То есть так-то мне идея самоотверженной борьбы с дьяволом не слишком близка, но, пока сидишь в «Черном и белом», она выглядит более чем убедительно. Соглашаюсь же я играть, скажем, в нарды, которые представляют собой бескомпромиссную борьбу черных и белых фишек? Еще как соглашаюсь, если партнер по игре достойный, а Иван Матвеев, автор «Экзорцистов», — просто прекрасный партнер для любой интересной игры. Все бы так.

Повесть «Улица Медных Душ» родилась из одноименного рассказа. Ольга Морозова прислала его для сборника «78»; там он опубликован под псевдонимом, кажется, Джеки Картер — таково было требование к авторам, которые писали больше одного рассказа; все имена в сборнике должны были быть разные. Мне, помню, показалось тогда, что рассказ — это хорошо, но слишком мало, потому что реальность, ставшая местом действия, способна удержать на своей спине великое множество персонажей и их историй. В конечном счете так и вышло, «Улица Медных Душ» выросла в повесть, и я не удивлюсь, если когда-нибудь, со временем, эта повесть станет началом большого цикла историй о волшебном городе Пшо, его окрестностях и других странах-континентах; более того, я огорчусь, если это не случится.

Повесть «Боевой шлюп „Арго“» какое-то время просто хранилась в личных архивах Юлии Зонис, автора, который кажется мне одним из самых интересных открытий прошлого года — я, конечно, имею в виду мои персональные открытия, некоторые другие читатели, внимательно отслеживающие журнальные и сетевые публикации, узнали этого автора несколько раньше. Для меня большая радость и честь предьявлять тексты Юлии Зонис широкой читательской аудитории, и хочется думать, эта публикация, равно как ее участие в сборниках «78», «Укус и крокодилы» и «Русские инородные сказки-5», — только начало.

Вот вам краткая и правдивая история создания этого сборника. По моим расчетам, их будет еще немало, хороших и разных, но всякий раз, отвечая на вопрос: «Почему именно эти тексты?» — я буду говорить: «Так получилось». И морда у меня при этом будет хитрая-хитрая. Не без того.

Макс Фрай

СОДЕРЖАНИЕ

Иван Матвеев	
ЭКЗОРЦИСТЫ	5
Юлия Зонис	
БОЕВОЙ ШЛЮП «АРГО»	123
Ольга Морозова	
УЛИЦА МЕДНЫХ ДУШ	197
<i>Макс Фрай.</i> Послесловие	314

Литературно-художественное издание

триП

Путешествие с тремя пересадками

Отвественный редактор *Светлана Жаворонок*
Литературный редактор *Владимир Коробов*
Художественный редактор *Юлия Прописнова*
Технический редактор *Любовь Никитина*
Корректор *Линна Лобанова*
Верстка *Любови Копченовой*

Подписано в печать 06.07.2007.
Формат издания 84 × 108¹/₃₂. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 16,80. Тираж 5000 экз.
Изд. № 70231. Заказ № 427.

Издательство «Амфора».
Торгово-издательский дом «Амфора».
197110, Санкт-Петербург,
наб. Адмирала Лазарева, д. 20, литера А.
E-mail: info@amphora.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «Лениздат».
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 59.

***По вопросам поставок
обращайтесь:***

ЗАО Торговый дом «Амфора»

123060, Москва,
ул. Берзарина, д. 36, строение 2
(рядом со ст. метро «Октябрьское поле»)
Тел./факс: (495) 192-83-81, 192-86-84,
944-96-76, 946-95-00
E-mail: secret@amphtd.ru

ЗАО Торговый дом «Амфора»

198096, Санкт-Петербург, Кронштадтская ул., д. 11
Тел./факс: (812) 335-34-72, 783-50-13
E-mail: amphora_torg@ptmail.ru

<https://maxima-library.com/>

